
Эврика
ВИКТОР ДРАЧУК
ДОРОГАМИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ВИКТОР ДРАЧУК

ДОРОГАМИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ПИСЬМЕНА

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1976

Д72

Художники: Г. БОЙКО, И. ШАЛИТО

Д $\frac{70300-241}{078(02)-76}$ 055—76

ЛЕНИНСКОМУ
КОМСОМОЛУ
ПОСВЯЩАЮ

Автор

Письменность обессмертила мысль человека. Изобретя письмо, человек стал общаться как с современниками, так и с далекими потомками; упрочилась связь времен и поколений...

Радиолюбитель, отыскивающий в эфире голоса самых разных людей планеты, переживает особое волнение, когда ему удается связаться с кораблем, плывущим в далеких водах, с отважными альпинистами, оторвавшимися от земной жизни ради непокоренных вершин, с затерянной в тайге зимовкой. Исследователь письменности слышит голоса древних царей, полководцев, мастеров и поэтов, голоса, идущие из далеких тысячелетий.

Этой увлекательной теме и посвящена книга В. Драчука. Автор ее уже известен как исследователь причерноморских загадочных знаков античной эпохи. В своей новой книге он обращается к вопросам происхождения письма и развития важнейших видов письменности.

Читатель ознакомится и с ранними формами закрепления мысли в той или иной системе знаков, и с расшифровкой таких важных для истории человечества видов письменности, как египетская иероглифика и месопотамская клинопись.

Автора особенно привлекает романтика поиска, трудная работа по расшифровке древних надписей. Интересно следить за тем, как коллективный труд нескольких поколений ученых расцвечивается вспышками таланта отдельных удачливых исследователей.

История письма рассматривается в связи с историей языка, а все это вместе показано на фоне истории народа.

Перед читателем проходят египтяне и шумеры, греки и финикийцы, этруски и римляне, скифы и сарматы, далекие тюрки на Орхоне... Особый раздел посвящен славянам и Руси. Заканчивается книга рассказом о проблемах, стоящих перед исследователями письменности.

Небольшая по объему книга, повествующая о письменности разных народов Старого Света на протяжении шести тысяч лет, не может, разумеется, охватить полностью эту обширнейшую тему (и не в этом ее задача), но увлечь читателя, возбудить его любознательность она сможет вполне. И многим захочется пойти дальше по «дорогам тысячелетий».

Академик Б. Рыбаков,
лауреат Ленинской премии

■

КЛЮЧИ К ТАЙНАМ ПРОШЛОГО

■ Утерянный мир

Известный европейский этнограф П. Липтон вовсе не думал открывать новую письменность. Его интересовали быт и нравы африканских народов. С этой целью он и путешествовал по Южной Африке в начале нашего столетия.

Но случилось непредвиденное.

П. Липтон находился в селении басуто. Каждого европейца поражали нарядные пестрые самобытные басутские жилища. Они не были похожи ни на круглые сооружения из прутьев и травы — хижины зулусов, ни на желтые глиняные домики бечуанов, ни на изящные коттеджи буров...

Все стены басутских домов были изукрашены замысловатым орнаментом, расписаны яркими красками. Путешественников удивляло, что хозяйки постоянно подновляли рисунки на домах. Поэтому нигде нельзя было заметить потускневшую линию или облупившуюся краску. Поражало, что басутский орнамент не повторяется: каждый дом имел свои узоры, свой облик.

Но П. Липтона интересовало другое — родственные связи в племени: как басуто называют своих дядей, теток, племянников, какие здесь правила бракосочетания и тому подобное.

С этой целью он и ходил из хижины в хижину, затевая длинные, иногда бесплодные разговоры. Суеверных жителей настораживал интерес белого к их родственным связям. Но в одном доме ему повезло. Правда, глава семьи, важно помалкивая, курил трубку, но первая жена оказалась словоохотливой и доверчивой. Она давала ученому пространные объяснения. Здесь же, у порога, толпились младшие жены, внимательно прислушиваясь к разговору.

Первая жена, указывая то на одну, то на другую женщину, говорила:

— Сын вот этой жены родился на четыре дня раньше, чем сын той жены, и первый называет второго мальчика «цколи», а тот его «ксвана», потому что первый старше...

— Неправда, — горячо возразила одна из младших жен. — Как раз наоборот... Мой сын старше!

Неожиданно разгорелся спор. В него вмешался даже

молчаливый хозяин. Без лишних слов он, к большому удивлению ученого, повел всех во двор и стал водить пальцем по линиям орнамента на стене, время от времени о чем-то деловито переговариваясь с первой женой. Наконец глава семьи пристукнул пальцем по одному из изгибов росписи:

— Да, у нее старше! — и авторитетно показал на женщину, которая начала спор.

Этнограф стоял ошеломленный: перед ним на стенах жилья предстала своеобразная письменность басуто... Вот почему хозяйки регулярно обновляли рисунки: домашние летописцы вносили новую «информацию» в замысловатый рисунок на стене! Вот почему на каждом доме свой орнамент: стена — семейный архив!

П. Липтон принялся расспрашивать, срисовывать, восхищаться... Поначалу хозяева не поняли, чем так изумлен белый. Потом удивились, что ученый не знает такого «понятного» и «обычного» для них письма. И хозяин принялся растолковывать. Каждая деталь орнамента имеет определенный смысл, это как бы целое предложение. «Родился сын» — и далее обозначено число, месяц, год. «Произвел закупку скота» — и указано когда, у кого и за сколько. «Уплачен налог...», «Приехал в селение белый...», «Произошел пожар...», «У брата умерла старшая дочь...», «Переизбрали вождя...», «Три дня лили дожди, шел град»...

Хозяин «читал», и перед ученым раскрывалась панорама жизни басутского села.

П. Липтон не был языковедом. Но в одном из научных журналов он опубликовал сообщение об удивительном письме басуто. Этим этнограф обращал внимание ученых-лингвистов на необходимость срочного изучения своеобразной письменности.

К сожалению, статью П. Липтона языковеды заметили не сразу. На нее обратили внимание лишь спустя многие десятилетия, в наши дни. В названное когда-то П. Липтоном селение Южной Африки отправились специалисты. Но увы! Ученых ждало горькое разочарование.

Дома басуто по-прежнему красиво разрисованы, но орнамент уже унифицировали. Ведь где-то в начале столетия, вскоре после поездки П. Липтона в Южную Африку, басуто создали буквенную письменность сисуто

(на основе латинской). Открылись школы, где начали изучать и новую письменность, и английский язык.

В Лесото, государстве басуто, все необходимые записи давно уже делают на сисуто и по-английски. Народ басуто считается наиболее грамотным в Южной Африке. А орнаментальное письмо? Оно... забыто «за ненадобностью». Даже семидесятилетние старики ничем не могут помочь: они учились на английском и на сисуто... Письмо отцов — довольно сложное и громоздкое, непрактичное в век авторучек, пишущих машинок, линотипов — они, будучи детьми, даже не брались перенимать...

И теперь жители селений басуто, строя новые жилища, копируют орнамент своих дедов и прадедов. Попросту срисовывают архив предков, не понимая его и, конечно, во многом упрощая.

Так всего за семьдесят лет была забыта оригинальная письменность. Утрачены важные страницы истории человечества. Исчезла целая эпоха из жизни народа... Утерян целый мир.

Удастся ли кому-нибудь дешифровать орнамент басуто, «оживить» его? Заставить «заговорить» эти прекрасные рисунки, лишенные пока для нас смысла и значения?

Энтузиасты найдутся. Должны найтись, чтобы вернуть народу его историю, его прошлое, его биографию. Ведь без орнаментального письма басуто мировая культура будет выглядеть как-то беднее. Как букет без хорошего цветка.

Не может человек быть бесконечно бессильным перед загадкой истории, к тому же недавней. А найдя ключ к расшифровке орнаментальной письменности басуто, мы, возможно, отыщем ключи к познанию других загадочных письменностей, знаков, орнаментов...

Как возникло письмо

Человечество не знало письма на протяжении большей части своей истории. Долгими путями шло оно к нему и только несколько тысячелетий назад стало применять для записи речи знаки.

Принято считать, что это произошло около шести тысяч лет назад, в четвертом тысячелетии до нашей эры.

Однако в 1961 году в Трансильвании, у маленького румынского поселка Тэртерии, археологи нашли три глиняные таблички, испещренные загадочными рисуночными знаками, — памятники письменности почти семитысячелетней давности. А какие сюрпризы готовят нам новые находки?

По мере накопления опыта и знаний у человека появилась необходимость запоминать и передавать их. Говоря современным языком, возникла проблема хранения и передачи информации.

Делать это при непосредственном общении было просто, но и здесь многое утрачивалось из-за несовершенства человеческой памяти. Главным же препятствием стали пространство и время, преодолеть которые могло только запечатленное слово.

Первым шагом на далеком и трудном пути к современному письму было использование предметов — сначала в качестве мнемонических, или «напоминательных», средств. Они не передавали мысль, а только напоминали о ней. До сих сохранилась у нас привычка завязывать узелки на память.

Потом за предметами стали закреплять конкретное значение. Они являлись своего рода сигналами, условными знаками, обозначавшими то, о чем было заранее оговорено. Такими условными знаками служили зарубки на бирках или деревьях, узлы, шнуры, стрелы для объявления войны и прочие предметы. Этот способ закрепления значений носит название «предметное письмо».

Сообщения числового характера, например, отмечали условными зарубками на бирках. Их использовали для различных договоров. При заключении договора бирку расщепляли по длине, и каждая из сторон получала по половинке. При совмещении половинок зарубки совпадали. Бирки применялись и как календари (на них вырезали число дней, недель и т. д.). Они служили в качестве расписок в долговых обязательствах. До нас дошло даже такое выражение: «Кто сколько имеет на бирке». Использовались бирки и как реестры памятных заметок о событиях, которые нужно было долго держать в голове.

Для правильного расчета применяли также счетные шнуры. Их и теперь можно видеть у перуанских пастухов, у некоторых других народов в Латинской Америке и Африке. Один шнур служит для подсчета быков, дру-

гой — коров; он делится на две пряди — для дойных коров и для стельных. На третьем шнуре подсчитываются телята. Количество узлов на шнуре соответствует числу голов в стаде пастуха.

Древние китайцы также использовали для счета и запоминания узелки на шнурах. Узелки часто применялись древними народами и для учета времени. Примером может служить календарь Дария, о котором рассказывает Геродот, крупнейший древнегреческий историк, живший в V веке до нашей эры.

Геродот свидетельствует, что персидский царь Дарий I во время похода на Скифию переправлялся через Дунай по специально сооруженному мосту. Чтобы сохранить мост, Дарий оставил своих союзников ионян стеречь сооружение. Им он передал ремень с шестьюдесятью узлами и сказал: «...Возьмите этот ремень и поступайте так: как только увидите, что я выступил против скифов, начиная с этого времени развязывайте каждый день по одному узлу. Если я за это время не возвращусь, а дни, указанные узлами, истекут, то плывите на родину. Пока же... стерегите мост и всячески старайтесь его сохранить и уберечь. Этим вы окажете мне великую услугу».

Узелковыми календарями пользовались также народности Сибири, Гвинеи, Полинезии, Восточной Африки.

Роль своеобразного предметного письма выполняли и «жезлы вестников». Они были известны в Древней Европе, в Древнем Китае, у австралийских и африканских племен. Жезл, приносимый посланцем другого племени, становился своеобразным документом, подтверждающим полномочия прибывшего. На жезл наносились зарубки, памятные знаки. Глядя на них, посланец вспоминал о числе данных ему поручений. Возможно, расположение зарубок выражало определенные факты.

Оригинальны по форме и пояса «вампум» — предметное письмо североамериканских индейцев. Пояса служили своего рода посланиями, вручавшимися вестниками. Вампум составлялся из комбинации разноцветных ракушек, вплетенных в пояс или подвешенных к нему. Определенное смысловое значение имели и количество, и цвет, и взаиморасположение ракушек. Иногда на вампумы наносились рисунки, уточняющие содержание сообщения.

Известен вампум, который стал важным политиче-

ским документом конца XVII века. Это так называемый вампум Пенна — белый пояс с двумя черными фигурка-

● ВАМПУМ ПЕННА

ми посередине. Его подарили индейцы племени ленни-ленапе В. Пенну, основателю Пенсильвании, как залог мира и дружбы белых и индейцев.

Интересным образцом предметного письма служит кипу инков — исконных жителей нынешнего Перу. Счи-

● КИПУ ИНКОВ

тается, что в нем предметное письмо раскрыло все свои возможности. Кипу представляет собой толстую веревку или палку, на которую нанизаны шнуры с узелками и сплетениями. Смысловое значение придавалось количеству шнуров и узлов, их величине, расположению и цвету. Вес кипу достигал порой четырех килограммов. Неокрашенные шнуры применяли для числового учета и запоминания знаменательных событий, разноцветные — для более сложных сообщений.

У индейцев каждый цвет имел определенный смысл. Черный означал несчастье, смерть, фиолетовый — опасность или вражду, красный — войну, белый — мир, желтый — золото, зеленый — зерно. Располагая в различных сочетаниях цвета и узлы, индейцы передавали большое количество сообщений. Некоторые ученые считают, что на кипу могли быть записаны своды законов, хроники и даже стихи. Другие, однако, придерживаются мнения, что сложных записей при помощи узлов и разноцветных шнуров сделать невозможно.

И в современной практике там, где это удобно, мы используем принцип предметного письма, например, для сигнализации: бакены, маяки и сигнальные флажки — в морском деле, светофоры и семафоры — на дорогах, сигнальные лампочки — на разных приборах. Все они сродни «жезлам вестников» и шнурам перуанских пастухов.

От рисунка к букве

Предметное письмо не могло решить главной задачи: стать своего рода памятью человечества, хранящей накопленные знания. А потребность в этом, по мере усложнения общественной жизни, была все более острой. Формировались обычаи, традиции, и их нужно было передавать новым поколениям. Разделение труда и обмен товаров требовали точного учета. Выделились вожди и жрецы, их деяния необходимо было увековечить.

Следующей ступенькой на пути к современному письму стала пиктография, или письмо в рисунках. Особенность его как способа передачи информации заключается в том, что рисуночная запись сообщения передает мысль целиком, не выделяя отдельных понятий. Даже

самые мелкие фрагменты пиктограммы имеют такую же смысловую законченность, как и современное предложение. Выделить в пиктограмме составные части, как в предложении, нельзя. Она изображает действие, событие, однако никак не отражает устного языка, названий предметов. Пиктограмма обозначает то же, что и изображает, символика в ней отсутствует. Поэтому пиктограмма может быть расшифрована любым человеком, независимо от того, на каком языке он говорит.

Пиктограммы содержали охотничьи сообщения и хозяйственные записи, донесения о боевых походах, набегах, стычках и магические заклинательные формулы (особенно распространенные у североамериканских индейцев, а также в Индонезии), политические договоры, петиции, ультиматумы и любовные послания.

Для толкования пиктограммы наиболее удобна стихотворная форма. Каждая строка такого стихотворения, читаемого нараспев туземцем, описывает отдельный рисунок.

Возникла пиктография в недрах первобытного искусства. Первые рисунки человека, найденные учеными, сделаны еще в эпоху позднего палеолита: 40—10 тысяч лет назад. Древний человек высекал на камне, вырезал на кости, наносил краской на стены пещер контуры животных — бизона, мамонта, лани, носорога, лошади, оленя — или людей. Он как бы осваивал мир и запечатлевал его.

В эпоху мезолита, датируемого в Европе девятым — шестым тысячелетием до нашей эры, все более распространяются сложные изобразительные композиции, объединенные общим сюжетом. Они похожи на законченный рассказ в картинках.

Это новый шаг в познании окружающего мира, стремление отразить событие, действие. Мысль первобытного человека уже не только фиксирует конкретные факты, но и делает попытку передавать отвлеченные понятия. На рисунках чаще встречаются символические элементы и условные знаки.

Окончательно сформировалось пиктографическое письмо, по мнению исследователей, в эпоху неолита, когда разрозненные родовые группы стали объединяться в племена.

И сейчас мы широко пользуемся пиктографическими знаками. Таковы изображения товаров на вывесках ма-

ганов и мастерских; знаки, регулирующие уличное движение; череп и скрещенные кости на таре с ядовитыми веществами; рисунок руки или стрелы, указывающий направление, и многие другие. В Северной Осетии сохранился, например, обычай высекать пиктографический знак, отмечающий качества или таланты покойного. На надгробном памятнике умелому наезднику — коня или седло; ученому — книгу; искусной швее — швейную машину.

Исследователи считают пиктографию первоначальным способом письменного выражения мыслей. Благодаря своей наглядности она была общедоступна. Однако допускала вольные толкования смысла. При помощи столь громоздкого и конкретного средства выражения, как рисунок, очень трудно было передавать абстрактные понятия.

Страдала точность передачи сведений, поскольку начертания одних и тех же предметов в разных пиктограммах были различны, не говоря уже об изображении действия. Например, «оружие» в одном случае передавалось рисунком копья, в другом — стрелы и лука, в третьем — дубинки.

Пока записи были редкими и случайными, все эти недостатки пиктографического письма особенно не ощущались. Однако по мере развития государственности, когда переписка становится повседневностью и в нее втягивается все большее количество людей, письменность превращается в непременный атрибут обыденной жизни. Возникает потребность в ускорении записей. И вполне закономерно, что рисунок каждого изображения постепенно упрощается и все отчетливее расчленяется на отдельные графические знаки. Название предмета закрепляется за определенным рисунком, этот предмет изображающим.

Большое влияние на начертание знаков-рисунков оказывает материал, на который наносили письмена. В Передней Азии, например, знаками покрывали прямоугольные или овальные глиняные плитки. Вязкость глины затрудняла быстрое нанесение на плитки закругленных линий, и здесь выработались знаки в форме клиньев — клинопись. В Египте основным материалом для письма служил папирус — первый материал, специально изготовлявшийся для письма. Египетские надписи отличались большой изобразительностью. Особенно вырази-

● РАЗВИТИЕ ЗНАКОВ КЛИНОПИСИ

IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.	III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.	II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э. СКОРОПИСЬ		ЧТО ИЗОБРАЖЕНО	ЧТО ОЗНАЧАЕТ
		ВАВИЛОН	АССИРИЯ		
				НОГА	ХОДИТЬ, СТОЯТЬ, ПРИНОСИТЬ
				ЛЕВАЯ РУКА	ЛЕВЫЙ
				КОЛЫШЕК ДЛЯ КРЕПЛЕНИЯ ЦИНОВОК	КОЛЫШЕК, СТРОИТЬ
				ЗВЕЗДА	НЕБО БОГ
				РЫБА	РЫБА

тельными были надписи на камне. Их часто умело сочетали с орнаментом.

От материала зависела и сохранность памятников письменности. Безвозвратно утрачены для нас древние письмена на легкоразрушающемся материале, и, напротив, те, что были запечатлены на прочной основе, сохранились до настоящего времени. Это они доносят до нас голоса давно минувшего.

Например, торжественное, высеченное на камне предостережение властелина Персии Дария I:

Говорит Дарайавауш, царь:
«Ты, который в будущие дни
Увидишь эту надпись,
Которую я приказал выбить в скале,

Или эти изображения, —
Не разрушай их!
Но оберегай,
Пока можешь».

Однако возвратимся к рассказу о развитии письма. Следующей вехой на пути к современному письму было членение фразы на отдельные понятия, а затем и слова. Пиктограмма изображала только законченную мысль, без членения на отдельные элементы (части речи), теперь за каждым понятием и конкретным предметом закрепился знак-рисунок. Из них, в свою очередь, составлялась запись. Система таких знаков — идеография — была упорядочена в масштабе государства, которое нуждалось в устойчивом и точном письме для управления, учета, записи законов и т. д. В ряде стран (Египте, Шумере, Китае, на острове Крит) идеография возникает на одной и той же стадии развития общества, вместе с рабовладельческим государством, в недрах которого и достигает высокой степени совершенства.

Идеографическое письмо не только передавало содержание сообщения, но и выявляло словарный состав языка. Последовательность знаков-рисунков уже не зависела от прихоти писца, она отражала синтаксический строй, присущий языку.

Образование знаков-идеограмм для слов, которые

имели конкретное значение и поддавались изображению, протекало достаточно ясно: оно шло по линии упрощения графического начертания. Например:

С передачей абстрактных и сложных понятий дело обстояло много трудней. Однако и это препятствие было преодолено. Поражает изобретательность, с которой обходили писцы все сложности. В древнеегипетском письме, например, искусно применяли образно-символический принцип. Слово *воин* изображалось при помощи двух рук: одна держит щит, а другая — копье. Употреблялась эта идеограмма и для обозначения понятий *сражение, сражаться*. Глагол *ходить* передавали, изображая две шагающие ноги, глагол *видеть* — два глаза. Слова *жадность, алчность* — рисуя крокодила, слова *прохлада, прохладный* — сосуд с вытекающей из него водой.

Иногда связь между конкретным предметом и абстрактным понятием выражалась на основании неизвестного для непосвященного поверья или предания. Слово *справедливость*, например, в Древнем Египте записывалось изображением страусового пера, поскольку считалось, что все перья в крыльях страуса одинаковой величины. Слово *год* — изображением пальмовой ветви: египтяне думали, будто пальма дает ровно 12 ветвей в год.

В шумерском письме знак *солнце* употреблялся и для обозначения слов *свет, день, белизна*. Знак *звезда* — для изображения слов *небо, бог*. Знак *саранча* — для слов *не, нет*.

А вот в китайском языке новое значение получали в результате изменения формы или положения знака. Иероглиф *человек*, например, при некотором видоизменении (добавление новых штрихов) обозначал уже *тело, рука*. Для обозначения чисел и пространственных отно-

шений китайские писцы применяли специальные условно-символические иероглифы:

Часто сложные и абстрактные понятия передавались с помощью комбинации в одном знаке двух идеограмм. Так, в шумерском языке применялись следующие сочетания:

хлеб + рот = есть
глаз + собака = злой
птица + яйцо = рождать

В китайском языке:

женщина + ребенок = любить
ухо + дверь = слушать, подслушивать
клинок + сердце = терпеть
женщина + крыша = мир, тишина

Идеограммой особенно сложно было передавать имена собственные. Для некоторых имен писцы применяли сходные по значению идеограммы. Однако далеко не все имена имели какое-то смысловое значение. Это касалось в первую очередь иностранных имен. И эта трудность была устранена хитроумными писцами. Применяли они «ребусный», как назвали его исследователи, способ. Имя делилось на части таким образом, чтобы по звучанию они совпадали с какими-либо словами. Из набора идеограмм этих слов и составлялось имя. Такая запись уже отражает звуковую сторону языка, прочно связана со звучащим словом и поэтому называется логограммой (в отличие от идеограммы, которая связана только со значением и может быть прочитана на любом языке).

Был еще один способ образования знаков для сложных и абстрактных понятий, отражавших звучащую речь. Он применялся для омонимов — слов, одинаково звучащих, но разных по смыслу. Их обозначали одним знаком — логограммой, но для того, чтобы они отличались друг от друга, к логограмме присоединяли ключевой знак, детерминатив, который указывал точное зна-

чение. В роли ключевых знаков выступали другие идеограммы, превращавшиеся во вспомогательный непроизносимый значок. Например, в китайском письме слово *фэн* без ключевого знака обозначает глагол *делать*. Та же логограмма с ключевым знаком *сердце* выражает понятие *возмущение, гнев*, с ключевым знаком *нити — путаница*, а с ключевым знаком *сосуд — таз*.

Идеографическое письмо связано со смысловой стороной языка. Форма идеограммы не зависела от того, как слово звучало. Благодаря этому идеограммы могли использоваться в других языках и обозначать совершенно иные по звучанию слова Так, иероглифы китайского языка заимствованы японской, корейской и вьетнамской письменностями.

В современном языке мы также пользуемся знаками-идеограммами. Это цифры, которые мы узнаем в тексте независимо от того, на каком языке содержание изложено. А прочитаны они могут быть по-разному. Идеограммами являются математические знаки, химические формулы, различные условные обозначения, принятые международными системами единиц. Например, уравнение. $\sqrt{28081563033616} = 4604 \times 1151$ звучит на разных языках различно, а написано всегда одинаково.

При всей изобретательности древних писцов идеографическая письменность в чистом виде обладала серьезными недостатками, заставлявшими искать новые принципы воспроизведения речи на письме.

Справляясь с обозначением абстрактных понятий, идеография не могла указывать грамматических форм слов, отчего страдала точность передачи связи между понятиями. Однако наиболее труднопреодолимой была многознаковость идеографических систем. В некоторых высокоразвитых цивилизациях идеографическая письменность насчитывала десятки тысяч знаков. При этом даже те знаки, что ведут свое начало от пиктограммы, наглядно очерчивающей предмет, полностью утрачивали сходство со своей «моделью». Для овладения такой грамотой приходилось потратить немало лет, что могли себе позволить немногие.

Древние народы относились к письменности с благоговением, как к некоему чудодейственному искусству. Изобретение письма они приписывали своим главным богам. Вавилоняне нарекли создателем письма и счета бога мудрости Набу, сына творца вселенной Мардука;

древние египтяне — бога мудрости Тота. Оба бога назывались властителями человеческих судеб, которые они записывали «палочкой рока». Древние китайцы почитали как создателя письма божество с лицом дракона Цан Цзе, индусы — Брахму, древние германцы — бога Одина, создавшего, по их поверью, руны — письмо-магию. Древние греки считали изобретателем числа, меры и азбуки бога Гермеса, который будто бы научил этому искусству людей.

Магическая власть письма над непосвященными была столь велика, что дар этот воспринимался как привилегия избранных, недоступная простому человеку. Люди, знавшие грамоту, относились к особой касте. Это жрецы, писцы, ученые и государственные деятели. Профессия писца была очень почетной. Даже знатные вельможи и высшие чиновники любили, чтобы их изображали в позе пишущего.

Нужды общественного развития все сильнее требовали более компактного, точного и доступного письма, чем идеография. Новый принцип, давший толчок дальнейшему совершенствованию письменности, родился в недрах идеографии. Это был путь от фиксации смысла к фиксации звука. Мы уже упоминали о «ребусном» способе записи имен, основанном на подборе сходных по звучанию, а не по смыслу слов. В Шумере, например, еще с начала третьего тысячелетия до нашей эры были распространены (как своеобразный литературный «жанр») надписи, прославлявшие деяния шумерских правителей — военные походы, сражения и пр. В них перечислялись названия завоеванных городов и областей, имена чужеземных царей, записанные именно «ребусным» способом.

Фонетический принцип применялся и при обозначении общим знаком омонимов — близких по звучанию слов. Человек учился воспринимать логограмму как запись сказанного слова, как своеобразный звучащий аккорд.

Следующим шагом на пути к букве стало слоговое письмо. То была принципиально новая идея, рождение которой требовало очень высокого уровня абстрактного мышления. Сделать такой шаг трудно.

Чтобы впервые расчленить значащую цельность слова на ничего не значащие части, нужно отделить звуковую оболочку от смысла как от чего-то малосуществен-

ного, хотя именно ради передачи смысла слово и существует. Около двух тысяч лет потребовалось для этого человечеству. Если первые идеографические системы стали возникать в четвертом-третьем тысячелетиях до нашей эры, то слоговые появились только во втором-первом тысячелетиях до нашей эры.

Слоги выделялись в древнеегипетской, шумерской, ассиро-вавилонской, древнеперсидской, китайской и других идеографических системах письменности. Обычно в слоги превращались односложные идеограммы — по «ребусному» способу.

Однако древнейшие письменности в силу различных исторических обстоятельств выходили из употребления, порой так и не успев преобразоваться в чисто слоговые. Другие же, более «молодые», использовав знаковую основу древних идеографических систем, напротив, стали слоговыми (например, японская письменность). Особый путь развития прошло китайское письмо.

По сравнению с идеографической слоговая система была удобнее для обучения и употребления. Она делала письмо более компактным, поскольку насчитывала от двух-трех сотен знаков до нескольких десятков, точнее отражала фонетический и грамматической строй языка.

Все же принцип слогового построения письма оправдывал себя только в случае, если язык «собирался» из немногих слогов. Иначе письменность оставалась громоздкой.

Дальнейшее развитие письма пошло по пути все большего дробления звукового потока, до самой мелкой «дольки» — звука.

Колоссальная, титаническая работа человечества! Ведь прежде чем выделились «типовые» элементы языка, из которых построена вся наша сложная и многообразная речь, нужно было расчленить звуковой поток на мельчайшие отрезки, сравнить их между собой, установить их разницу и сходство. Так, к примеру, первый звук в слове *сын* мы произносим, слегка растягивая губы, в слове *сон* немного вытягиваем их и округляем, в слове *сан* произносим, не округляя губ, а в слове *су* сильно вытягиваем их и округляем. Но при письме эти разные звуки обозначаются одной буквой *с*. А слова *плод* и *плот* звучат совершенно одинаково, хотя в конце стоят два разных звука, и т. д. и т. п.

Сначала были выделены согласные звуки в древне-

египетском письме, чему способствовало то обстоятельство, что в языке Древнего Египта оказались логограммы, состоящие из одного звука.

Первый алфавит создали финикийцы во втором тысячелетии до нашей эры. Он состоял из двадцати двух букв. Они обозначали лишь согласные звуки или слоги, состоящие из согласного и гласного звуков. Ведь финикийский язык принадлежал к семейству семитских, в которых главную роль играли согласные. Из них составлялись корни слов. Гласные же выражали главным образом грамматические связи и формы слов. По этой причине финикийский алфавит занимает промежуточное положение между слоговыми и буквенно-звуковыми системами письма.

Знаки финикийского алфавита имеют простую, удобную и для написания, и для запоминания форму. Существует несколько гипотез происхождения финикийского письма. Как его возможных предшественниц называют и египетскую, и ассиро-вавилонскую, и критомикенскую письменности. Сторонники каждой теории приводят аргументы за и против. Однако для нас важно то обстоятельство, что финикийский алфавит представляет собой закономерный результат длительного пути развития письма.

Финикийский алфавит был заимствован греческой и арамейской письменностями. От арамейского алфавита берет свое начало восточная ветвь буквенно-звукового письма и некоторых слоговых систем, распространенных в Азии. Греческий стал колыбелью западных буквенно-звуковых систем письменности, для которых в равной степени характерно употребление как гласных, так и согласных звуков.

Великая историческая заслуга древних греков состоит в том, что они выделили гласные звуки, введя для них в алфавит специальные знаки. Так греческий алфавит приобрел вид, который в основных своих чертах сохранился и по сей день.

Это произошло в первом тысячелетии до нашей эры. Нововведение обеспечило более точную передачу звуков речи. И вот уже более двух тысяч лет человечество пользуется буквенно-звуковым письмом — этим гибким инструментом для передачи различных событий, мыслей, чувств...

Конечно, схема развития письма: пиктограмма —

● РАЗВИТИЕ ФИНИКИЙСКОГО АЛФАВИТА

идеограмма (логограмма) — слог — буква — несколько упрощена, выпрямлена. Но путь этот мы рассматривали в масштабе тысячелетий. И как на географической карте, где сотни километров ухабистых дорог выглядят маленькой полосочкой в несколько миллиметров, в нашем рассказе остались нераскрытыми отступления, тупиковые пути развития письма.

Сегодня известно около четырехсот видов письменности. И каждая система письма — живая, меняющаяся, развивающаяся цельность, причудливое сочетание различных способов закрепления некогда сказанного.

Более двух столетий ведется активная работа по изучению этих систем. Одни письменности уже полностью раскрыли свои тайны, другие еще ждут своего часа.

Ждут разгадки самые древние, написанные в конце четвертого и начале третьего тысячелетия до нашей эры многочисленные документы шумеров — народа, который вместе с египтянами стоял у истоков цивилизации и был одним из первых создателей письменности вообще. Прочтены только более поздние шумерские тексты. Мы до сих пор не знаем, и как возникло финикийское письмо.

Не исключено, что в ходе исследований отыщут надписи, сделанные совершенно неизвестными нам письменами.

В 1969 году в верховьях Енисея, под Минусинском, экспедицией советских археологов были найдены семь испещренных рисунками деревянных дощечек, по форме своей напоминающих боевые мечи. Руководитель экспедиции, доктор исторических наук М. Грязнов пришел к выводу: расположение рисунков позволяет предположить, что это образцы пиктографического письма. Каков смысл послания, пришедшего к нам через века от древних енисейцев, что зашифровано на деревянных «открытках», пока неизвестно.

■ Что такое дешифровка

Что значит дешифровать письменность? Это значит прочесть текст, написанный неизвестным письмом. Для этого необходимо отождествить знаки исследуемого письма со словами языка, который знаками записан.

Из чего же складывается работа дешифровщика? Прежде всего хотелось бы подчеркнуть следующее обстоятельство: для расшифровки неизвестной письменности и всякого неизвестного языка необходима хоть какая-нибудь опора: из ничего — нечего дешифровывать. А если не за что ухватиться, если опора не найдена, значит, серьезных результатов ждать не приходится и остается лишь простор для беспочвенных фантазий.

В понятие «дешифровка» в самом широком смысле обычно включают три разных вида работы над памятниками письменности.

В первом варианте исследователю надо понять и прочесть надпись или документ, записанный на неизвестном языке, но уже известным письмом. Скажем, хеттский клинописный текст и этрусский язык или более

близкий нам пример — использование в Португалии латинского алфавита. Но как прочесть и перевести португальский текст, если нет ни словарей, ни грамматик португальского языка? Для этого исследователь должен разобраться в значении слов и грамматических форм.

Во втором варианте язык известен или, во всяком случае, предполагается известным, но записан неизвестной письменностью, например, греческий язык, записанный слоговым письмом Кипра. Или простейший случай: вы понимаете по-немецки, но читаете только латинский шрифт и не знаете готического. Здесь задача исследователя сводится к «декодированию», то есть переводу одной знаковой системы в другую.

И наконец, третий, последний вариант — не известны ни язык, ни письменность. Это случай, разумеется, самый трудный, но и самый привлекательный для исследователя, который должен и декодировать письмо, и разобраться в его значении. Тут необходима помощь всех вспомогательных дисциплин, всех возможных научных средств. Поэтому, например, интерпретация хеттского клинописного текста вообще не может быть поставлена на одну ступень с дешифровкой египетских иероглифов или клинописи.

Наиболее благодарным средством дешифровки является билингва, то есть два параллельных текста, написанных на разных языках, но имеющих более или менее одинаковое содержание. Например, вывески на русском и национальном языках в наших республиках. Не будь билингв, нельзя было бы дешифровать ни египетские иероглифы, ни вавилонскую клинопись; только применительно к хеттской клинописи мы сталкиваемся с редким случаем, когда письменность и отчасти также язык раскрыты без помощи билингвы и правильность дешифровки лишь впоследствии подтверждена двуязычной надписью.

Ну а если билингвы нет, что тогда? Здесь, как уже говорилось выше, идет в ход все, что только может помочь исследованию.

Впрочем, случается, когда и самая, казалось бы, надежная билингва не может помочь дешифровке. За примером далеко ходить не надо.

Несколько лет назад нашли ликийские билингвы.

В Малой Азии, у Средиземного моря, располагалось Ликийское царство. За несколько веков до нашей эры

оно достигло расцвета. Его столица Ксанф славилась прекрасными храмами и дворцами. Археологические экспедиции не раз вели раскопки на территории Ксанфа.

Но скоро радость исследователей, обнаруживших билингвы, — ведь до тех пор прочесть письмо ликийцев не удавалось — сменилась разочарованием. Это были в основном надгробия, на которых «недогадливые» ликийцы оставили всего лишь несколько слов, явно недостаточных для составления словаря.

Понадобилось еще несколько лет, чтобы фортуна наконец повернулась к ученым лицом. В 1974 году на юге Турции французские археологи открыли каменную стенку высотой немногим больше метра. Какова же была радость ученых, когда на ней обнаружили трилингву — надпись не на двух, а сразу на трех языках: ликийском, древнегреческом и арамейском. Последний, как и древнегреческий, отлично изучен, он служил государственным средством общения в огромной империи Древнего Ирана. Часть надписи уже прочитана, и, может быть, вскоре мир ликийцев откроется взору современного человека...

Итак, приступая к дешифровке, исследователь предварительно выясняет общие свойства системы письма. По незаполненной части последней строки текста он определяет направление письма, устанавливает, отделяются ли слова и какими регулярно повторяющимися значками это отмечается: черточкой, точкой, двоеточием и т. п.

Затем подсчитывает число знаков. Оно может показать, с какой письменностью предстоит иметь дело: буквенной, слоговой, идеографической или смешанной. Письменность, включающая менее 30 знаков, скорее всего окажется буквенной, а несколько сот — сложной слоговой системой.

Имена собственные дешифровщик отыскивает с помощью билингвы (если она имеется) первыми. Они служат начальными тропинками, по которым ученый входит в неизвестную письменность.

Когда нет билингвы, для расшифровки текста с неизвестной письменностью используют два метода.

Первый — комбинаторный. Письмо объясняется и толкуется на основании закономерностей, которые выведены из текста, уже читаемого, но непереводимого. Умозаключения дешифровщик делает, наблюдая за

строением и изменением разных групп знаков, структурой языка в целом, за тем, какое место занимают главные члены предложений.

Второй метод — этимологический. Он основан на сопоставлении слов дешифруемого текста с предполагаемым родственным языком. Однако для применения этого способа нужны веские доказательства родства двух языков. Одно сходство начертаний не может служить достаточным аргументом. Ведь русское «Н» и латинское «Н» имеют одинаковое начертание, но это не означает, что они одинаково читаются.

И только в том случае дешифровка считается завершенной, когда чтение письменности становится возможным в любых контекстах!

Здесь мы упомянули самые общие принципы работы над дешифровкой текста. Однако в каждом отдельном случае исследователю приходится сталкиваться с новой, непохожей на другие задачей. И на решение ее он затрачивает много сил и таланта...

С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН СВЕТА

■ Дарий и скифы

Когда персидский царь Дарий I захватил трон, могущественной рукой расправившись со всеми непокорными, он тут же решил проучить воинственных кочевников, досаждавших ему своими набегами.

Огромные Дариевы полки лавиной двинулись на земли скифов. И когда 60 лет спустя греческий путешественник и историк Геродот посетил Северное Причерноморье, воспоминания об этом походе были настолько живы, что он посвятил ему всю четвертую книгу своей знаменитой «Истории».

Историк собрал в ней рассказы очевидцев и тех, чьи отцы сражались с Дарием. Среди них был скиф по имени Тимн, опекун царя Ариапейта, того самого Ариапейта, который сменил Иданфирса, руководившего скифским войском во время войны с персами...

Геродот называет численность войска Дария: 700 тысяч человек. К тому же 600 кораблей. Армия Дария в те времена была лучшей в мире.

Подвластные персам народы соорудили специальные мосты через фракийский Боспор (Босфорский пролив) и через Истр (Дунай). По этим мостам Дарий из Малой Азии двинулся на Скифию.

«После перехода всех воинов на другой берег, — писал Геродот, — он повелел ионянам вместе с экипажами кораблей уничтожить мост и следовать за ним по суше. Выполняя повеление царя, ионяне уже собирались разрушить мост. Тут Кой, сын Эрксандра, стратег митиленцев, осведомившись сперва у царя, угодно ли ему выслушать совет человека, желающего его дать, сказал следующее: «Царь! Ты ведь собираешься в поход на страну, где нет ни вспаханного поля, ни населенного города. Так прикажи оставить этот мост на месте и охрану его поручи самим строителям. Если все будет хорошо и мы найдем скифов, то у нас есть возможность отступления. Если же мы их не найдем, то по крайней мере хоть обратный путь нам обеспечен. Меня вовсе не страшит, что скифы одолеют нас в бою, но я боюсь только, что мы их не найдем и погибнем во время блужданий. Скажут, пожалуй, что я говорю это ради себя, именно оттого, что желаю остаться здесь. Напротив, я сам, конечно, пойду с тобой и не желал бы оставаться».

Дарий весьма милостиво принял этот совет и ответил Кою так: «Друг мой, лесбосец, когда я благополучно возвращусь на родину, пожалуйста, явись ко мне, чтобы я мог вознаградить тебя за добрый совет благодеяниями».

Соседи скифов — агафирсы, невры, адрофаги, меланхлены, тавры и другие отказались в этот критический момент помочь кочевникам отразить нападение. И, не имея сил противостоять полчищам Дария, скифы приняли такую тактику: отступая, они сжигали на пути селения, засыпали колодцы с водой. Причем заманивали персов в земли агафирсов, меланхленов и других соседей, как бы провоцируя последних на борьбу. Ночью небольшие скифские отряды, смело нападая на авангарды персов, уничтожали их. Донимали персов и бесконечные засады. Много бед захватчикам приносили степные пожары. Одним словом, скифы вели настоящую партизанскую войну. Персидское войско быстро таяло, но двигалось за скифами.

Наконец Дарий не выдержал и отправил главному царю скифов Иданфирсу послание: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры».

Иданфирс не замедлил с ответом: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо, и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это [я сказал] о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров — земли и воды — я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал

себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!»
Гордо ответил Иданфирс. Но это были не только слова.

Когда Дарий, углубившись в «скифские» степи, оказался в затруднительном положении, скифские цари без промедления отправили грозному завоевателю необыкновенные дары: птицу, мышь, лягушку и пять острых стрел. Как ни расспрашивали персы гонца о значении подарков, тот повторял одно и то же: ему приказано лишь вручить «послание», а разгадывать его предлагается самим чужеземцам.

И персы начали гадать. Сам Дарий то ли хитрил, то ли действительно так понял смысл подарков, но «читал» послание тенденциозно, в свою пользу. Мышь водится в земле и питается теми же плодами земными, что и человек. Лягушка живет в воде, а посему, утверждал Дарий, скифы отдаются ему, персидскому царю, с водой и землей вместе. А стрелы означают, что скифы сложили перед персами свое оружие.

Такое толкование скифского послания было крайне неубедительным. И за расшифровку взялся советник Дария Гобрий. Он и «прочел» послание достаточно точно. Оно оказалось ультиматумом скифов: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами».

Гобрий оказался прав. Силы персов продолжали таять, и Дарий вынужден был вскоре начать позорное отступление под градом стрел скифских конников, налетавших столь же стремительно, сколь и исчезавших из поля зрения.

Случилось невероятное. Крупнейшее мировое государство Дария I потерпело позорное поражение. Победили авторы «предметного» ультиматума — скифы и их царь Иданфирс.

■ Была ли письменность у инков?

В 1972 году мир облетела сенсационная новость: найдена письменность инков! Народа, история которого полна загадок.

Инки создали гигантскую империю Тавантин-суйу («Четыре страны, провинции») со своеобразным, до сих пор еще до конца не понятым государственным строем.

Она занимала территорию современного Перу. Много легенд ходило о колоссальных сокровищах инков, которые привели буквально в неистовство испанских конкистадоров, в XVI веке захвативших страну.

В истории сохранился рассказ о том, как инки спрятали свои сокровища от жадных рук колонизаторов.

...Сангай — один из активно действующих вулканов в Эквадоре. Над вершиной его медленно поднимаются клубы черного дыма, из недр время от времени вылетают раскаленные камни. Падая вниз, они увлекают за собой массу других камней, и горе тому, кто окажется на пути этой страшной лавины.

Подступы к вулкану трудны. Вначале путь загораживают непроходимые леса с топкой грязью, в которой можно увязнуть по пояс, потом бурные реки, часто выходящие из берегов. Наконец, третий пояс этой своеобразной обороны — каменные осыпи, где от каждого неосторожного шага начинается лавина.

Когда-то в государстве древних инков Сангай провозглашался богом огня. Он был верным часовым, хранителем этого народа. Предполагают, что именно здесь инки спрятали весь золотой запас своего могущественного государства. И сейчас при упоминании о Сангае жадно загораются глаза охотников за сокровищами.

В страшную эпоху конкисты, когда на землю инков нагрянули завоеватели-испанцы, бог огня отвернул от инков свое лицо и отдал их на растерзание бородатым людям Ф. Писарро, главы испанских конкистадоров. Обнищавшие идальго были готовы на все ради наживы. Проводя хитрую и коварную политику, они умело использовали борьбу за престол между двумя братьями — Ата-вальпой и Васкаром.

Заманив в свой лагерь Ата-вальпу, Ф. Писарро заточил его в темницу и потребовал огромный выкуп: всю комнату, в которую заточили Ата-вальпу, объемом в 70 кубометров, нужно было наполнить драгоценностями и золотом.

Быстрые гонцы инков «часки» разбежались во все концы страны. Они несли кипу с желтыми шнурами, обозначавшими золото. На шнурах были завязаны узелки. Они «говорили», сколько золота, куда и к какому времени нужно принести.

Много драгоценного металла получил тогда Ф. Писарро. Но и этого ему показалось мало, и он задумал но-

вое преступление. Братья-соперники были явной помехой на пути к золоту. А в том, что у инков еще много желтого металла, испанец был уверен. Как бы в угоду Ата-вальпе, он убил Васкара, а потом обвинил в братоубийстве Ата-вальпу. И над последним правителем инков устроили испанский суд по всей форме. Приговор был коротким и жестоким: смерть.

Но инка страстно хотел жить. Ради этого он готов на все, и он предал свою веру, обычаи, традиции. Он прошел через унизительную церемонию: кровожадный, алчный Ф. Писарро, виновник всех бед инки, стал крестным отцом Ата-вальпы в обряде крещения. Но даже крещенный, Франсиско де Ата-вальпа не избежал смерти, только погиб он не на костре, а от железного ошейника — гарроты.

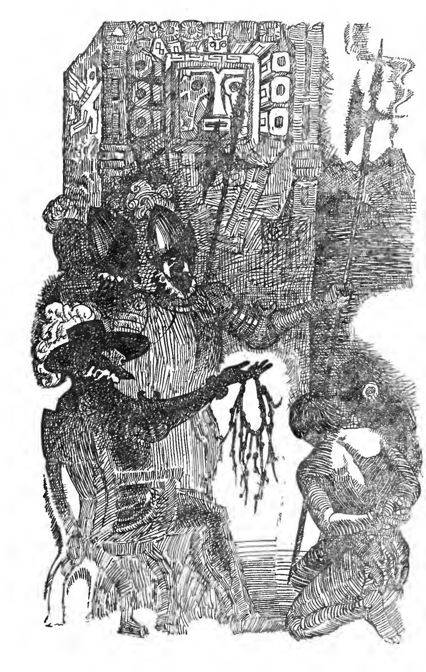
Однако перед самой смертью ненависть к поработителям, тревога за свой народ взяли верх над мелкими чувствами, и Ата-вальпа успел переправить инкам свое последнее прощальное письмо — кипу, свою последнюю волю. Правда, это кипу не совсем обычное. Нити были привязаны к бруску золота, и на них было завязано тринадцать узлов.

Инки в тот же день повиновались приказу. Все золото и драгоценности из храмов бесследно исчезли. Десять тысяч инков унесли сокровища в им одним известный тайник, под охрану своих богов. Много дней и ночей продолжался их путь. Усталые, голодные, они шли вперед, свято веря, что когда-нибудь прогонят бородатых убийц со своей земли и бесценные золотые чаши и блюда с тончайшей резьбой, кубки, украшенные драгоценными камнями, статуэтки богов возвратятся на свои места в храмы.

Увы, этого не случилось. Государство инков больше не смогло возродиться. А огромные сокровища бесследно исчезли.

Но где инки спрятали золото? Что значили тринадцать узлов на кипу? Это до сих пор остается загадкой. Возможно, они указывали место, куда следовало отнести сокровища. То, что золото инков действительно существовало, непохоже на легенду, слишком много достоверных сведений о нем передавалось из поколения в поколение.

Оно могло быть спрятано на горе Сангай. Там находили некоторые золотые вещи: статуэтку богини Сози-

дания, золотую пластинку для трепанации черепа. Одна из троп проходит на север, минуя двенадцать снежных вершин. Сангай — тринадцатая. Не это ли имел в виду Ата-вальпа, завязывая тринадцать узелков?

Вообще в истории и традициях инков много необычного. И одно из самых удивительных и интригующих обстоятельств — отсутствие у них более развитых форм письменности.

Предание рассказывает о том, что у инков существовала когда-то более развитая письменность, которую они называли «килка». Но однажды над страной разразилась страшная эпидемия, смерть косила людей. И тогда, чтобы умилостивить богов и приостановить разыгравшуюся трагедию, верховный жрец инков по совету оракула главного бога Вира-кочи приказал уничтожить все памятники письменности и запретил употреблять письмо.

Но вот В. де ла Хара, сотрудница музея археологии и этнографии университета Сан-Маркос в Лиме, выступила с сообщением о том, что найдена оригинальная письменность инков и отчасти расшифрована.

Еще со студенческой скамьи занявшись историей письменности, В. де ла Хара заинтересовалась проблемой письма инков. Познакомившись со средневековыми хрониками и другими документами, она узнала, что на территории государства инков, растянувшегося на 4800 километров вдоль побережья Тихого океана, действовали одни и те же законы. И хотя хроники времен испанских конкистадоров утверждали, будто у инков письменности не было, В. де ла Хара пришла к выводу, что без письменности невозможно было добиться столь слаженного взаимодействия всех частей государственного механизма. Те же хроники свидетельствовали, что у инков существовали большие цветные таблицы, которые хранились в особых святилищах. На таблицах была отражена вся история инков. У инков была письменность! И, уверенная в успехе, В. де ла Хара начала многолетний поиск.

Исследовательница изучает все, что осталось от эпохи инков. Сопоставляя данные хроник, она делает заключение: надписи инков могли быть буквально перед глазами испанцев, но те их не замечали и принимали за нечто иное, например за орнамент.

Обратив внимание на свидетельства очевидцев, буд-

то храмы инков были увешаны пестрыми тканями, разрисованными геометрическими фигурами, В. де ла Хара приступила к поиску и изучению средневековых тканей и других предметов. Просмотрев огромное количество предметов с геометрическими рисунками, среди которых чаще всего встречались деревянные сосуды «керо» (сосуды с ярким многоцветным орнаментом), она выделила 16 знаков (это число у инков было священным).

Зарывшись в старинные испанские рукописи, она искала толкования этих знаков. Она работала, не щадя себя. В течение десяти лет ни одного свободного вечера, ни дня отдыха. Квартира В. де ла Хары расположена неподалеку от моря, но за десять лет она ни разу не была на пляже, ни разу в кино...

И наконец, первое сообщение на конгрессе о результатах дешифровки надписей на сосудах «керо». В. де ла Хара удалось выявить одну очень интересную закономерность — цвет в письменности инков употреблялся для грамматических и смысловых различий, в частности для обозначения временных форм глагола: знак глагола, например, *идти*, начертанный зеленой краской, значил *шел*, красной — *иду*, синей — *пойду*.

В. де ла Хара находится еще на пути к победе. Ей предстоит огромная работа. Однако целеустремленность молодой исследовательницы, талант, преданность делу вселяют уверенность, что ее ждут новые открытия.

Советский ученый Ю. Кнорозов, специалист по письменностям майя и острова Пасхи, подтверждает правильность вывода В. де ла Хара о том, будто цвет знаков у инков имеет смысловое значение. Однако он придерживается мнения, что найденные и расшифрованные исследовательницей знаки — не примитивное письмо, а высокоразвитая символика.

■ Знаки и символы

Не только у инков были символические изображения. Они применялись и другими народами мира. Исследователи находят символические изображения на амулетах, украшениях, предметах быта.

У аборигенов Австралии и сегодня в ходу священные чуринги — небольшие кусочки дерева или продолгова-

тые отполированные камешки. На чуринги нанесены знаки-символы. Каждый знак имеет определенный смысл: символизирует священное животное, покровителя племени, победы и удачи.

На чурингах отмечались все важнейшие события. По поверьям, вся жизнь племени, его сила, смелость, мудрость воплощались в чудодейственные реликвии.

Существовал такой обычай. Каждого юношу, достигшего определенного возраста, посвящали во взрослые. Обряд был очень торжественным. Юноше вручали чурингу, которой он проводил по телу. Вбирая в себя магическую силу предков, он как бы приобщался к их великим деяниям.

Магический смысл имела и татуировка у индейцев. Вся жизнь человека — наступление зрелости, вступление в брак, военные подвиги, общественное положение — отмечалась условными знаками на его коже.

При этом особое значение придавалось цвету. Различные сочетания цветных узоров также несли определенный смысл.

Гробницы древних жителей Крыма и их соседей нередко расписывались изнутри геометрическим орнаментом, сделанным красной, черной и белой красками.

Главный мотив росписи — чередующиеся черные и красные полосы. Они начинаются от краев плиты и идут к центру. Кроме них, на некоторых каменных ящиках можно увидеть красные пятна, ромбы, треугольники, кружки, волнистые линии, клетки из красных и белых полос на черном фоне, елочки, нарисованные красной и черной красками.

На одной из стен каменного ящика, найденного в окрестностях Бахчисарая, белые полосы проведены по черному фону так, что образуют квадраты, вписанные один в другой. Полосы соединены небольшими белыми линиями, между которыми нанесены оранжево-красные пятна. Пространство между квадратами заполнено белыми и красными точками.

Встречаются погребения, где стенки украшены двумя и тремя линиями, пересекающимися в центре. В некоторых каменных ящиках геометрический узор был выполнен белой и красной красками по черному фону. И выглядел так ярко, будто рука художника нанесла эти ромбы, треугольники, перекрещивающиеся полосы,

зигзаги, точки не много веков назад, а всего лишь за несколько дней до раскопок.

Геометрические узоры наносили по какой-то определенной схеме, хотя ни один образец росписи не является полной копией другого. Пользуясь всего лишь тремя красками (черной, красной и белой), создатели узоров наносили свои треугольники, квадраты, ромбы каждый раз в совершенно новых сочетаниях.

Зачем украшать вот так могильные сооружения, и притом не снаружи, а изнутри? И ради чего создавали люди эти тяжелые — до двух тонн — саркофаги, тщательно и с таким трудом подгоняя плиты друг к другу, либо соединяя их с помощью сложных врубок?

Видимо, раскраска каменных ящиков связана с представлениями о том, что душа человека после его смерти продолжает жить. А раз так — нужно построить ей достойное жилище, подобное тому, которое имел человек при жизни.

Вполне возможно, что эти каменные гробницы были своеобразной моделью жилищ. Такие погребальные сооружения с начала третьего тысячелетия до нашей эры распространились на огромных территориях Европы, Азии и Африки. Позже, с развитием первых цивилизаций древности, люди начали строить «дворцы мертвых» с большим числом помещений, где складывали запасы продуктов, всевозможную утварь и прочее. В Сирии, на берегу Средиземного моря, обнаружен настоящий «город мертвых» середины второго тысячелетия до нашей эры. В нем был даже водопровод.

Но вернемся к узорам, которыми украшали погребальные ящики древние жители Северного Причерноморья. Существует мнение, что узоры служили имитацией ковров или циновок, которыми увешивали стены настоящих жилищ, и никакого смыслового значения не имели. Первая часть этого предположения не вызывает возражений. Вторую же нельзя считать доказанной. По свидетельству этнографов, некоторые племена еще сравнительно недавно наносили охрой, сажей и известью орнаменты на свои погребальные сооружения, причем у них тот или иной узор обозначал, к какой родовой группе принадлежал умерший и какое место занимал он в своем роду.

У некоторых народов черная, красная и белая краски с глубокой древности и до недавнего времени были вообще традиционны для рисунков символического значения. Уже в начале третьего тысячелетия до нашей эры мы встречаем их в междуречье Тигра и Евфрата и в святилище Инанны — богини древних шумеров, самой древней, известной по письменным источникам богини-матери. Стены святилища украшала мозаика из черных, красных и белых полос.

Еще пример: вся стена раскопанного в верховьях Тигра дворца XIII века до нашей эры с изображением местных божеств была окрашена в красный цвет, на фоне которого ярко выделялись узоры из чередующихся черных и белых полос.

Впрочем, как бы ни решался этот спорный вопрос, для нас важно одно: древние при помощи красок порой весьма искусно запечатлевали на камне различные события из своей жизни.

В 1935 году возле реки Качи на скале Таш-Аир в Крыму археологи обнаружили наскальные изображения. Десятиметровую полосу шириной до полутора метров.

Каменное панно древних...

Хотя оно оказалось сильно разрушенным природой, от него все же остались три группы изображений. Тридцать пять фигур. Это ценнейшая летопись о жизни древнейшего племени.

...Фигуры вооруженных и безоружных людей. Испуганная лошадь у дерева, к которому она привязана, ощетинившаяся собака, готовая к прыжку. Змея (видимо, тотем, символ племени)...

Сюжет динамичен.

События драматичны. Кажется, слышишь крики, возгласы, стон... Возможно, это рассказ о столкновении двух первобытных племен, кровавая драма далеких времен.

Исследователи подтверждают: в эпоху раннего металла в третьем — начале второго тысячелетия до нашей эры на территории древней Таврии происходили столкновения между местными жителями и пришлыми племенами, вторгшимися из северных степей.

С какой же целью пришлые племена нападали на коренных жителей? Ответить на этот вопрос с полной уверенностью едва ли возможно. Одной из причин мог-

ло быть стремление к обогащению путем грабежа. И желание завладеть пастбищем для своих табунов.

О таких нападениях даже в более позднее, скифское время во II веке нашей эры сообщает Лукиан Самосатский, передавая рассказ скифа по имени Токсарис: «У нас всегда ведутся постоянные войны: мы или сами нападаем на других, либо подвергаемся нападению, либо вступаем в стычки ради пастбищ и добычи».

Не исключено также, что северные пришельцы намеревались захватить районы горного и предгорного Крыма. И тогда древний художник запечатлел одну из кровопролитных схваток своих соплеменников в борьбе за родину, за право жить там, где жили их отцы, деды, прадеды...

■ Индейцы требуют

Чиновники из Вашингтона были озадачены: в конгресс пришла необычная петиция от нескольких индейских племен. Понять ее смысл никто не мог. Это был сложный и загадочный рисунок — птица, какие-то животные, большая рыба, силуэт человека, и все эти фигуры связаны между собой линиями, идущими от глаз и сердец изображенных существ. Внизу — не то дорога,

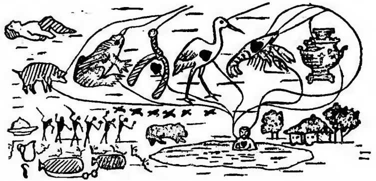
● ПОСЛАНИЕ АМЕРИКАНСКОМУ КОНГРЕССУ

не то река, еще ниже — четыре неправильных кружка, к которым тянется линия от птицы.

Долго ломали голову конгрессмены, но все же пришлось обратиться к специалистам — знатокам истории и культуры индейцев. Те быстро расшифровали изображение.

Семь фигур символизировали семь племен североамериканских индейцев. Большая птица — журавль (к ней тянулись линии от всех фигур) обозначала тотем ведущего племени. Линии, связывающие сердца и глаза фигур, говорили о полном единодушии и согласии племен. А линия, идущая от глаз журавля к четырем кружкам, выражала главное требование племен: разрешить пользоваться правами рыбной ловли в четырех озерах Северной Америки. Небольшая линия, устремленная из другого глаза журавля вперед, означала, что индейцы обращаются к правительству и требуют восстановить их в правах на собственных землях. Это послание индейцев — классический пример пиктографического письма.

Образцом пиктографического письма может служить шуточное послание юного В. Ульянова своему школьному товарищу Б. Фармаковскому. В подражание индейцам оно было выполнено на куске березовой коры. Сейчас это письмо хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

●ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В. УЛЬЯНОВА ТОВАРИЩУ

В центре шесть фигур различных животных и предметов: самовар, рак, аист, подкова, лягушка и свинья. Индейцы таким образом изображали тотемы своих племен, именами которых они назывались. По-видимому, и в письме В. Ульянова эти рисунки обозначают индейские имена шестерых ребят. Все их помыслы едины, о чем говорят соединенные нити, выходящие из голов и сердец изображений. Все эти нити идут к чернобородому человеку, купающемуся в пруду, очевидно, это какая-то просьба. О чем же могли просить его ребята?

В левой части рисунка — шесть маленьких вооруженных фигурок, медведь и съестные припасы. Проголодавшись после игры «охота на медведя», дети просят чернобородого человека возвратиться в дом, расположенный около пруда, и накормить их. Иначе их ожидает смерть, на что указывает лежащая фигура в левом верхнем углу рисунка...

Любопытные пиктограммы сохранили нам и рукописи ацтеков, народа некогда могущественного государства в Центральной Америке. Испанские завоеватели, уничтожив государство ацтеков, всеми силами стремились уничтожить и его культуру, превращали в руины дворцы, сжигали драгоценные рукописи.

Те немногие, что дошли до нас, носят в основном пиктографический характер. Содержание обычно повествовательного характера, рисунки многокрасочны.

Это военные и хозяйственные сообщения, записи обычаев и обрядов, ритуальные тексты. Наряду с пиктографическими рисунками использовались элементы идеографии, например для обозначения чисел, дней недели, имен собственных. Идеограммы органично вводились в пиктографическое повествование.

До нас дошел небольшой ацтекский рассказ, посвященный воспитанию детей. У ацтеков была своя система педагогики, строго ограничивающая права и обязанности детей. Верхняя часть рисунка может читаться таким образом: родители обязаны кормить детей (два кружка — символы хлеба) до одиннадцати лет (одиннадцать кругов). За любую провинность родители могли наказать ребенка дымом и огнем очага, объясняя при этой экзекуции вину (знак речи у рта родителя).

В таких строгих условиях дети находились под опекой родителей до пятнадцати лет (пятнадцать кружков). Потом их отправляли в обучение (следы ног) к жрецу (знак речи у рта жреца).

Примеров рисуночного письма очень много.

В начале нынешнего столетия на стене пещеры Пасьега в Испании заметили интересное изображение. Ученые истолковывают его таким образом: в верхней левой части рисунка, возможно, показан внутренний вид пещеры, рядом, чуть правее, две человеческие ступни, по-видимому, обозначают понятие «идти в пещеру». Самым неясным оказался знак в верхнем правом углу. Он мо-

жет обозначать либо запрет, либо, наоборот, приглашение войти в пещеру.

Подобные письмена есть и в наше время. Ими пользуются племена, сохранившие образ жизни, обряды, верования людей эпохи каменного века: некоторые племена австралийцев, африканцев, индейцев Америки и другие.

■ «Ты любишь русскую...»

Очень своеобразное «письмо» было у народов Сибири. Сложные климатические условия, бескрайние просторы, где на сотни километров не встретишь ни одной живой души, вынуждали пользоваться различной сигнализацией, системой сообщений.

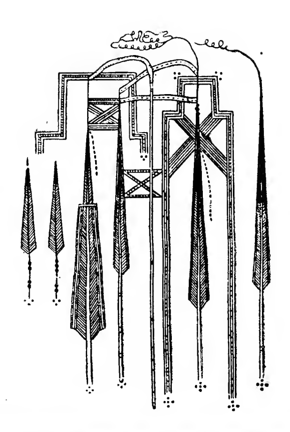
Люди покидали стойбище и в свежий затес дерева вставляли ветку с верхушкой, направленной вверх. Этим они сообщали о своей откочевке. А чтобы пришедший знал, как далеко они ушли, делали на ветке столько зарубок, сколько было однодневных перекочевок.

Особыми знаками северные народы обозначали простейшие понятия: возраст (по условным знакам на могилах можно понять, старик здесь покоится или ребенок), нож острием вверх означал голодное существование, острием вниз — сытую жизнь. Для цифр тоже придумали особые знаки: крестик — десять, овал с крестиком внутри — пятьсот, а крестик внутри кружка — тысячу (у народностей ханты и манси, живущих в нижнем течении Оби).

Интересную систему идеографического письма, существовавшую еще до революции, открыли ученые у юкагиров, небольшой народности, которая живет в районе Колымы.

...Много лет назад юная, кареглазая, с длинной черной косой девушка-юкагирка сочиняла своему любимому письмо. Медленно и тщательно выводила она линию за линией, то грустно вздыхая, то невольно любуясь своей работой. Тогда она не могла и подумать, что через некоторое время ее письмо попадет в руки ученых и станет ценнейшим памятником очень редкой письменности.

Небольшой клочок кожи, довольно хорошо сохранившийся, с какими-то непонятными стрелами, линия-

ми, квадратами, вырезанными ножом. При беглом взгляде современный человек сочтет это изображение за упражнение досужего абстракциониста. И немногим придет в голову мысль, что это своеобразное, к тому же трогательное письмо составлено сравнительно недавно.

Таким письмом среди юкагиров Сибири владели в основном девушки. Народный обычай запрещал им признаваться в любви, этой привилегией пользовались только юноши. Вот и пришлось юкагиркам искать какой-то выход. Девушки заготавливали лоскутки кожи и с нетерпением ожидали редких праздников танцев, во время которых можно было сунуть письмецо своему избраннику.

Письма юкагирок были довольно сложны, непосвященный их не может понять. «Словари» юкагирок по-

зволяли составлять целые предложения, включающие не только символы конкретных предметов (олень, дерево, дом), но и абстрактные понятия: печаль, любовь, разлука и т. д.

Перед нами образец такого письма. Видимо, молодой человек, которому адресовалось письмо, любил и уважал девушку-юкагирку и потому берег послание. Оно долго хранилось в доме детьми и внуками, пока не попало в руки историка-этнографа. Но чтобы расшифровать загадочный рисунок, нужно было хорошо знать обычаи и символику юкагиров, прекрасно разбираться в рисуночном письме.

«Ты уходишь от меня. Ты любишь русскую, которая преграждает тебе путь ко мне. Пойдут дети, и ты будешь радоваться, глядя на них. Я же вечно буду грустить и думать только о тебе, хотя и есть другой, кто любит меня...»

Как же удалось ученым расшифровать это послание и что означает каждый символ, каждая линия?

Две ступенчатые полосы в верхней части символизируют дома. «Свой» дом отличается от другого более сложным сплетением линий, своеобразным орнаментом. Стороны другого дома лишь намечены.

Это значит, что он покинут человеком, который в нем изображен. Мужчина обозначен знаком, напоминающим наконечник стрелы. Женщина — похожим знаком, но несколько шире, так как женщины шире в бедрах. Русская женщина изображена в «юбке» (тот же «наконечник стрелы», но с более широкой каймой). Слева от русской женщины — два «копья» поменьше, символизирующие детей.

Юкагирская девушка грустит. Об этом говорят крестообразные полосы на вершине условного знака. Параллельные линии, соединяющие ее фигуру с фигурой мужчины, показывают, о ком девушка грустит. Линия, идущая от вершины «русской женщины» и пересекающая прямоугольник с двумя диагоналями (взаимная любовь), означает помеху, вставшую между юношей и девушкой. Из вершины фигуры юкагирской девушки выходит волнообразная линия. Это значит, что мысли ее уходят к любимому. В правой части рисунка одиноко стоит еще одна мужская фигура, которая шлет такую же волнообразную линию к юкагирке, но не получает от нее взаимности.

■ «Говорящее дерево» молчит...

В бескрайних просторах Тихого океана затерялся небольшой кусочек суши — остров Пасхи. Когда-то островитяне называли свою родину «Центром Земли», сегодняшнее поколение именует его «Рапануи», «Большой остров». До ближайшего чилийского порта Вальпараисо две тысячи километров; 10 тысяч километров отделяют остров от Австралии, и даже до соседних островов несколько сот километров. Воистину вообразишь себя центром земли.

Остров как остров, ничем особо не примечательный. Почти голая земля с жалкой растительностью. Да и площадь его всего лишь 165 квадратных километров. И, возможно, благодаря своей незначительности и отдаленности был бы он известен лишь географам и мореплавателям, если бы не некоторые загадочные обстоятельства.

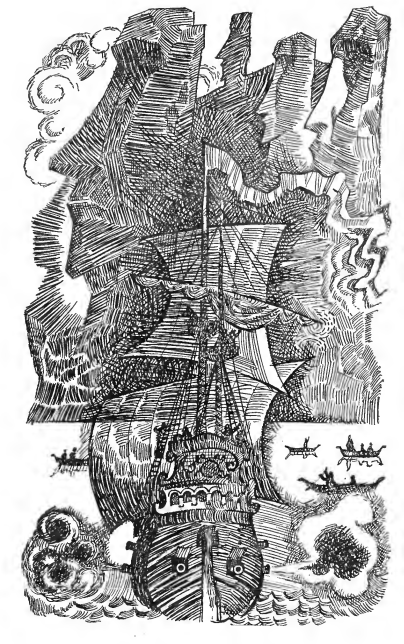
На острове обнаружено около шестисот огромных изваяний, вес каждого достигает пятидесяти тонн, а высота — многоэтажного дома. Монументальные колоссы стоят на платформах аху из тщательно подогнанных друг к другу блоков. Выполнены они из красновато-коричневого трахеита, камня, который взят здесь же, на острове.

И еще одна поразительная находка взволновала ученых — открытие на острове памятников письменности, небольших дощечек, густо испещренных знаками. Ни на одном из островов Полинезии подобных дощечек не отыскали.

Кто и когда поставил эти изваяния? Предки современных жителей или их предшественники? С какой целью они воздвигались? Откуда взялась письменность? И кто впервые заселил остров: выходцы из Южной Америки или Полинезийских островов?

...В один из апрельских дней 1722 года, в пасхальное воскресенье, у неизвестного острова бросили якоря пять кораблей голландского флота. Это были первые европейцы, ступившие на его землю. Вновь открытую землю назвали островом Пасхи и нанесли на карту.

В отчете экспедиции рассказывается о густонаселенном и процветающем острове, где люди гостеприимны и приветливы. Упомянуто и о каменных статуях, но о письменности не говорится ни слова.

Почти через полвека, в 1770 году, остров был вторично открыт, на этот раз испанским капитаном Ф. Гонсалесом. Испанцы увидели печальную картину. Многотонные скульптуры идолов в большинстве опрокинуты, поля опустошены и заброшены, население значительно уменьшилось. Жестокий смерч кровавой войны между племенами пронесся над островом.

Испанцы не отказались и от этого клочка земли. Объявив аборигенам, что отныне они становятся подданными испанского короля, Ф. Гонсалес потребовал подписать грамоту о вступлении во владение островом. После того как подписались все члены экспедиции, местным вождям предложили сделать то же самое. Каково же было удивление испанцев, когда тринадцать касиков — вождей поставили под документом свои подписи — знаки, доселе неизвестные европейцам. Письменность на этом удаленном, заброшенном в океане клочке суши? Это казалось невероятным.

Акт о передаче власти испанцам был самым первым документом, где зафиксировано загадочное письмо жителей острова Пасхи.

Позже, когда стали сравнивать подписи вождей со знаками на дощечках, заметили, что они отличаются друг от друга. Нашли лишь один похожий знак, напоминающий птицу. Причину несхожести знаков искали как в том, что, возможно, туземные вожди только делали вид, будто владеют письмом, или же к тому времени изобрели письмена, отличные от кохау ронгоронго.

Суда европейских мореплавателей потом не раз приставали к острову. Но никому из экипажей и в голову не пришло изучить местную культуру.

В 1862 году алчная рука работорговли дотянулась и до острова. Самые сильные и здоровые жители его были увезены перуанцами на острова возле побережья Южной Америки и поставлены там на самую тяжелую работу. Лишь сотня оставшихся в живых островитян смогла вернуться на родину. Но они принесли с собой оспу. Началась повальная эпидемия. Умирали тысячи людей. До прихода европейцев на острове жило до четырех тысяч человек. Работорговля и болезни сократили это число до ста одиннадцати.

Впервые посчастливилось увидеть дощечки с письменами христианскому миссионеру Э. Эйро. Он прибыл

на остров в 1864 году и прожил там много лет. Появление миссионера туземцы встретили с опаской и недоброжелательством. Но постепенно прониклись к нему доверием, и он смог познакомиться с письменными памятниками.

Вскоре Э. Эйро поведал миру о существовании кохау ронго-ронго, что в переводе означало «говорящее дерево». Так называли свои дощечки островитяне. Миссионер писал: «Во всех их домах можно увидеть деревянные дощечки или палки, покрытые всякого рода знаками, изображающими неизвестных на острове животных; эти знаки туземцы чертят острым камнем. У каждой фигуры есть свое название; но так как туземцы придают этим дощечкам мало значения, я склонен думать, что эти знаки — пережиток примитивной письменности — для них ныне стали традицией, которую сохраняют, не доискиваясь ее смысла».

Едва открыв письмена, Э. Эйро обрек их на уничтожение. Миссионер обратил островитян в христианство, и в огонь полетело все, что связывало их с языческой религией. Почти все дощечки исчезли.

Спустя два года члены католической миссии обнаружили лишь жалкие следы письменности. Миссионер И. Руссел и его помощник пустились на поиски. Несколько образцов письма им удалось достать. На отполированном дереве были видны изображения рыб, птиц, растений, каких-то фантастических фигур.

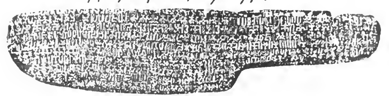
Казалось, туземцы понимают эти знаки, но когда миссионеры пытались расспросить их, то получали невразумительные ответы.

Одна из дощечек попалась на глаза епископу с острова Таити Т. Жоссану. Любознательный и образованный епископ живо заинтересовался диковинными предметами. Он понял, что это первые следы письменности, обнаруженные на островах Океании. В руках у Т. Жоссана оказалось пять дощечек. Но как прочесть их, что означают замысловатые знаки и откуда они появились?

Островитяне рассказывали, будто король Хоту Матуа с острова Мараеренга (он лежит западнее Пасхи) привез с собой 67 таких исписанных табличек. Однако на родине короля не нашли подобных дощечек. Там не обнаружили никаких следов не только самой письменности, но даже упоминания о ней.

ДОЩЕЧКА С ПИСЬМЕНАМИ

По преданию, на дощечках, привезенных королем, были записаны легенды, хроники рода, поговорки. Читать письмена могли только представители королевского рода, вожди шести округов острова Пасхи, а также их сыновья, некоторые жрецы и учителя. Только раз в год в заливе Анакена собирали всех островитян и читали вслух текст всех табличек Причем этот ежегодный праздник считался таким священным, что отменить его не могли ни война, ни другие бедствия.

Т. Жоссан решил сам заняться текстами. Он поехал на остров Пасхи и попытался найти следы дощечек. Это оказалось трудным делом. По одной версии их уничтожили. По другой — надежно спрятали. Вероятно, островитяне считали большим грехом отдавать их чужеземцам, ибо дощечки были священными и запретными для других. За их передачу ожидала страшная кара злых духов. Весьма вероятно, что надежным укрытием ценных реликвий послужили потайные пещеры.

До нашего времени дошло немногим более 20 памятников письменности острова Пасхи. Большинство из них дощечки (длиной 90 и шириной до 10 сантиметров), есть посох или жезл со знаками и нагрудное украшение с письменами. Все они разбросаны по разным музеям мира: Бельгии, США, Чили, ГДР. Но даже эти немногочисленные находки еще не все изданы. Да и публикации сделаны без прорисовки знаков письма.

Письмена наносились с помощью осколков обсидиана или акульего зуба. Каждая дощечка покрыта восемью рядами фигур настолько плотно, что между строчками не остается промежутков. Знаки, изображающие животных, птиц, растения, написаны с такой тщательностью и симметрией, что приходится только удивляться.

Правда, не все таблички хорошей сохранности, и это затрудняет их изучение. Надежда на пополнение скудного запаса памятников кохау ронго-ронго очень слабая, хотя находки в принципе возможны. Некоторые дощечки, может быть, отыщутся когда-нибудь в тайниках и пещерах.

Обладатели редких табличек кохау ронго-ронго, естественно, желали знать, что за сокровища они держат в руках, что означают таинственные знаки. Самым верным было поискать ответ у аборигенов. К ним прежде всего и обратились европейцы. Но здесь их ждала неудача.

Причины, которые способствовали коренному перевороту на острове, вызвав, в частности, прекращение ваяния статуй, могли отразиться и на письме. Предполагают, что умение читать свое письмо островитяне сохраняли до середины XIX века, но в 1862 году в рабство было угнано немало коренных жителей, и среди них самые знатные и просвещенные. Затем над островом пронеслась эпидемия оспы. Оставшиеся в живых помнили предания и содержание дощечек, но объяснить смысл знаков уже не могли.

Лишь несколько старейших жителей могли рассказать о ронго-ронго. По их словам, письмена были привезены теми, кто приехал на остров первым. Вначале они были на листьях банана, а когда те пришли в негодность, тексты перенесли на деревянные дощечки.

Тех, кто занимался письменами, называли «люди ронго-ронго» (тангата ронго-ронго). Они находились на особом положении. Их делом было письмо, занятия с учениками. Каждый имел собственный дом, но жил в нем сам, даже жены селились отдельно. Начинавшие обучение чертили письмена акульим зубом на листьях банана, а с приобретением опыта им позволяли писать на дереве, которое ранее росло на острове и называлось торомиро. Свои знания ученики показывали на годовом экзамене чтением всех дощечек. И учителя и ученики

были одинаково строги друг к другу. Если ошибался ученик, ему делали замечание; учителей же за ошибку дергали за ухо.

Т. Жоссан организовал поиски человека, который мог бы прочесть письмена. К нему привели туземца по имени Метоpo, переселившегося на Таити с острова Пасхи. Обрадованный Т. Жоссан вручил ему дощечку.

Метоpo начал читать нараспев. Чтение шло слева направо, потом справа налево и так до конца. Епископ старался записывать за читающим:

«Пусть дождь падет с неба на два мира Хоту Матуа! Пусть восседает он высоко на небесах и на земле! Старший сын пребывает на земле, в его собственном мире; его лодка вышла к его младшему брату, прямо к ребенку. Что до него, то будь он на небесах или на земле, пусть явится на землю тот, которому так нравится на небесах! Он держит землю в своей руке. Человек, уходи. Я останусь на моей земле. Отец, восседающий на троне, приди к своему ребенку. Ему нравилось на небесах. Птица улетела с земли, летит к человеку, который кормится на земле. Человек ест курицу, он поместил курицу под воду, он ощипал с нее перья. Курица, берегись копья, иди в хорошее место, иди прямо к королю, к его дому, лети; она улетела в хорошее место, подальше от копья; летя к детям земли, она оказалась в безопасности».

Получалась полнейшая бессмыслица, совершенно бессвязный текст. Как оказалось, Метоpo не читал письмена, а объяснял, что значит каждый знак. Его чтение было импровизацией.

Несмотря на все это, Т. Жоссан решил записать услышанное и просил Метоpo повторить чтение. Текст получился огромный, он растянулся почти на двести страниц. Попытки Т. Жоссана соотнести каждый изображенный знак с прочитанным словом ни к чему не привели. Тогда он отобрал знаки по предполагаемому содержанию и разделил на группы по понятиям: животные, люди, растения и т. д. Так появился каталог Т. Жоссана.

Определенно удалось установить, что строки в кохау ронго-ронго располагаются по принципу перевернутого бустрофедона. Обычный бустрофедон представляет собой такой способ записи, при котором первая строка идет справа налево, вторая — слева направо и т. д.,

причем буквы в четных строках пишут в направлении, противоположном тому, какое они имеют в нечетной строке. Перевернутый бустрофедон отличается от обычного тем, что каждая вторая строка поставлена «на голову», то есть перевернута по отношению к первой.

Аборигены рассказали, что содержали дощечки. Это были гимны божествам, списки убитых в боях, хроникальные записи событий за тот или иной год, возможно, магические песнопения.

Попытки прочесть письмена с помощью самих жителей Пасхи ни к чему не привели. Тогда ученые решили попытаться расшифровать письмена. С тех пор уже шесть поколений исследователей разных стран мира ведут поиски «золотого ключа» к письменам.

Внешне знаки кохау ронго-ронго кажутся похожими на египетские иероглифы. Некоторые бросились к спасительной мысли: это наследие иероглифики, а культура Пасхи вышла из культуры Древнего Египта. Но радость была преждевременной. При детальном сравнении знаков выяснилось, что сходство только внешнее.

С помощью египетских иероглифов прочитать пасхальские надписи не удалось. Но если не иероглифы, тогда что? «...Это письмо пиктографического характера, и, хотя некоторые знаки уже сильно стилизованы, в большинстве случаев можно без труда узнать изображения людей, птиц, рыб и т. п.», — заявил известный английский языковед Д. Дирингер.

Не так категорично высказался по этому поводу советский ученый В. Истрин. Он допустил, что, возможно, письмена вначале имели пиктографический характер, но со временем в результате развития стали приближаться к логографии, и каждый знак соответствовал слову.

В 1932 году появилось сенсационное сообщение венгерского ученого В. Хевеши. Он обнаружил сходство письмен острова Пасхи со знаками на печатях, которые нашли в долине Инда, раскапывая древние города. Значит, эти письменности связаны друг с другом. В доказательство В. Хевеши привел некоторое количество идентичных знаков.

Против этой версии выступили время и пространство. На острове Пасхи знание и употребление письма

исчезли в середине XIX века, а найденные в долине Инда печати сделаны около четырех тысяч лет назад. К тому же расстояние между этими двумя точками земного шара 13 тысяч километров. Да в течение длительных заимствований знаки обычно не остаются полностью идентичными. Могли ли эти знаки прибыть неизменными на остров Пасхи, преодолев такое огромное расстояние и время? Но, возможно, родина письма — Полинезия? Или сам остров Пасхи? Вопрос о «колыбели» кохау ронго-ронго до сих пор остается открытым, хотя литературы об этом появилось очень много.

Исследователи, которые считали письмо иероглифическим, ждали билингву, без которой разрешить вопрос невозможно. В конце концов многие ученые отказались от прочтения письма в целом и начали изучать отдельные знаки, сравнивая их со знаками других письмен. Но такой метод практически ничего не дает.

Изучение письменности острова значительно продвинулось вперед благодаря работам молодого советского ученого Б. Кудрявцева. Еще школьником он заинтересовался языками и увлеченно занимался санскритской письменностью (литературный язык древней и средневековой Индии) в кружке «Юных этнографов» при Музее антропологии и этнографии в Ленинграде. Таинственность письмен кохау ронго-ронго захватила его воображение. Всю свою энергию и незаурядный талант он посвятил изучению двух дощечек, привезенных Н. Миклухо-Маклаем и хранящихся в музее. Даже в тяжелые годы войны не прекращал этой работы.

Внимательно рассматривая обе таблички, Б. Кудрявцев заметил, что как на одной, так и на другой группы значков следуют в одном порядке. Значит, тексты обеих таблиц в основном одинаковые.

Казалось, совершенно простой вывод. Самое интересное, что эти таблички видели до Б. Кудрявцева и другие. Но таков случай, не отделимый от таланта. Многие ученые внимательно их рассматривали, зарисовывали и... не увидели.

Более того, Б. Кудрявцеву удалось найти третий параллельный текст на табличке, хранящейся в музее Чили. А через некоторое время и четвертый — на дощечке из бельгийского музея.

Четвертая, бельгийская, табличка привлекала наибольшее внимание. На ней было много знаков, не

совпадающих с тремя другими параллельными текстами, но некоторые ряды совпадали полностью. А что, если это дальнейшая разработка одного древнего текста?

Сличая четыре текста, Б. Кудрявцев допускает возможность, что это различные этапы развития письма. С этим выводом ученые могли соглашаться и не соглашаться, но существенная часть работы была проделана. Доказательство параллельности таблицы давало возможность установить различные варианты написания одного и того же знака, сопоставить значки между собой и делать выводы о возможном содержании текста.

В результате своей работы Б. Кудрявцев пришел к выводу, что «кохау ронго-ронго — какая-то разновидность идеографического письма, еще не дошедшего до силлабизации» (слогового письма. — *В. Д.*).

Анализируя параллельные тексты таблиц, он сделал еще одно важное открытие — установил эволюцию отдельных знаков.

Продолжить свою работу над дощечками Б. Кудрявцев не успел. Он трагически погиб в марте 1943 года.

Неоднократно в печати появлялись сообщения о том, что письменность острова Пасхи расшифрована. Но каждый раз сообщение оказывалось ложным. Западногерманский ученый Т. Бартель в 1956 году доложил на XXXII Международном конгрессе американистов, что кохау ронго-ронго относится к письму, где предложение записывается не полностью, а передаются лишь в основном понятия, остальное подразумевается. Он назвал это «эмбрио-письмом».

В расшифровке Т. Бартеля усомнились советские ученые Н. Бутинов и Ю. Кнорозов. Они выдвинули свой тезис о системе письма. Он состоял в том, что письмо острова Пасхи основано на принципах иероглифических систем языков мира.

Однако через два года Т. Бартель снова выступил с докладом о расшифровке. Но предложил лишь свою версию содержания текстов, а не точный перевод дощечек. Однако подогрел общественный интерес, пообещав, что скоро выпустит подлинный перевод.

Все с нетерпением ожидали. Наконец вышло четыреста страниц текста с таблицами и рассуждениями, и ни одного перевода хотя бы одной из дощечек. В осно-

ву своих толкований Т. Бартель положил принятое им за истину песнопение Меторо.

Все сказанное до сих пор учеными о письменности Пасхи лишь гипотезы, более или менее достоверные. И ни одна из них не подтвердится, пока загадочные дощечки будут хранить молчание. Сегодня все попытки дешифровки не привели к успеху. Даже электронно-вычислительные машины не помогли.

И до сих пор точно не определено, пиктограммы это, идеограммы или разновидность иероглифического письма. А разгадка тайны письма далекого океанского острова позволила бы ответить на множество вопросов, связанных с наукой о письме, добавила бы немало интересных страниц в историю Океании.

ДОРОГАМИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

■ В стране пирамид

В мае 1798 года из Тулона в открытое море вышел французский флот. На мостике, скрестив руки на груди, стоял генерал Бонапарт. Начиналась экспедиция в Египет.

Бонапарт вез с собой книгу К. Нибура «Описание путешествия в Аравию и окружающие страны». В ней рассказывалось не только о нравах и обычаях Востока, но и о памятниках древности.

Египет для Европы был тогда еще загадкой. Первым рассказал Западу о стране древнейшей письменности и величайшей культуры неутомимый путешественник и историк Древней Греции Геродот. Могущественная держава прошлого, существовавшая более трех тысячелетий, в 638 году нашей эры была покорена арабами-мусульманами Во время штурма Александрии погибла замечательная библиотека, самая большая и уникальная в те времена. С этого момента Египет, центр великой цивилизации прошлого, был полностью изолирован от христианского мира. Европа не имела о нем никаких сведений.

Кроме солдат, вместе с будущим императором в Египет направлялись ученые разных специальностей: астрономы, химики, минералоги, востоковеды, художники. На берега Нила везли ящики с научным снаряжением и библиотеку с книгами о Египте.

В первые же недели Наполеон открыл знаменитый Египетский институт. Специалисты начали изучение прошлого и настоящего страны. Однако самого Наполеона больше интересовало настоящее. Выводами ученых о состоянии страны, ее торговли Бонапарт нередко пользовался как данными военной разведки.

Борьба за Египет между англичанами и французами шла с переменным успехом. В конечном итоге экспедиция кончилась поражением французов, Бонапарт позорно бежал из Египта.

Однако для науки экспедиция, несомненно, принесла плоды. Был собран богатейший материал. На его основании создан замечательный труд «Описание Египта».

Но самое главное для мировой культуры событие произошло 2 августа 1799 года. Французы удерживали побережье, отражая атаки англичан с моря. В древнем

форту Рашида, в семи километрах от Розетты, солдаты получили приказ окопаться. Вдруг лопата одиого из солдат ударилась обо что-то твердое. Под землей чериел камеиь с надписями. О иаходке тотчас сообщили офицеру.

Перед походом Наполеон дал указание бережно относиться к древиостям, а уникальные и иитересиые находки собирать и передавать ученым. Кроме того, наполеоновские офицеры были в достаточной степени образоваины. Многие из них владели греческим и другими древними языками.

Вот почему возле находки в форту Рашида мгиовеиио собрались офицеры. Черная отшлифованная базальтовая стела была покрыта письменами. С первого взгляда офицеры поняли: плита величииой с доску стола имеет надписи на трех языках. Причем верхняя надпись, четырнадцать строк (значительная часть плиты здесь отломана) — иероглифическая; среднюю, наиболее уцелевшую, офицеры приняли за сирийскую (она оказалась демотической разиовидностью египетского письма); иижнюю надпись определили сразу — греческая, выполненная архаическими буквами.

Осуществилась мечта ученых. Ведь они уже долгие годы трудились иад разгадкой иероглифов и наконец пришли к выводу, что успеха можно добиться, только когда отыщется билингва, «двуязычная» надпись: иероглифическая и на языке, понятном европейцам. А нашли трилингву!

Конечно, французские офицеры ие могли предположить, что трехъязычная плита (ее назовут Розеттской) станет краеугольным камнем египтологии. Но ценную иаходку сразу же отправили в Каир, в Египетский институт. Французские ученые, словно предвидя дальнейшее течение событий, быстро сделали с надписей оттиски и изготовили копии, которые отправили во Францию. Действительно, через некоторое время по условиям капитуляции французы должны были передать англичаиам все свои египетские находки. Розеттский камень — «гордый трофей британского оружия», как надменно рапортовал английский генерал, — оказался в Британском музее.

Прежде чем приступить к рассказу о том, как была дешифроваиа египетская письменность, остановимся иемного на прииципах ее построения.

Это было в основе своей идеографическое письмо, которое отражало каждое понятие при помощи отдельного рисуночного знака — иероглифа, что в переводе с греческого означает «священный знак». Иероглиф был конденсатом, сгустком удивительной изобретательности, наблюдательности человека.

Внутри системы письма выделялись три вида знаков.

Идеограммы, изображающие чувственно воспринимаемые предметы.

Или чувственно воспринимаемые действия.

Абстрактные понятия могли изображаться описательным способом.

Фонетические знаки, которые также употреблялись для передачи понятий абстрактных. Такие знаки «присваивались» понятиям на основе омонимии: слова, звучащие сходно, но разные по смыслу, обозначались одинаковыми значками. Именно сходно, а не одинаково, поэтому слова «рот» и «род» могли обозначаться одним значком. В таких случаях египтяне не заботились о полном тождестве.

«Ключевые знаки», или «детерминативы», о чем мы уже рассказывали, имели очень важное значение, хотя и не произносились. Они различали омонимы, изображавшиеся одним знаком. Подавляющее большинство египетских знаков имеет детерминативы. Например, детерминатив рода: после мужского имени или обозначений мужчин ставится знак, изображающий сидящего человека, и, напротив, после женских имен и различных обозначений женщин ставится знак, изображающий женщину. Детерминатив стран отмечается ограниченным участком земли, времени — солнечным диском, различных видов деятельности — ударяющая рука, отвлеченных понятий — рукописный свиток.

Эти знаки позволяли египтянам письменно фиксировать мысли, избегая двусмысленностей.

● ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ЗАПИСАННОЕ ИЕРОГЛИФАМИ

Теперь о расположении знаков. Направление письма не было строго установлено. Слева направо, как пишем мы, египтяне редко выводили знаки. Больше им нравилось писать справа налево. Но чаще всего они разме-

щали знаки столбиком сверху вниз. Причем столбцы следовали справа налево.

Имена и названия писали «ребусным» способом. Однако эти записи лишены гласных. Число и размещение гласных, сочетание их с согласными большей частью остается неизвестным.

В египетской речи были односложные слова, состоящие из одного согласного и гласного, но, поскольку гласный звук при записи не отмечался, получалось египетское письмо похожим на буквенное. Но это представление обманчиво. Человек того времени не умел членить свою речь на слоги и звуки и потому не осознавал подобные слова как буквы.

Мы назвали египетский письменный знак иероглифом. Это не совсем точно, вернее, понятие несколько сужено. Дело в том, что египтяне использовали три вида письма: иероглифическое, иератическое и демотическое.

Иероглифика применялась для монументальных надписей. Иероглифы в первую очередь привлекали внимание чужестранцев. Строгие и торжественные начертания их столетиями вызывали священный трепет. Недаром в представлениях многих они были связаны с чудодейственной силой, с какими-то откровениями о смысле жизни, со способностью воздействовать на окружающих.

Иератика, или книжное письмо, отличалась более простым начертанием знаков, несколько утратила свой рисуночный характер. Она выработалась при нанесении знаков на папирус и употреблялась для светских книг и переписки. Религиозные тексты также писали иератикой. Древнейший памятник иератического письма относится приблизительно к 3000 году до нашей эры.

Демотика (от греческого слова «демос» — народный), или скоропись. Она оформилась примерно в VIII веке до нашей эры путем дальнейшего упрощения начертания знаков. Первоначально применялась в деловой переписке. Позже ею пользовались для записи литературных произведений и научных трудов.

Египтяне любили высекать надписи на стенах пирамид, скульптур, саркофагов. Но для бытовых целей нашли удачный материал для письма — папирус. Он изготавливался из нильского тростника.

Самой удобной формой книги из папируса, материала ломкого, хрупкого, был свиток. Писали на папирусе

● ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЕ ПИСЬМО

палочкой или кисточкой, обмакнув ее в черные или оранжево-красные чернила.

Иероглифы оставались загадкой на протяжении многих веков. Гипотез, предположений, догадок здесь хватало. Иероглифы не письмо, говорили одни, это скорее всего астрологические знаки. Иероглифы, утверждали другие, это обыкновенный орнамент, который жрецы выдавали доверчивым грекам за письмо. Третьи полагали, что иероглифы — магия жрецов... Священные знаки... Отражение египетской мифологии. А один немецкий ученый вполне серьезно утверждал, что иероглифы — результат работы каких-то особенных улиток-камнетеочцев...

И все же исследования не прекращались.

В давние времена из Египта в Рим завезли обелиски, покрытые иероглифами. Их изучением занялся в XVII столетии иезуит А. Кирхер. Иероглифы он расшифровать не мог, но некоторые его мысли пригодились египтологам. А. Кирхер первый понял, что без знания коптского языка, происходившего от древнеегипетского, нельзя расшифровать иероглифы.

За их разгадку дружно взялись после находки Розеттского камня. Много потрудился над текстами крупный французский востоковед С. де Саси. Он сначала глубоко занялся изучением демотического текста и опознал в нем те группы знаков, которые соответствовали встречающимся в греческом тексте именам Птолемея Епифана, Александра и других. Однако дешифровать иероглифы С. де Саси не смог и объявил публично: «Проблема слишком запутана и научно неразрешима».

Но С. де Саси оказался подлинным ученым: свой скептицизм он не навязывал другим. Напротив, поняв свое бессилие, он отослал копию шведскому археологу Д. Окербладу, который занимался коптским языком.

Д. Окерблад горячо взялся за работу. Ему, как знатоку классической и восточной филологии, удалось самостоятельно опознать и прочесть в демотическом тексте все собственные имена из греческой части, а также некоторые египетские слова (храм, греки и др.). Но, как и С. де Саси, Д. Окерблад не учитывал факт опущения гласных в египетском языке. К тому же он считал, что демотическое письмо воспроизведено буквенными знаками, а иероглифы передают только слова и понятия. Эта неправильная посылка и завела ученого в тупик.

Эстафету подхватил известный английский естествоиспытатель и медик Т. Юнг, человек удивительного и разностороннего таланта. Двух лет он уже научился бегло читать на родном языке, в четырнадцать знал арабский, древнееврейский, греческий, персидский, французский, итальянский и латинский. Кроме медицины, занимался физикой, биологией, каллиграфией.

Ему присуща была прекрасная черта — все начатое доводить до конца. Захотелось, например, научиться ходить по канату, и через некоторое время он соперничал с профессиональными канатоходцами.

Получив от Д. Окерблада анализ пяти первых строк демотического текста на Розеттском камне, Т. Юнг за-

горелся новой идеей. Собираясь на летние каникулы за город, где всегда занимался каким-либо делом, не имеющим отношения к специальности, Т. Юнг прихватил знаменитую копию. И это имело огромное значение для науки.

Любопытная вещь: специальной филологической подготовки он не имел, глубоких лингвистических знаний восточных языков тоже, а к своим результатам шел исключительно путем математических вычислений и сопоставлений. С помощью этого метода Т. Юнг доказал, что демотическое письмо — это скорописный вариант иероглифического. Ученый предположил, что, по крайней мере, одно из греческих имен, имеющихся в демотическом тексте, обязательно должно встретиться в иероглифической части и, видимо, оно помещено в овале, который повторяется.

Решить загадку иероглифов, утверждал Т. Юнг, можно с помощью письма демотического. И ему удалось определить значение более 70 иероглифов или иероглифических групп. Он нашел имена царя Птолемея и царицы Береники. Разложив эти имена на звуки и знаки, Т. Юнг отыскал чтение фонетических иероглифов. Это уже было успехом.

Казалось, цель близка. Но дальше Т. Юнгу помешало убеждение, что у египтян не было фонетических знаков ни в скорописи, демотическом, ни в иероглифическом письме. Ученый зашел в тупик. Впервые в своей жизни он не довел начатое до конца.

Но в это время уже всходила звезда Ж. Шампольона.

С момента появления на свет обстоятельства его жизни были необычными. Перед родами мать очень тяжело болела и была при смерти, а врачи ничем не могли помочь. Тогда пригласили знахаря, слывшего колдуном. Он велел положить больную на разогретые лечебные травы, дал ей попить какого-то зелья, пообещав быстрое выздоровление, и предсказал рождение мальчика, который-де станет «светочем грядущих веков».

Врач, принимавший роды, удивился, увидев, что у новорожденного восточный тип лица, необычайно темный цвет кожи и даже роговица глаза желтая, как у детей Востока.

Время для Франции было бурное. Городок Фижак, в котором жили родители Ж. Шампольона, сотрясали

революционные волны. Увиденные события, наверное, произвели сильное впечатление на мальчика. Повзрослев, он станет врагом насилия, монархии, захватнических войн, будет писать злые сатиры на грозного Наполеона.

Мать часто читала вслух отрывки из требника. Ж. Шампольон со слов матери усвоил молитвы на память, а потом, сверяя устный и письменный тексты, выучил буквы и самостоятельно овладел грамотой. Каково же было удивление и радость матери, когда сын прочел ей фрагмент из требника. Ж. Шампольон, сын книготорговца, вырастал среди книг. Это приобщило его к чтению с ранних лет.

В школе он учится плохо, и старший брат, одаренный филолог, увозит мальчика в Гренобль и берет на себя заботу о его воспитании. Здесь одиннадцатилетний Ж. Шампольон проявляет поразительные способности в изучении латинского, древнегреческого и древнееврейского языков.

От старшего брата Ж. Шампольон слышит о таинственной стране Египте. И в 12 лет с большим рвением начинает читать все о Египте. Мало того, мальчик блестяще овладевает арабским, сирийским и арамейским языками.

Увлечение Египтом так велико, что во время учебы в лицее Ж. Шампольон пишет капитальный научный труд «Египет при фараонах» и одновременно составляет первую географическую карту Древнего Египта. Труд этот оказался настолько грандиозным, обобщающим, новаторским, что шестнадцатилетний автор, выпускник лицея, единогласно избирается членом академии города Гренобля. При этом президент академии произносит волнующие слова:

«Академия торжественно избирает вас, несмотря на вашу молодость, своим членом. Тем самым она оценивает то, что вы уже сделали, но еще более она имеет в виду то, что вы еще сможете сделать! Академия находит удовлетворение в мысли, что вы оправдаете ее надежды и что, если ваши труды принесут вам в один прекрасный день славу, вы вспомните о том, что первое поощрение вы получили именно от нее!»

Со школьной скамьи в академики! Такой гигантский прыжок совершен не только благодаря гениальности. Это результат большой целеустремленности. Ведь так

много может сделать человек, если он с ранних лет избрал благородную цель, верен ей и неуклонно идет к осуществлению своих замыслов. Ж. Шампольон, решивший посвятить свою жизнь раскрытию тайн Египта, — прекрасный тому пример.

Шестнадцатилетний академик продолжает учиться. Избрание в «сияющий сонм ученых» не вскружило ему голову. Наоборот, он окрылен и преисполнен сил и дерзновенных планов.

Ж. Шампольон едет в Париж с твердым намерением изучить восточные языки. Он уже знает о Розеттском камне. Его сопровождает старший брат — друг, опекун, покровитель, который глубоко верит в его звезду. Именно ему в дороге, под грохот колес дилижанса, Ж. Шампольон почти шепотом поведает:

— Я расшифрую их... Я расшифрую египетские иероглифы, я уверен в этом...

Он как бы давал клятву самому близкому человеку. А самое главное, верил в свои силы.

Презрев все соблазны столичной жизни, юноша с головой углубился в науку. За восемнадцать франков нанимает скромный уголок неподалеку от Лувра, бегает на лекции в несколько учебных заведений, а основное время просиживает в библиотеке.

Юному Ж. Шампольону очень повезло: его учителем в Париже охотно стал С. де Саси — тот, что публично капитулировал перед иероглифическими текстами, по его словам, «такими же недосягаемыми, как Ковчег Завета господня».

Сложны были чувства ученого во время встречи с юным Ж. Шампольоном, которого представил знаменитому профессору старший брат. С. де Саси сразу усмотрел в Ж. Шампольоне своего будущего грозного соперника, который наверняка не остановится ни перед какими трудностями. Ученый даже как-то нервозно воспринял работу «Египет при фараонах». Но он горячо, от души помогает гениальному юноше из Гренобля, передает ему свой опыт, свои знания. Первым делом под его руководством Ж. Шампольон быстро изучает санскрит, арабский и персидский — «итальянский язык Востока», как называет его С. де Саси.

Арабский Ж. Шампольон усваивает настолько, что у него меняется даже голос. «Я говорю, почти не двигая губами, и это, вероятно, еще более подчеркнуло мой

от природы восточный облик», — пишет он брату. И одновременно просит его прислать «Китайскую грамматику» для того, чтобы рассеяться.

Затем Ж. Шампольон изучает зендский и пехлевийский языки. Но основное внимание уделяет коптскому. «...Я стал коптом настолько, что, к своему удовольствию, перевожу все, что мне придет в голову, — пишет он снова брату. — Я говорю по-коптски с самим собой, ибо другие меня не смогли бы понять...»

Так проходят три года ежедневного, упорного, титанического труда. Причем в тяжелых материальных условиях: если бы не старший брат, юный ученый умер бы от голода.

В девятнадцать лет Ж. Шампольон уже профессор истории в Гренобле. За Розеттский камень он еще не берется: считает, что рановато. А пока что тщательно изучает и копирует другие египетские тексты. И делает важное открытие. До Ж. Шампольона считали, что египтяне имели два письма — иероглифическое и демотическое. Ж. Шампольон открыл третью разновидность письма древних египтян — иератическое. Теперь стало очевидным, что сначала в Древнем Египте появилась иероглифика, из нее развилась иератика, и уже потом было создано скорописное демотическое письмо, которое на две с половиной тысячи лет моложе иероглифического... Таков большой путь древнейшей письменности.

Овладев дюжиной древних языков и в совершенстве зная коптский, Ж. Шампольон подошел к главному, к пониманию сути языка древних египтян. И начал не с отгадывания отдельных слов, а разобрался в самой системе. Он понял, что внешне форма всех трех разновидностей письменности различна, но внутренняя их сущность одинаковая. Это единая система письма. И если фонетические знаки есть в демотике, они должны быть и в иероглифическом письме.

Гениальная мысль (и одновременно такая простая). Большой шаг к разгадке иероглифов. Ж. Шампольон наконец вывел египтологию из тупика, в который ее завели предыдущие исследователи.

И еще одна удача: мысль Ж. Шампольона о фонетичности иероглифического письма нашла свое неожиданное подтверждение. В день своего рождения, 23 декабря 1821 года, Ж. Шампольона внезапно осенила

идея пересчитать в Розеттской надписи все знаки иероглифического и слова греческого текстов. Результаты подсчетов поражали: 486 греческим словам соответствовало 1419 иероглифов. А знаков в иероглифическом письме 166. Нет, окончательно убедился Ж. Шампольон, иероглифы не только слова-знаки, не только идеограммы, это еще и звуки.

Теперь Ж. Шампольон подошел вплотную к расшифровке иероглифов. Он уже мог начинать. И он приступил.

Начал с имени царствующей особы. Ведь это так просто и логично... Греческий текст передавал содержание Розеттской надписи: египетские жрецы оказывали царю Птолемею Епифану великие почести. Конечно, имя Птолемея есть в иероглифическом тексте. Причем нетрудно предположить, что группа знаков, передающая имя царя, обведена характерной овальной рамкой — картушем. Действительно, какое еще слово достойно быть выделенным? Только имя царя. А отождествить восемь иероглифических знаков с восемью звуками дело простейшее.

Но нужны подтверждения. И они нашлись. В те годы обнаружили так называемый «Обелиск из Филе», покрытый двумя надписями — иероглифической и греческой. Билингва! Но самое важное: здесь, как на Розеттском камне, значилось в картуше имя Птолемея! Есть с чем сравнивать! К тому же привлекала внимание еще одна группа знаков, обведенная овалом. Ж. Шампольон, прочитав в греческом тексте имя царицы Клеопатры, предположил, что оно фигурирует и в иероглифах. Далее все происходило быстро и просто...

Ж. Шампольон выписывает обе группы знаков, располагая их одну под другой. В картуше Птолемея на четвертом от начала месте стоит иероглиф (изображение льва), явно передающий звук «л». В картуше Клеопатры лев стоит на втором месте.

— Эти два льва доставят победу третьему льву! — обрадованно и гордо восклицает Ж. Шампольон.

Итак, один знак египетской фонетики разгадан.

Ж. Шампольон всматривается дальше. И отыскивает в обоих именах еще два тождественных знака, передающих звуки «п» и «т».

Ключ к разгадке тайны иероглифов, к разгадке тайн Египта найден. Но Ж. Шампольон сдерживает свои чувства. Нужны новые доказательства, новые факты. И он изучает другие картуши. Ему становится понятным имя Александра, и реестр разгаданных иероглифов пополняется звуками «н» и «с». Затем читает имя царицы Береники, пополняя иероглифический алфавит звуком «б».

Вот уже у Ж. Шампольона двадцать четыре звука иероглифического алфавита. Великая победа! Но ему этого мало. Утром 14 сентября 1822 года ученый принимается за дешифровку еще одного картуша из другой надписи. Здесь всего четыре знака, причем два последних одинаковы. «Наверное, удвоение согласных», — почти механически подумал молодой ученый.

Первый иероглиф неизвестен: диск. Ж. Шампольон ищет подобные картуши. Находит. Все совпадает, только вместо диска у них первый иероглиф — фигура человека с диском на голове. Египтологу нетрудно догадаться, что это изображение бога солнца. Только в одном варианте иероглиф писали полностью, во втором — сокращенно (диск). Имя бога солнца Ра Ж. Шампольону известно еще из античных источников. Итак, Ра...

Два последних иероглифа встречались в именах Птолемея и Александра: «м» и «с». Теперь надпись в картуше читалась «Рмсс». Учитывая, что египтяне опускали гласные, ученый прочел «Рамсес». Об этом великом фараоне Ж. Шампольон писал еще в своем известном труде «Египет при фараонах».

Волнуясь, Ж. Шампольон берет еще один картуш. Всего три иероглифа. Два последних известны — «м» и «с». А первый — загадочный: птица ибис, стоящая на особой подставке. Ибис — воплощение бога луны. Его имя — Тот. Итак, написано «Ттмс». С учетом опущен-

ных гласных — Тотмес или Тутмес. Имя этого могущественного фараона тоже известно ученому.

Но достаточно имен фараонов. Ж. Шампольон теперь твердо убежден: тайна иероглифов разгадана. Еще полдня он посвящает перепроверке. Нет, все правильно. И, схватив бумаги, бросается к первому своему другу — старшему брату. Тот работал в библиотеке неподалеку. Вбежав в помещение, Ж. Шампольон крикнул:

— Я добился! — и упал, потеряв сознание: многие месяцы и годы упорного, напряженного труда, последние волнующие дни сделали свое.

14 сентября 1822 года стало днем рождения египтологии. В этот день мир открыл еще одну древнейшую цивилизацию, до этого сокрытую во тьме тысячелетий и в таинственных знаках — иероглифах. Теперь она была доступна для историков, для будущих поколений. Ее возродил молодой ученый из Гренобля.

Но открыть — значило еще не все. Мог ли думать Ж. Шампольон, что вместо любимой работы, вместо чтения дорогих его сердцу иероглифов он массу времени, труда и здоровья потратит только на то, чтобы отражать выпады своих противников. А противников оказалось много.

Как только научный мир узнал об открытии ученого, все бросились проверять правильность предложенного Ж. Шампольоном «ключа», сравнивать тексты, искать доказательства тому, единственно ли правильный этот способ расшифровки.

Ни одна дешифровка не обходится без научной полемики. Это вполне понятно. Но в полемике против Ж. Шампольона учитывались не столько научные, сколько личные интересы. Против него выступают завистники («почему Ж. Шампольон, а не я»), ярые монархисты, которые Ж. Шампольона за его революционные взгляды давно не жаловали, ложные патриоты («почему француз, а не англичанин Т. Юнг, например»).

Задеты были интересы самых видных египтологов. Тот же Т. Юнг, вынужденный признать выводы Ж. Шампольона, не преминул заметить, что первооткрывателем был все-таки он: «Хотя ключ к прочтению иероглифов и был заимствован Шампольоном из Англии (Юнг хотел сказать «у меня»), но замок оказался настолько заржавевшим, что только мощная рука Шампольона в состоянии была повернуть ключ в замке».

В хоре голосов противников слышатся обвинения в плагиате, в подтасовке фактов, в том, что француз лишь дополнил английского исследователя, последовав его методу, на что Ж. Шампольон резонно заметил: «Почему Юнг внезапно остановился после своей попытки анализа двух имен, Птолемей и Береника, в то время как я, применив результаты моего анализа, прочитал без труда множество других имен?» И сам ответил: потому, что его и юнговская системы совершенно различны.

Ощутимым ударом для противников стал основательный труд Ж. Шампольона «Очерк иероглифической системы древних египтян или изыскания об основных элементах этого священного письма, об их различных комбинациях и о связи между этой системой и другими египетскими графическими методами». Он не только подробно излагает систему письма, но и объясняет расхождения с Т. Юнгом.

Но у Ж. Шампольона нашлись и сторонники. Образованные люди России сразу осознали огромное значение открытия французского ученого. В его защиту выступил член Российской академии наук, директор Публичной библиотеки А. Оленин. Он на своем опыте чтения египетских надписей продемонстрировал правильность метода великого француза. 10 января 1827 года одновременно с немецким поэтом И. Гёте Ж. Шампольон был избран почетным членом Российской академии наук.

Шли годы, и в защиту дешифровщика раздавалось все больше голосов: С. де Саси, П. Лаплас и Ш. Фурье, В. Гумбольдт горячо поддержали систему дешифровки Ж. Шампольона.

А сам ученый? Он продолжал работу, забывая о времени суток. Обследовав египетские памятники, которые находились во Франции, он едет в Италию, где в то время хранились самые богатые в мире коллекции египетских древностей.

Ж. Шампольон рвется в Египет, на родину иероглифов. Он хочет своими глазами увидеть страну, которая с детства владеет его воображением. Наконец французское правительство дает разрешение на экспедицию и субсидирует ее.

Полтора года провел в Египте Ж. Шампольон. За это время он проделал поистине титанический труд. Он не только подтвердил правильность своей дешиф-

ровки, но и собрал много материалов о культуре Египта. Он писал: «Египет пройден шаг за шагом, и я останавливался всюду, где только время сохранило какие-либо остатки античного блеска, каждый памятник был предметом специального исследования; я попросил зарисовать все барельефы и скопировать все надписи, которые могли пролить свет на первоначальное состояние народа, имя которого связано с древнейшими литературными преданиями. Материалы, которые я собрал, превзошли все мои ожидания. Мои портфели хранят в себе величайшие сокровища, и я считаю себя вправе сказать, что история Египта, его религии и созданного им искусства станет нам известна и будет правильно оценена только после опубликования рисунков, явившихся плодом моего путешествия».

Но собранные материалы, которые составили 20 томов, Ж. Шампольон не успел обработать. Лишения, огромное напряжение подточили силы ученого. Дело его продолжали ученики и последователи. На фундаменте, заложенном Ж. Шампольоном, была построена новая наука — египтология.

Позже была детально разработана система древнеегипетской письменности, и надписи на памятниках и гробницах, папирусные свитки, безмолвствовавшие до тех пор, заговорили.

...В 1891 году в Верхнем Египте был найден в земле глиняный сосуд, внешне ничем не примечательный. В нем обнаружили несколько древних папирусных свитков. На папирусе довольно четко проступали иероглифы. Несколько свитков приобрел русский египтолог В. Голенищев. Но когда он начал переводить, удивлению не было границ. Все свитки были продолжением одного повествования. Текст оказался настолько необычным, что до сих пор ученые не пришли к единому выводу, что же это такое. А В. Голенищев лишь пожалел, что не купил всех свитков. Часть текста была безвозвратно потеряна, а часть очень плохо сохранилась.

Вот о чем рассказывали свитки:

«...Я провел 29 дней в гавани Библа, и правитель ежедневно посылал ко мне начальника гавани с приказанием: «Удались отсюда».

Я погрузил все, что мне принадлежало, на корабль, который отправлялся в Египет, и ожидал наступления темноты. И в то время, когда я находился на корабле,

пришел ко мне начальник гавани и сказал: «Останься до завтра. Так повелел повелитель».

И вот, когда наступило утро, привели меня во дворец на берегу моря. Я нашел правителя в помещении сидящим спиной к окну. И волны великого Сирийского моря бушевали позади него.

Я сказал ему: «Да возлюбит тебя бог Амун!» Он спросил меня: «Сколько времени прошло с тех пор, как ты покинул место, где пребывает Амун?» И я ответил ему: «Пять месяцев и один день до сегодняшнего дня».

Речь шла о путешествии фиванского жреца Ун-Амуна в Финикию. Он был послан в финикийский город Библ за строительным лесом для священной ладьи. Главный жрец храма бога Амуна дал путешественнику рекомендательное письмо и серебро для оплаты леса. Но по дороге Ун-Амун лишился и письма и серебра. Однако это его не остановило.

Он находит выход из создавшегося положения, хоть и далеко не честный: по дороге ему удается ограбить кого-то и заполучить таким образом серебро для покупки леса.

Наконец после долгих странствий Ун-Амун прибывает в Библ. Но на этом его злоключения не кончаются. Во-первых, египетского жреца не хотят впустить в город, и он вынужден двадцать девять дней находиться в гавани. Когда он, потеряв всякую надежду, собирается вернуться назад, приходит посланец от правителя города Чекер-Баала с приказанием явиться во дворец к правителю. Вот об этом и рассказывается в приведенном выше отрывке повествования.

Потом правитель потребовал от Ун-Амуна рекомендательное письмо, но — увы! — жрец не мог его представить. Больших трудов стоило ему убедить правителя, что письмо было. Да и серебра Ун-Амуна оказалось слишком мало, и в Египет пришлось посылать человека за недостающей частью нужной суммы.

Ун-Амуну ничего не оставалось, как терпеливо ждать гонца. Но вот из Египта прислали наконец золото и серебро, дорогие одежды, папирусы, рыбу и много других подарков. Все это тронуло сердце правителя Чекер-Баала, и он распорядился рубить лес и вывозить в гавань.

Погрузив лес, Ун-Амун отправился в обратный путь. Но бедствия его еще не кончились. На море разразил-

ся ураган, и корабль вынужден был пристать к берегам острова Аляшии.

Что было дальше с верным служителем бога Амуна, неизвестно. Очевидно, он остался в живых, потому что рассказал о своем путешествии.

Само по себе путешествие не представляет ничего необычного. Но это чуть ли не единственное описание городов Финикии XI века до нашей эры. Ведь Геродот посетил Финикию на шесть веков позже. Много нового и интересного принесли ученым рассказы о древних городах и землях, социальном и политическом строе государств, географические и этнографические заметки Ун-Амуна.

Папирус указал на одну интересную деталь: египетский жрец путешествовал без переводчика, возможно, древнеегипетский язык был языком довольно распространенным.

Новые сведения и детали значительно расширили наши познания о государствах второго тысячелетия до нашей эры. И если учесть, что подобный папирус — единственный в своем роде, другой такой копии не сохранилось, становится понятным, сколь велико его значение.

Но этот папирус остался бы всего лишь мертвым свитком, не будь Ж. Шампольона. Значение подвига французского ученого трудно переоценить. С помощью его «ключа» заговорили надписи в храмах и на статуях, пожелтевшие свитки папируса, пелены мумий. Мы получили возможность не только заглянуть в глубину жизни Древнего Египта, но и познакомиться с его литературой, почувствовать чарующее волшебство древней поэзии.

Главными героями литературных произведений Египта выступают его всемогущие, добрые и злые боги. И чаще всего — бог солнца Ра, бог ясного дня, добра и справедливости.

...Каждый вечер, пройдя дневной путь по небу, ладья Ра подплывает к западным горам, где находится вход в подземный мир. Горные павианы поют песнь славы златоликому Ра:

Сотворил ты павианов,
да поют они тебе,
да пляшут они пред тобою,
да восклицают они восхваления тебе...

Ра торжественно переходит с дневной ладьи на ночную. Начинается путь к преисподней по подземному Нилу, протекающему по длинной и узкой долине, разделенной двенадцатью вратами. Их охраняют огнедышащие змеи. Каждые врата ладья Ра минует в определенный час ночи, и по мере того как она плывет по подземному Нилу, души мертвых выходят из своих гробниц, приветствуя солнце и наслаждаясь его сиянием:

Слава тебе, Ра!..
Почитают тебя обитатели Дуата,
Поклоняются тебе обитатели преисподней,
Восхваляют они тебя, грядущего в мире...

А вот строки из гимна солнцу:

Ты — жизии нсточиик для миожества
страи и иародов.
Великому Нилу ты дал в небесах
уместиться...
Лучами твоими любое взлелеяно поле.
Восходишь — и всходят побегн во славу
тебе.
Каждому времени года установил ты
черед
На пользу твореньям своим:
Зиме — чтобы их освежала,
Лету — чтоб лучше познали тебя.
Свод иебесный ты создал — блистать
в нем
И созерцать с вышины деяния свои.
Ты едии!

С благоговением, даже священным трепетом относились египтяне к книгам. «Бальзам для человеческой души» — так они их называли. Библиотеки находились обычно при храмах, и доступ к ним имели только знатные люди. И конечно, основную массу в храмовых библиотеках составляли религиозные книги: гимны богам, пророчества, заклинания. Но были и астрономические, медицинские, астрологические сочинения, деловые документы, произведения изящной словесности.

Древние египтяне любили шутку. Даже в серьезной науке — математике — они преподносят задачу на решение геометрической прогрессии так: «В семи домах было по семи кошек, каждая кошка съела семь мышек, каждая мышка съела семь колосков, из каждого колос-

ка могло получиться семь мер зериа. Надо сосчитать, сколько получится, если все сложить вместе».

Лирические произведения египтяи поражают глубиной чувств, одухотворенностью и красотой:

Благоуханье твое — благоуханье бальзама.
Кожу твою уподоблю кожице нежного плода.
Жизненной силе зерна жизнь уподоблю твою.
Восходящее солнце твой лик.
Веселости полон твой взор...

Книги Египта, в которых была сосредоточена вся мудрость человеческая, оказали огромное влияние на культуру древнего мира. Настоящим сокровищем являются они и для нас.

■ «Китайская грамота»

Современное китайское письмо и по форме, и по способу применения настолько отлично от нашего, что мы с большим трудом проникаем в его сущность. Все знают распространенное выражение «китайская грамота», которое невольно вырывается, когда сталкиваешься с чем-то, что постичь крайне трудно или невозможно.

А письменность эта уникальная и самая древняя из всех, которыми пользуется человек нашего времени. И сохранилась она, ровесница древнеегипетских иероглифов и шумерской клинописи, лишь потому, что имела особый путь развития.

Китай III века до нашей эры. В стране уже были заложены основы древней китайской культуры. Сформировались религиозно-философские системы конфуцианства и даосизма. Появился первый сборник памятников литературы «Книга песен» (Шицзин), свод древнейшей китайской народной поэзии (он содержит более трехсот произведений, относящихся к XI—VII векам до нашей эры), и «Книга перемен» (Ицзин), памятник китайской натурфилософии.

Период, когда Китай объединялся в централизованную империю и строилась Великая китайская стена. В это время, в 221 году до нашей эры, была проведена

реформа китайской письменности, которая упорядочила иероглифы и ввела единую для всей страны систему письма.

К тому времени китайское письмо представляло собой сложившуюся идеографическую систему. Каждый иероглиф обозначал отдельное слово.

Звучащий китайский язык очень своеобразен и прихотлив. В нем особое значение имеет тональность, повышение или понижение высоты звука. Эта особенность китайского языка с большим трудом улавливается и усваивается иностранцами. Один и тот же набор звуков (а в китайском языке много односложных слов) в зависимости от того, в какой тональности он произносится, имеет совершенно разный смысл.

Произнесенное низким тоном слово приобретает одно значение, восходящим тоном — другое, высоким — третье. Поэтому написанный русскими буквами слог *ли* без указания тона его произношения для китайца ничего не значит. Однако интонированный слог имеет много самостоятельных значений: *сила, обряд, холм, зерно, властвовать, стоять* и т. д. Каждое значение имеет особый знак, по которому китаец узнает, какое понятие имеется в виду.

Еще одна особенность китайского языка: в нем полностью отсутствуют грамматические формы и категории, он не имеет грамматики. Зато есть синтаксис, отличный от нашего. Порядок слов в предложении жестко определен. Один и тот же иероглиф может быть и глаголом, и существительным, и прилагательным. Все зависит от того, какое место иероглиф занимает в предложении.

Пишутся иероглифы вертикальными столбцами справа налево. Первое слово на странице стоит крайним вверху и справа, последнее — внизу и слева.

Свое начало китайское письмо, как и большинство систем письменности, берет от пиктограммы. Старейшие памятники китайского письма второго тысячелетия до нашей эры, обнаруженные в 1899 году при раскопках в провинции Хэнань, подтверждают это. Знаки, еще сохранившие рисунок предмета, но уже достаточно схематизированные и напоминающие иероглифы, были нанесены на кости животных и панцири черепах. Эти предметы служили для гадания. Ученые считают, что най-

деиы остатки архивов царских прорицателей. Надписи хорошо сохранились. Некоторые кости отшлифованы до зеркального блеска.

Ритуал гадания был очеиь важным обрядом в жизни древиего человека. Без гадания не начинали ни одного серьезного дела. Обряд происходил так. Кость с вырезанными на ней знаками прижигали с оборотной стороны бронзовой палочкой. Знаки содержали вопрос, на который нужно было получить ответ. Очертания трещин, появившихся при прижигании кости, напоминали какой-нибудь иероглиф и считались знаками-ответами.

В более поздние времена, когда формы иероглифов измеиились настолько, что первоначальные зиаки стали непоиятными, древние «гадательные» кости считались священными и высоко ценились как целительиое средство. Их иазывали «кости дракоиа» («луи гу»), растирали в порошок и добавляли в различные лекарства.

Найденные памятники письменности, более ста тысяч, дали возможность проследить эволюцию иачертаний иероглифов.

Однако дешифровать древнейшие знаки китайской письмениости удалось далеко ие все, хотя дешифровку начали еще в 1900 году. Поиачалу специалисты, в том числе и китайские, ие могли составить целых надписей. Расшифровке поддавались лишь отдельные знаки.

Дешифровку вели так. Выстраивали своеобразный ряд из знаков иачертаиия каждого иероглифа, относящихся к различиому времени. Создавая такой «эволюционный» ряд, учеиые сравнивали его с рисунками на костях, сходными по начертанию, и выясняли их значеиие.

Идя этим путем, распознали треть всех знаков, более полутора тысяч. (Предполагают, что остальные знаки могли быть утрачены по мере развития языка.) Удалось прочитать надписи, содержащие просьбы, обращенные к духам земли, гор, рек, солнца, луны, дождя, ветра, которые, по представлениям древних китайцев, могли навлечь или отвести разные стихийные бедствия. В этих гадательиых надписях царь обозначается теми же иероглифами, что и «верховное божество».

Эта дешифровка, как считает профессор Х. Криль, не менее замечательна, чем дешифровка египетских иероглифов.

За четыре тысячелетия китайский язык не изменил серьезно своей структуры. Значительно изменилась лишь форма начертания знаков. Конечно, расширился словарный состав, но принципы словообразования и построения предложений остались теми же. Классификация иероглифов, которая была дана почти две тысячи лет назад, и сегодня не потеряла своего значения. Она была изложена в труде китайского ученого Сюй Шэня под названием «Объяснение древних символов и анализ составных знаков». Исходя из способа передачи звучащих слов на письме, ученый делит всю массу иероглифов на шесть групп.

Первая категория знаков состоит из иероглифов, обозначающих конкретный предмет. По начертанию эти

子	РЕБЕНОК	雨	ДОЖДЬ
木	ДЕРЕВО	犬	СОБАКА
門	ДВЕРЬ	巴	БОЛЬШАЯ ЗМЕЯ
矢	СТРЕЛА	手	РУКА
心	СЕРДЦЕ	貝	ДРАГОЦЕННОСТЬ
言	СЛОВО	田	ПОЛЕ

иероглифы восходят к знакам-рисункам. Эта группа называется по-китайски «сян», что дословно переводится как «сходство по форме».

Вторая группа знаков называется «чжи-ши». В нее

входят иероглифы, изображающие отвлеченные понятия. Передаются они с помощью предметов или жестов, связанных с этими понятиями, например, понятие «ремесло» передается изображением орудия труда.

Третья группа «хуэй-и» включает сложные понятия, логические сочетания. Знак строится из совокупности двух или нескольких иероглифов. Например, знак *женщина*, повторенный дважды, — *ссора*, трижды — *интрига*, *человек* плюс *слово* — *откровенный*, *поле* плюс *сила* — *юный*.

Четвертая группа — «чжуань-чжу» переводится как «отклонения и перестановки». Она объединяет иероглифы, используемые в новом значении. В зависимости от положения иероглифа в тексте знак *принц*, например, может обозначать *чиновник* или *письмоводитель*.

Пятая группа «цзя-цзэ» переводится: «помощь посредством заимствования». Слова, сходно звучащие, но имеющие разное значение, — омонимы — получают один иероглиф.

Шестая группа — «се-шэн», что значит «смысл согласовать со звуком». Самая многочисленная группа иероглифов, составляющая девять десятых всех знаков. Каждый знак состоит из двух частей: фонетического элемента, который указывает на звучание слова, и «ключевого знака».

Если на протяжении тысячелетий принципы знакообразования в китайском языке существенно не менялись, то внешне, в своих начертаниях, китайские иероглифы значительно эволюционировали.

Китайский иероглиф строится из девяти первоначальных штрихов. Их комбинация составляет все разнообразие иероглифических знаков. Некоторые штрихи повторяются в одном знаке по два-три раза. Начертания иероглифов могут иметь от 1 до 28 штрихов. Эволюция формы иероглифа связана в первую очередь с материалом, на котором их воспроизводили. Когда писали на шелке тонкими бамбуковыми палочками, легче было чертить линии и прямые, и кривые, одинаковой величины. Огромное влияние на рисунок знаков оказала кисточка для письма, сделанная из волоса.

Умение красиво писать считалось в Китае самым высоким искусством. Созданы поэмы, посвященные искусству каллиграфии, разработано множество предписаний относительно удлинения, укорачивания, соединения

и опущения отдельных линий письменных знаков. Существует даже понятие «квадратное расположение». Это значит, что каждый иероглиф вписывается в квадрат. Искусные каллиграфы, изобретатели новых почерков, имели славу не меньшую, чем крупнейшие художники, писатели и поэты. Возникало множество вычурных и труднопонимаемых почерков с образными названиями: «письмо головастиков», «письмо звезд», «письмо драконов», «письмо облаков».

Очень важной вехой для развития рисунка иероглифа стало изобретение бумаги. Долгое время для письма использовались неудобные бамбуковые дощечки и дорогие шелковые свитки. Когда текст, написанный на дощечках, был длинный, их связывали в пачки, словно веер. Шелк наматывался на палочку в форме свитка.

Первую бумагу изобрел Цай Лунь — ученый-конфуцианец и крупный государственный чиновник. Это произошло в 105 году нашей эры. По-китайски бумага называлась «чжи». Изготовлялась она сначала из отходов шелка, очесов льна, луба молодого бамбука и тутового дерева. «Чжи» была легкой и более прочной, чем папирус. Ее можно складывать в тетради.

Рано возникло в Китае и книгопечатание. Еще до нашей эры в Китае применяли штемпеля. Краткие тексты высекали на камне и оттискивали тушью на бумаге. С VII—VIII веков использовали деревянные доски. Текст на них вырезали в форме рельефа. С VIII века в Китае стал выходить первый в мире печатный правительственный бюллетень, называвшийся сначала «Дворцовые копии» («Дичао»), а потом «Столичный вестник» («Цинбао»).

С 1050 года вводится набор отдельными знаками. Его изобретателем был кузнец Би Шэн — «человек в хлопчатобумажной одежде», как сказано в энциклопедическом сочинении того времени. Шрифт сначала делали из обожженной глины, а с XIV века стали отливать из бронзы. Касса состояла из 7 тысяч разных литер.

Вот как происходил, по описанию того же энциклопедического сочинения, набор из подвижных литер: «...он брал вязкую глину и вырезывал на ней письменные знаки высотой в ободок монеты и для каждого знака изготовлял отдельную литеру, обжигал ее на огне, чтобы сделать ее твердой. Предварительно он при-

готовлял железную дощечку и покрывал ее смесью сосновой смолы, воска и бумажной золы. Намереваясь печатать, он брал железную рамку и накладывал ее на железную дощечку, затем он помещал в рамку литеры, вплотную одна к другой. Когда рамка заполнялась, она образовывала единую печатную доску. Он помещал ее над огнем, чтобы несколько подогреть и размягчить клейкий состав; затем он брал совершенно гладкую доску, накладывал ее на дощечку с набором и нажимал так, что поверхность набора становилась столь ровной, как точильный камень. Если хотели отпечатать только два или три оттиска, то эта процедура не являлась ни быстрой, ни удобной, но когда печатали десятки, сотни или тысячи экземпляров, дело шло с быстротой духов...

Для каждого письменного знака он имел по нескольку литер; для... распространенных знаков... он имел более чем по 20 литер, чтобы располагать запасом при их повторении на одной и той же странице... Если попадались редко встречающиеся знаки, которые не были заготовлены, он тут же вырезывал их и обжигал на горящей соломе; в мгновение это было готово...

По окончании печатания литеры на железной дощечке опять держались над огнем, чтобы размягчить клейкую массу; затем он делал удар рукой, так что литеры выпадали сами собой и вовсе не были подмочены или запачканы клеем».

Современный китайский язык — один из самых распространенных в мире. На нем говорит почти миллиард человек. Китайское иероглифическое письмо как нельзя лучше соответствует структуре языка, не имеющего грамматических форм: ни падежей, ни времен, ни флексий. Удобно передавать иероглифами и сходно звучащие слова, разнящиеся лишь высотой тона.

Однако китайское письмо имеет так много знаков, что становится громоздким и сложным для освоения. Чтобы понять самый простой текст, нужно знать не менее двух тысяч иероглифов, а для чтения современных текстов средней сложности необходимо запомнить до восьми тысяч иероглифов.

Все это является серьезным препятствием для распространения китайской грамоты в народных массах.

В Китае предпринимались неоднократные попытки создать азбуку, которая могла бы передавать звучание китайской речи. Одна из них появилась в 1918 году

(«чжу-инь цзы-му»). Она состояла из 40 букв и использовалась для записи (транскрибирования) иностранных названий и имен. Были и другие алфавиты — «гоюй ломацзы» (романизация государственного языка), «латинхуа синьвэньцзы» (латинизированное новое письмо).

Переход к буквенно-звуковому письму затрудняет множество диалектов, распространенных в стране. И хотя основы строения и словарного фонда у всех диалектов общие, они основательно различаются по звучанию и несколько по лексике. Пекинец и кантонец, например, могут понять друг друга с помощью иероглифов, но читают их по-разному. Гораздо труднее понимали бы они друг друга, если бы пользовались фонетическим письмом.

И еще одна, пожалуй, наиболее важная причина мешает переходу Китая на фонетическое письмо. Это неизбежный разрыв со старой многовековой культурой, воплотившейся в иероглифической письменности. Особенность китайских иероглифов такова, что они получают дополнительные стилистико-смысловые оттенки и от графической структуры, и от сочетания друг с другом.

Все это делает невозможным резкий переход к новому алфавиту.

Такова она, «китайская грамота», — своеобразный синоним мудрености и непостижимости.

В ПОИСКАХ ИСЧЕЗНУВШИХ МИРОВ

Шумеры: клин и еще раз клин

«О Шумер, великая земля среди всех земель вселенной, залитая немеркнущим светом, определяющая божественные законы для всех народов от восхода до заката!» — когда-то с восторгом писал о своей стране шумерский поэт.

В благословенных землях Месопотамии, что в переводе означает «Междуречье», лежала эта страна. Край щедрого солнца, воды двух великих азиатских рек — Тигра и Евфрата, плодороднейшие лессовые почвы речных долин. Около шести тысяч лет назад здесь возникла одна из величайших цивилизаций древности — шумерская.

Гончарный круг, колесо, плуг, сеялка, парусная лодка, оросительные каналы — все это мы знаем благодаря шумерам. В многолюдных городах Шумера работали искусные мастера, изготовлявшие прекрасную посуду, великолепное литье из меди и бронзы, возводившие дворцы и храмы. Наконец, именно здесь была изобретена знаменитая клинопись, которая осталась запечатленной на века на глиняных табличках.

Сейчас мы довольно хорошо знаем историю этого государства. Но несколько десятилетий назад ученые и не подозревали, что цивилизациям ассирийцев, вавилонян, аккадцев предшествовала шумерская.

Самое интересное в том, что шумеры были открыты не под лопатой археолога. И не по воле случайности. Сначала это произошло в... кабинетах ученых. Их открыли даже не историки, а лингвисты. Изучая особенности клинообразного письма, они напали на след неизвестного доселе народа. И в этом им помог метод дедукции.

Лингвисты обратили внимание на разнохарактерность ассиро-вавилонского письма. Клинописные таблицы (количество которых значительно пополнилось после раскопок городов Ассирии и Вавилона) представляли собой причудливую смесь буквенного, слогового и рисуночного письма. Такое многообразие клинописных знаков, решили ученые-полиглоты после многочисленных проверок, потребовало длительного развития системы письма. Отсюда следовал другой вывод: клинопись изобрели не вавилоняне и не ассирийцы, а какой-то другой

народ. Ученые даже предположили, что древний народ (существование которого еще не было доказано ни одной находкой) пришел в Двуречье из гористых восточных районов.

Смелая гипотеза! Великое дело, когда исследователи верят в свои предположения. А вера была настолько сильной, убеждение так глубоко, что ученые начали искать имя народу. В одной из надписей семитский царь Саргон (древний правитель южного Двуречья) именовал себя «царем шумеров и аккадцев». Поэтому одни ученые назвали гипотетический народ шумерами, другие — аккадцами.

Веское слово в доказательство существования таинственных шумеров-аккадцев сказал француз Э. де Сарзек. Консульский агент, он слыл большим приверженцем Древнего Востока. В 1877 году Э. де Сарзек начал раскопки одного из холмов Двуречья. И вскоре наткнулся на статую, не похожую на все до сих пор найденные. Увлеченный и ободренный первым успехом, Э. де Сарзек продолжил раскопки. Счастье сопутствовало ему и дальше. Он нашел черепки посуды, украшенной замысловатым орнаментом, статую и различные надписи на глиняных табличках. Э. де Сарзек работал четыре года.

Открытием, возбудившим стремление к новым поискам шумерских документов, стал город Ниппур. Там в конце XIX века американские археологи обнаружили несколько тысяч табличек с клинописью. Ниппурские таблички размещались в 62 комнатах.

Следующей и, пожалуй, самой неожиданной и большой, была находка шумерской библиотеки на месте Шуруппака — древнего города шумеров, в котором, по преданию, жил Ной.

В 1902 году группа видных немецких археологов предприняла дерзкую экспедицию в совсем еще не изученный, загадочный и неведомый район Двуречья.

Путь был поистине адский, его могли преодолеть лишь люди стойкие, преданные науке, своим идеям и творческим замыслам. Неимоверная жара (была середина июля), кишащие змеями и ядовитыми паразитами топкие нескончаемые болота с их коварными бездонными «окнами». Тучи комаров. Возможность столкновения с бедуинами, которые всего лишь несколько лет назад напали на группу американских археологов. По-

этому новая экспедиция больше походила на военный отряд: у каждого висело на поясе оружие. Но все обошлось мирно, безопасную дорогу обеспечивали деньги.

И ученые шли по болотам, сквозь зной и тростниковые заросли, шли с надеждой где-то там, в дебрях забытого богом и людьми края, найти... библиотеку шумеров.

Вот и Фара. Большая деревня. Жители ютятся в тростниковых домиках, лачугах, которые еще пять тысяч лет назад шумеры считали устаревшим и непригодным жильем для человека... Шеф Фара (он тоже обитал в тростниковом «дворце») запросил отдельную плату за предоставление рабочей силы; ему нужно было платить за каждого рабочего из деревни отдельно. Да и сами рабочие достаточно высоко ценили свой труд. К тому же в первые дни место раскопок окружили триста бородатых мрачных людей с тяжелыми пиками и потребовали... работы. Пришлось и с ними уладить отношения. Но все окупилось сторицей: уже через несколько дней археологи наткнулись на первые клинописные глиняные таблички. Потом появились серии табличек с древними текстами шумерской клинописи. Наконец обнаружили настоящий клад табличек...

Шумерская библиотека была найдена! Конечно, с ней было много хлопот. Почти все таблички грозили рассыпаться на глазах. Их извлекали из сырой земли, просушивали, чистили, фотографировали, обжигали и аккуратно укладывали в ящики. На это ушло восемь месяцев, на публикацию результатов работ — двадцать лет.

Ученые классифицировали шумерскую библиотеку, разделив ее на серии. Первая — тексты хозяйственного содержания, вторая — школьная: глиняные таблички, игравшие роль современных школьных тетрадей (эти материалы дали представление о высоком уровне шумерской педагогики, о том, как шумерские школьники учились писать). Но самое главное — шумерская библиотека позволила составить список «архаических клинописных знаков».

На полпути от Багдада к Персидскому заливу находился большой холм, который местные жители называли «Тал-ал-муккайир» («Смоляной холм»). Еще в середине XIX века было высказано мнение, что в недрах

этого холма скрывается древний город Ур — звезда первой величины среди шумерских городов.

Но лишь в 1922 году англичанин Л. Вулли приступил к раскопкам, которым посвятил двенадцать лет. Год за годом появлялись из глубин земли развалины дворцовых ансамблей, ступени некогда величественных храмов.

Из-под многотонного слоя песка и щебня взорам предстала желтая ступенчатая башня — «зиккурат», постамент для главного храма города в честь бога луны Нанна. Когда-то это было внушительное сооружение из трех ярусов террас, сужавшихся кверху. На усеченной вершине стоял храм, ступеньки террас были усажены деревьями. Зиккурат был виден далеко за пределами города.

Л. Вулли раскопал остатки захоронений царей Ура. В гробнице одной правительницы были обнаружены ценнейшие предметы. Золотые сосуды, головной убор царицы. И все это тончайшей ювелирной работы, исполненной шумерскими мастерами более пяти тысяч лет назад.

Теперь уже никто не сомневался в существовании шумеров, в их высокой культуре.

И еще одна находка в царских могилах привлекла всеобщее внимание: так называемый штандарт, две прямоугольные дощечки, соединенные под углом и скрепленные двумя боковыми треугольниками. Предполагают, что штандарты крепились к шесту и их носили во время торжественных церемоний. Но самое главное: инкрустированные перламутром и ракушками штандарты воспроизводили разные сцены из жизни шумеров.

Вот изображена сцена пиршества. Мы видим царя и его приближенных, узнаем об одежде, утвари и обычаях шумеров. Ведут на заклание животных — картина свидетельствует о том, какие животные были одомашнены шумерами к третьему тысячелетию до нашей эры. А вот шествие пленных и воинов — и мы знакомимся с оружием шумеров. На штандарте нарисованы колесницы. Это было открытием. Ведь до сих пор считалось, что изобретателями тяжелых колесниц, сыгравших большую роль в истории многих стран древнего мира, были ассирийцы.

Да, поистине прекрасным и величественным был го-

род Ур. Недаром ему посвящены хвалебные слова из шумерского гимна:

> О город, всем обеспеченный, омываемый
> Неиссякаемыми водами,
> Незыблемый бык,
> Помост изобилия страны... зеленая гора,
> Город, чьи судьбы определил Энки,
> Святилище Ур, да вознесешься ты до небес!

Долго «жил» Ур. Ни войны, ни пожары не могли уничтожить его. Но то, что оказалось не под силу людям, сделала природа. Благодатные воды Евфрата постепенно ушли в сторону на пятнадцать километров по новому руслу реки.

Жизнь в Уре замерла. Покрылись песком и пылью величественные здания, а на месте зеленеющих садов осталась сухая, раскаленная почва. И ничто бы больше не напомнило нам об этом городе, если бы не раскопки и не многочисленные тексты на глиняных табличках, которые Л. Вулли отыскал под развалинами (более 20 тысяч). Они составили большую библиотеку.

Англичанин Л. Вулли как бы подытожил все своими великолепными раскопками.

«Мы выросли в такое время, — писал он, — когда началом всех начал в искусстве считалась Греция, когда думали, что сама Греция, словно Паллада, появилась из головы Зевса-олимпийца. Но нам удалось убедиться в том, что свои жизненные силы она черпала в культуре лидийцев, хеттов, финикийцев, жителей Крита, Вавилона, Египта — им всем она в немалой степени обязана своим расцветом, корни ее уходят еще дальше в глубь веков: за всеми этими народами стоят шумеры».

Это заявление он мог сделать после многолетних раскопок древних развалин в Двуречье.

Но все это богатство осталось бы мертвым, и мы бы значительно меньше знали о Шумере, если бы не владели главным ключом к шумерской цивилизации — дешифрованной клинописью.

Еще в XVII веке европейские путешественники и агенты различных компаний снимали копии клинописных знаков в Персии, Аравии и других странах.

Поначалу клинопись считали орнаментом, узорами на камнях. Говорили даже, что это следы птиц на мокрой глине. Но европейские ученые все больше склоня-

лись к мнению, что это древняя письменность, которую, казалось, никогда не разгадать. Ведь не могли даже толком уяснить, как читать таблицы: сверху вниз, слева направо или наоборот.

Однако пришло время, и датчанин К. Нибур привез копии загадочных и очень важных клинописных текстов.

В 1761 году датский король снарядил экспедицию для исследования далекой Аравии, Ирана и других неизвестных восточных стран. Цель экспедиции — торговые интересы Дании.

Смелые, умные люди вошли в состав экспедиции. Среди них — сын пастора К. Нибур, молодой, энергичный человек, увлекающийся Востоком и знающий арабский язык.

Судьба экспедиции была печальна.

Сначала ее надолго задержали в Каире. Но это одновременно обернулось и счастьем для науки, для будущих египтологов: К. Нибур, чтобы скоротать время, начал срисовывать таинственные, никем еще не разгаданные и даже незнакомые Европе знаки — иероглифы, которых было предостаточно на старых монументах и камнях. Полгода изо дня в день, из месяца в месяц К. Нибур копировал иероглифические надписи. Это дало ему возможность высказать со временем очень интересные и важные мысли о сущности иероглифов как письменности — мысли, которые умело использовали египтологи в будущем. Одновременно К. Нибур, сам того не замечая, за эти полгода развил в себе наблюдательность, исследовательскую скрупулезность и точность, что так понадобилось ему в будущем.

И еще одна важная психологическая деталь. Все члены экспедиции полгода изнывали от жары и бездействия, хандрили, нервничали, ссорились между собой, растрачивая нервы и здоровье на пустяки. Их силы и воля незаметно иссякали, что губительно сказалось потом. Безделье убивает человека!

Один К. Нибур с утра и до вечера ежедневно напряженно трудился. Работал он упорно, стойко, увлеченно. Сколько нужно было проявить выносливости, воли, чтобы в страшный зной часами выстаивать перед монументом, срисовывая причудливые сложные знаки, которые требовали большого внимания, сосредоточенности, терпения. Он как бы готовил себя к большим трудностям, которые были не за горами.

Наконец датской экспедиции разрешили двигаться дальше. Через Сирию, Палестину, Аравию она попала в южные районы Аравийского полуострова. Но болезни, эпидемии, лишения сделали свое: все члены экспедиции гибнут, в живых остается только К. Нибур.

Мужество и находчивость не покидают его. Зная арабский язык и его диалекты, К. Нибур умело приспосабливается к обстоятельствам. Одевается и ест как местные жители. Устанавливает контакты, находит работу, получает поддержку у населения. И снова путешествует, изучает страну, ее обычаи, язык, культуру. Так проходит несколько лет. Прибыв в Бомбей, К. Нибур снова готовится в путь, его влечет назад в Аравию.

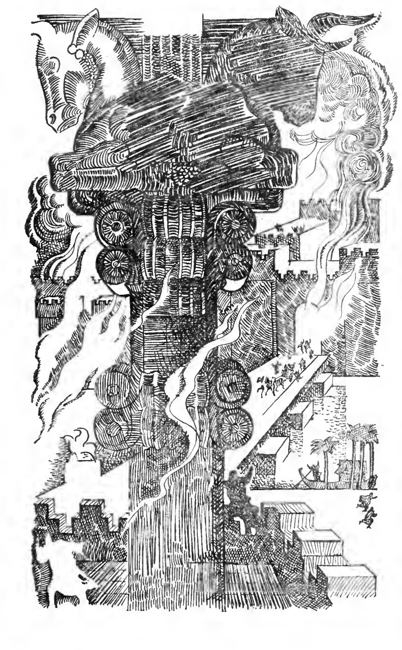
В 1765 году он отправляется в Аравию. Теперь маршрут его более точен. Он пересекает Месопотамию, Иран и наконец в семи милях северо-восточнее Шираза находит мечту своих странствий — руины древнего Персеполя. Перед мужественным датчанином остатки гигантского дворца Дария и Ксеркса, который так легкомысленно разрушил Александр Македонский.

...Во время большого пиршества афинская гетера Таис в экстазе выхватила с алтаря горящий факел и швырнула его между деревянными колоннами дворца. Это понравилось Александру Македонскому. Он был молод и горяч, да к тому же изрядно пьян. Выхватив факел, он запустил его на деревянные хоры. За полководцем последовала и его свита. Все это кончилось грандиозным пожаром, веселым зрелищем для Александра Македонского.

На протяжении веков и тысячелетий вплоть до 30-х годов нашего столетия дворец Дария, как и Колизей в Риме, служил каменоломней для местных жителей. Но К. Нибур еще застал там самое главное... Три недели подряд он копировал клинописные знаки: надписи на величественных монументах, памятниках-надгробиях, огромных камнях.

Ученый мир получил точные копии важнейших для истории надписей Дария и Ксеркса. Эти копии К. Нибур опубликовал в своей книге «Описание путешествия в Аравию и окружающие страны». Книгу эту, мы уже говорили, всегда держал при себе Бонапарт во время своего египетского похода.

К. Нибур свершил подвиг исследователя — добыл ценные клинописные документы. Но этим он поставил

перед учеными большую и трудную задачу: прочесть письмена, которые внешне действительно похожи на хаотические следы каких-то фантастических птиц.

Шли долгие годы упорного труда многих ученых Европы, а персепольские надписи не поддавались. «Но вот пришел Г. Гротефенд...» Так начинали обычно рассказ об этом удивительном, чуть ли не легендарном человеке.

Действительно, эта история звучит как легенда. В 1801 году двадцатишестилетний учитель из немецкого городка Мюндена, сын сапожника Г. Гротефенд в кругу друзей заключил, казалось бы, сумасбродное пари: поспорил, что найдет ключ к дешифровке клинописных текстов из Персеполя. «После этого, — констатируют историки, — он идет и довольно быстро, просто расшифровывает клинопись»... «Неспециалист!», «простой учителишка из гимназии...», «сын сапожника».

Еще мальчиком, живя в тяжелых материальных условиях, Г. Гротефенд понял: счастье ему может принести только величайшее трудолюбие. В школе он учится лучше всех. Потом педагогическое училище, Геттингенский университет, в котором он глубоко изучает теологию и философию, занимается классической филологией. На него обращают внимание видные профессора, рекомендуют еще студентом на должность учителя гимназии.

Г. Гротефенд целенаправленно и сознательно копит средства для того, чтобы заняться наукой. А в часы досуга он, между прочим, с упоением решает сложные загадки, занимается ребусами, шарадами, акростихами, как бы подсознательно готовя себя к величайшему открытию. Вскоре выходит его научная работа о «всеобщем» или «мировом» языке — тоже важный факт. Да, не так просто приступил Г. Гротефенд к дешифровке клинописных знаков. Правда, пари было. Но в тот момент он имел уже за спиной глубокие знания.

Еще К. Нибур заметил, что надписи начертаны тремя различными видами письма. Далее Г. Гротефенд знал, что в 540 году до нашей эры Кир наголову разбил вавилонян и основал великое персидское царство; логично, что хоть одна из персепольских надписей сделана на языке победителя. Ученые предполагали также, что древнеперсидский текст расположен в средней колонке — привилегированное-де положение.

Еще одно очень важное обстоятельство подметили

ученые: одна группа знаков встречается в тексте довольно часто — не царский ли это титул? А повторяющийся клинообразный знак — не разделительное ли это слово? К тому же датский ученый Ф. Мюнтер написал «Исследование о персепольских надписях», где высказал интересную мысль: вероятнее всего, они принадлежат великим царям древней Персии из династии Ахеменидов.

После тщательного изучения текстов Г. Гротефенд пришел к выводу: клинописные тексты Персеполя надо читать сверху вниз и слева направо. Но главное было впереди...

Тексты, лежавшие перед Г. Гротефендом, — это же копии надписей на памятниках, монументах-надгробиях. А кто мог покоиться под величественными тяжелыми надгробиями? Цари, конечно. И что могло быть высечено на камне? Имена царей, их титулы и описание их «великих деяний».

Да разве, думал Г. Гротефенд, не начинаются все надписи на памятниках старых и новых времен стереотипной родословной: такой-то царь, царь царей, царь таких-то и таких-то стран, сын н-го великого царя, царя царей и т. д.!

Это была гениальная мысль. Если, размышлял Г. Гротефенд, первое слово в надписи — это имя царя, то идущий далее знак (косой клин) — разделитель, а следующее слово тоже означает «царь» («царь царей»!). Это слово, естественно, должно повторяться в последующих строках текста.

Далее Г. Гротефенд подметил очень ценную деталь: на всех табличках встречаются только два различных варианта первых групп клиньев. Значит, все монументы и памятники, с которых К. Нибур снял копии, принадлежали двум царям, вероятнее всего, отцу и сыну. И еще: когда эти имена упоминались порознь, то после одного из них следовал знак, обозначающий «царь», а после второго знак отсутствовал. Получалась такая схема: В царь, сын Б, царя, Б царь сын А. Это значило, что у последнего царя отец не был царем, как, например, у Дария.

«Будучи, — писал Г. Гротефенд, — полностью убежден в том, что речь шла о двух царях из династии Ахеменидов, ибо история древних греков, как современников событий и обстоятельных рассказчиков, представлялась мне наиболее достоверной из всех, я принялся

изучать генеалогию персидских царей, пытаясь установить, какие имена более всего подходят к характеру надписи. Это не могли быть Кир и Камбиз, так как имена царей, упомянутых в надписи, начинались с разных букв; это не могли также быть Кир и Артаксеркс, ибо первое имя было слишком коротким, а второе — слишком длинным. Оставались только Дарий и Ксеркс, и их имена так хорошо укладывались в схему, что у меня не было буквально никаких сомнений в том, что мой выбор правилен» . К тому же отец Дария и дед Ксеркса Гистасп не был царем.

«Задача теперь сводилась к тому, — писал Г. Гротефенд, — чтобы придать этому имени, известному в греческой транскрипции, его персидскую форму, с тем чтобы, правильно определив каждый знак, расшифровать царский титул и таким путем разгадать тот язык, на котором сделаны надписи. Из Авесты (собирательное название для Священного писания персов) я узнал, что имя Гистасп по-персидски пишется Гошасп, Густасп, Кистасп или Вистасп. Тем самым я получил первые семь букв имени Гистаспа в надписи Дария, а остальные три я уже имел, получив их путем сравнения всех царских титулов».

Наконец Г. Гротефенд мог прочесть:

«Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, Гистаспа сын, Ахеменид (тот), который построил этот дворец».

«Ксеркс, царь великий, царь царей, Дария, царя, сын, Ахеменид...»

(по буквам) *(1) X(a)-š-(a)-y(a)-a-r(a)-š(a)-a (2) ϰ(a)-š(a)-a-y(a)-ϑ(a)-i-y(a) (3) v(a)-z(a)-r(a)-k(a) (4) ϰ(a)-š(a)-a-y(a)-ϑ(a)-i-y(a) (5) ϰ(a)-š(a)-a-y(a)-ϑ(a)-i-y(a)-a-n(a)-a-m(a) (6) D(a)-a-r(a)-y(a)-v(a)-h(a)-u-š(a) (7) ϰ(u)-š(a)-a-y(a)-ϑ(a)-i-y(u)-h(a)-y(a)-a (8) p(a)-u-ç(a) (9) H(a)-ϰ(a)-a-m(a)-n(a)-i-š(a)-i-y(a)*

(следует читать) *Xšayāršā ϰšāyaϑiya vazrka ϰšayaϑiyānām Dārayavahauš ϰšayaϑiyahya puça Haxāmanišiya*

«Ксеркс, царь великий, царь царей, Дария, царя, сын, Ахеменид»

● „ЛАБОРАТОРИЯ“ ПЕРЕВОДА.

Это произошло в 1802 году. Путь к прочтению письмен Ассирии и Вавилонии, клинописной библиотеки шумеров был открыт. Исчезнувшие далекие миры возвращались из небытия. История человечества расширилась далеко в глубь тысячелетий.

Рассказ о чтении клинописных табличек шумеров будет неполным, если мы не упомянем имя Д. Смита. Его работы внесли существенный вклад в шумерологию.

Жизнь Д. Смита довольно интересна и романтична, хотя по натуре своей он был далеко не романтиком. Этот рассудительный англичанин порой оказывался в таких ситуациях, о которых мог только мечтать любитель острых ощущений.

С детства любознательный и способный мальчик рвался к образованию, но бедные родители не могли позволить себе такую роскошь, они еле сводили концы с концами. Чтобы заработать на кусок хлеба, Д. Смит определяется гравером на монетный двор в Лондоне. Работая там, он самостоятельно изучает иностранные языки, зачитывается сочинениями по истории.

Однажды Д. Смиту доверили исполнение типографских клише для альбома «Клинописные тексты Западной Азии». Это решило его судьбу.

Можно только вообразить, что стоило самоучке в душной и тесной комнатушке, урывая часы от сна и отдыха, проникать в тайны ассирологии. Но упрямый Д. Смит добился своего. Мало того, что он научился читать клинопись, в скором времени он издал свои первые научные работы по ассирологии, которые сразу принесли ему известность и признание.

И наконец желание Д. Смита осуществилось. Его пригласили ассистентом в Британский музей, где можно было целиком и полностью посвятить себя любимому делу. А заняться здесь было чем. В подвалах музея лежали небрежно сваленные в ящики глиняные таблички из знаменитой библиотеки Ашшурбанипала с холма Куюнджик. Месяцы тяжелой грязной работы: очистка табличек от слоя грязи и пыли, склеивание обломков в единое целое. Наконец можно заняться и самой дешифровкой.

Д. Смит с головой ушел в работу. Перед ним открывалась жизнь Древнего Востока: то строительная надпись, то какой-нибудь инвентарный список — содержание было довольно однообразным. Но однажды с

невзрачной серой таблички повеяло таинственными чарами поэзии Востока.

...Гильгамеш, властелин Урука, жестоко обращался со своими подданными. Изнемогая под тяжестью работ, они попросили богов наказать угнетателя. Боги услышали просьбу и направили к Гильгамешу Энкиду — человека, жившего вместе со зверями в лесу и наделенного необычайной силой. Узнав об этом, Гильгамеш подослал к Энкиду красивую жрицу, чтобы та его соблазнила.

Энкиду пришел в Урук и вступил в единоборство с Гильгамешем. Но силы противников оказались равны, никто не вышел победителем. Тогда они стали друзьями и вместе вершили подвиги на благо народа: вместе боролись с могучими львами, вызволили из лап чудовища богиню Иштар.

Вдруг Энкиду заболел и умер. Горько оплакивая своего верного друга, Гильгамеш решил найти секрет бессмертия. Он отправился на поиски Утнапиштима, человека, который знает тайну вечной жизни. Преодолев многочисленные препятствия, герой находит Утнапиштима, единственного человека, которому боги даровали спасение от... всемирного потопа.

Д. Смит не верил своим глазам. Уж не библейский ли Ной воскрес в древнем шумерском эпосе? С нетерпением читал он дальше:

Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну богов расскажу тебе я.
Шуруппак — город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата;
Этот город древен, близки к нему боги.
Задумало сердце богов великих потоп устроить...

Шуруппак, Шуруппак! Это было как гром среди ясного неба. Много лет название этого города не давало покоя исследователям. Где он находился и существовал ли вообще?

Ответ хранился в клинописной табличке. Это шумерский город. И в нем жил тот легендарный Ной, вернее, человек, который послужил прообразом библейского Ноя и кому народ дал имя Утнапиштим.

К сожалению, дальше табличек не оказалось, как ни перерывал ящики Д. Смит.

Но даже то, что было переведено, всколыхнуло весь Лондон. Еще бы! Древнешумерский эпос наносил прямой удар по Библии, недвусмысленно указывая, что

легенду о всемирном потопе творцы Библии заимствовали у шумеров. Страсти разгорелись настолько, что газета «Дейли телеграф» обещала тысячу фунтов тому, кто найдет остальные таблички.

Ну что могла дать эта затея? Как можно было надеяться среди тонн песка и щебня разыскать несколько недостающих табличек? Однако Д. Смит решился. Из путешествия по Месопотамии Д. Смит вернулся в мае 1873 года с 380 недостающими обломками.

...Не в силах терпеть грехи людей, грозный бог Энлиль решил уничтожить весь человеческий род. Все ближе и ближе день страшной кары. Неужели несметные потоки воды унесут с собой все живое на земле, не пощадив никого и ничего?

Тяжелым сумраком опускается на землю ночь. Одиноко стоит хижина на окраине древнего города, сделанная из глины, камыша и ветвей. Это хижина праведного человека Утнапиштима. Дивные слова говорит ему ветер: «Слушай! Построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян и по паре всех живых существ!..»

«Что за диво?» — думает Утнапиштим. Но снова слышит божественный голос. Он рассказывает ему, как нужно строить корабль, чтобы спастись, когда будут открыты все «затворы небесные» и ливень хлынет на землю.

Построил Утнапиштим судно, лучшей смолой просмолил все щели в нем. Это был огромный ящик в несколько этажей, разделенный секциями. С большим старанием он был накрыт крышей, которую не промочил бы самый сильный дождь. И только погрузил Утнапиштим на корабль все, что было сказано, как невиданной силы ураган обрушился на землю. Черные тучи заволокли небо, загремел гром, засверкали молнии, и хлынул на землю страшный ливень.

Шесть дней и семь ночей он длился. Бросали ковчег Утнапиштима угрюмые волны, пока не оказался он у горы Ницир (Нисир). Люди все «превратились в глину». Вокруг было одно море, и лишь вершина Ницир (Нисир) поднималась над волнами.

В поисках земли Утнапиштим выпустил голубя. И как в библейской легенде,

Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я,
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся...

Сторонники Библии уже ничего не могли возразить. Подтверждение исторической основы народной легенды вскоре нашлось. Раскапывая остатки гробниц в Уре, археолог Л. Вулли обнаружил слой ила толщиной примерно 3,5 метра. Его принесло не течение Евфрата, так как ил залегал выше уровня реки. По всем законам геологии слой ила мог быть только результатом огромного, катастрофического наводнения, которое могло показаться перепуганным шумерам всемирным потопом.

На протяжении многих тысячелетий клинопись прошла долгий и сложный путь развития. Исследователями прочитано уже много клинописных «глиняных книг». Они дали богатейший материал по истории развития клинописи. И все же сведений о ее прародителе, так называемом протошумерском письме, все еще недостаточно.

У нас в стране, в Эрмитаже, хранится небольшая глиняная шумерская табличка. Специалисты определяют ее возраст в пять с лишним тысяч лет и считают одним из самых древних документов на земле.

На табличке изображено всего четыре знака — тиара, знак, обозначающий женщину, рука и ограда. И хотя все знаки имеют рисуночный характер, к пиктограммам отнести их нельзя. Это своеобразная запись, передающая определенные понятия, а знаки — типичные идеограммы. Но, как мы знаем, идеограммы вышли из пиктограмм. А вот эти-то первоначальные образцы рисуночного письма учеными изучены еще очень плохо.

Развитие клинописи шло по пути упрощения рисунков.

Важный фактор усовершенствования письма — стремление передать сложные идеи, понятия, мысли. Для этого к простым идеограммам присоединялись дополнительные значки. Например, для понятия «есть» применялись две логограммы: «хлеб» и «рот», «дикий бык» — «бык» и «гора» и т. д.

Но со временем и это перестало удовлетворять шу-

меров, так как не передавало всего многообразия и многозвучия языка. Знаками, которые имелись в арсенале шумерского письма, можно было сделать хозяйственную запись, подсчет имущества, то есть зафиксировать самое простейшее, конкретное.

А как записать мифы, исторические события, поэмы? Это натолкнуло шумеров на введение в письмо фонетических дополнений. Они начали применять знаки, которые были многозвучны, то есть один знак обозначал много звуковых комплексов, и, наоборот, однозвучны, то есть один слог могли передавать несколько знаков.

С помощью слоговых знаков можно было отразить род, число, падеж, суффикс и другие грамматические формы. Так письмо шумеров из идеографического становилось логографическим, а затем и слоговым. И хотя превращение это происходило очень долго, оно позволило шумерскому письму передавать звуковую речь.

Но шумерская клинопись так и осталась на этой стадии, не дойдя до буквенного письма.

Со временем менялся и внешний облик знаков, рисунки делались все более условными. Когда клинопись прочно утвердилась на глине, знаки стали высекать и на других твердых материалах: камне, стекле, металле.

Унаследовавшие шумерскую культуру вавилоняне и ассирийцы восприняли и шумерскую письменность, упростив и преобразовав в соответствии со своим языком. Правда, здесь они столкнулись с определенной трудностью. Для шумеров слоговая система была пригодна, так как в их языке слова состояли в основном из одного, максимум из двух слогов. В семитских языках слогов было значительно больше, поэтому шумерское письмо мало им подходило, слишком громоздкой была бы запись.

Ассирийцы упростили клинописную систему, сократив количество знаков и введя в нее свои дополнения.

После расшифровки клинописи к серым, неприметным табличкам стали относиться совсем иначе. Если раньше их могли небрежно свалить в ящики, как поступили с библиотекой Ашшурбанипала, хранившейся в подвалах Британского музея, то позднее, находя, их

тщательно сортировали, очищали от пыли и отправляли в научные центры.

Иначе говоря, стали следовать примеру древних. Ведь еще в Уруке, где нашли много глиняных табличек, их хранили в ивовых корзинах, которые потом завязывали, вешали этикетки с надписями: «Посылка рабочих», «Документы, касающиеся сада», «Тростниковая корзина с документами, касающимися мастерской ткачей» и т. д.

Это были архивы царских и храмовых хозяйств. Казалось бы, что интересного может быть в этих архивах? Что может дать хотя бы такая запись: «Сорок пять рабынь послано на один день таскать тростник для починки корабля и для доставки балок для дворца»? Уж лучше прочесть какой-нибудь миф или сказание об историческом походе.

Однако ученые думают иначе. В хозяйственных документах раскрывается сущность рабовладельческого строя, поэтому их с такой тщательностью изучают.

Вот купчая на продажу сына:

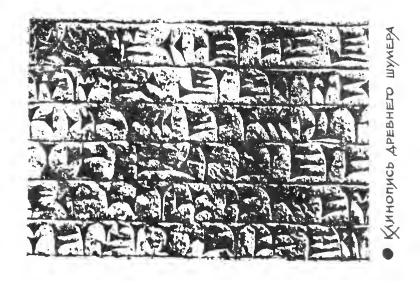
«Сына Син-нури, по имени Залилум, Бальмунамхе купил у его матери Син-нури. В качестве его полной цены он отвесил ей 11 шекелей серебра. Она поклялась своим царем перед ювелиром Иби-илабратом, перед птицеловом Син-гамилом, перед Варад-Наннаром, перед Син-Эрибом, перед Аху-вакаром, перед Энлиль-шеми, перед Аху-вакрумом, перед Лу-ниншубур-ка, перед Илима-ахи в том, что в будущем не предъявит претензий».

Короткий, скупой документ. Но можно представить, в какой нищете жила мать, если решилась продать собственного сына.

В фондах Лувра хранится «листок» из счетоводно-бухгалтерской книги древнего Шумера. Надзиратель составлял список рабов, чтобы высчитать, сколько зерна нужно им на прокорм. Столбиками идут имена женщин и детей, и очень часто стоит пометка «умерла». Каждый месяц резко сокращалось потребное количество зерна из-за огромной смертности рабов.

Так за каждой цифрой, за сухим перечнем лиц или предметов пытливый ум сможет увидеть много интересного.

Кроме этих деловых документов, шумеры оставили

Клинопись древнего Шумера

нам труды по математике, сельскому хозяйству, медицине, литературные произведения.

Теорема Пифагора была доказана еще математиками Месопотамии. Шумерские ученые составляли календари, карты, успешно использовали в медицине различные растения.

Глиняные таблички рассказали нам о мудрости и поэтичности шумерского народа. Например, пословицы. Они гораздо старше египетских.

> Если страиа плохо вооружена.
> Враг будет всегда стоять у ворот.
>
> Увернулся от дикого быка,
> Натолкнулся на дикую корову.

А басни, сюжеты которых, как считали, придумал Эзоп, оказывается, появились еще раньше в Шумере.

...Около четырех тысяч лет пролежали в земле семнадцать клинописных шумерских табличек. Когда археологи извлекли их на свет божий и прочли, изумлению не было конца: это была своеобразная педагогическая поэма, которая звучит актуально даже сегодня. Приведем отрывок из нее, разговор отца с сыном:

«— Куда ты ходил?

— Я никуда не ходил.

— Если ты никуда не ходил, почему ты бездельничаешь? Ступай в школу, стань перед «отцом школы», расскажи ему заданный урок, открой свою школьную сумку, пиши свою табличку, и пусть «старший брат» напишет для тебя новую табличку. Когда закончишь свой урок и покажешь наставнику, возвращайся ко мне, не болтайся на улице. Ты понял, что я тебе сказал?

— Я понял и могу все повторить.

— Тогда повтори.

— Сейчас повторю.

— Говори же! Начинай же, говори!

— Ты сказал, чтобы я пошел в школу, рассказал заданный урок, открыл свою школьную сумку, писал свою табличку и чтобы «старший брат» написал для меня новую табличку. Выполнив задание, я должен продолжать заниматься, потом показать все наставнику, а потом вернуться к тебе. Вот что ты сказал мне.

— Послушай, будь же мужчиной! Не стой на площадях, не разгуливай по садам. Когда идешь по улице, не гляди по сторонам. Будь почтителен, трепещи перед своим наставником. Когда наставник увидит в глазах твоих страх, он полюбит тебя».

Далее следует монолог отца о пользе труда и пагубном влиянии безделья.

Эти семнадцать глиняных таблиц — прекрасный памятник педагогических воззрений, близких и понятных нам.

■ Кто выиграл битву при Кадеше?

Весной 1296 года до нашей эры по долине реки Оронт двигалась египетская армия. Одна из самых могущественных армий, какую знал Египет. Двадцать тысяч воинов были построены в четыре колонны, названные именами главных богов Египта. Первую колонну Амона вел сам Рамсес II, египетский фараон, «сын бога». За нею на расстоянии двух километров двигалась колонна Ра, за семь километров от нее сверкали знамена бога Птаха. Замыкала этот марш колонна Сета.

Уже длительное время на границе между египетским и хеттским царствами происходили кровавые столкновения. Разрушали города, убивали и изгоняли

жителей. Шла борьба за господство над восточным побережьем Средиземного моря.

На пятом году царствования Рамсеса II хетты вторглись в Палестину. И тогда фараон собрал войско и двинулся вдоль Финикийского побережья на север, к крупнейшей хеттской крепости в Сирии — Кадешу. Он знал, что прямо перед ним находятся основные силы хеттов под предводительством царя Муваталлиса...

Хеттская армия тоже насчитывала 20 тысяч воинов. Ее ядро составлял самый грозный род войск того времени — боевые колесницы. Экипаж хеттской колесницы включал возницу, лучника и щитоносца. Египетский — состоял из двух человек. Лучник вынужден был защищаться сам. Хеттские колесницы, более легкие и подвижные, имели большой опыт взаимодействия с другими родами войск.

Рамсес II двигался по направлению к Кадешу, навстречу своему врагу. Но хеттов не было видно. Пока Рамсес растерянно обсуждал положение со своими военачальниками, Муваталлис действовал по заранее намеченному плану. Отправил в лагерь египтян двух шпионов, которые выдали себя за дезертиров и сообщили, будто хетты, устрашенные могучей армией фараона, отступили далеко на север.

Тогда Рамсес встал во главе передового отряда и устремился вперед, оставив далеко позади свои главные силы. Внимательно следивший за маневрами противника Муваталлис обошел авангард египтян с тыла и ворвался в находившуюся на марше колонну Ра. Мчащиеся с большой скоростью, быстрые, легкие колесницы врезались в не готовые к бою войска египтян и засыпали их стрелами. Остатки колонны Ра в безумной панике ворвались в лагерь авангардной колонны Амона и увлекли ее за собой. Колесницы хеттов молниеносно проскочили через ряды бегущих и окружили Рамсеса II. В это время колонны Сета и Птаха в полном неведении маршировали далеко позади.

Казалось, египтяне потерпели полное поражение. Но произошло чудо, которое позже Рамсес объяснял вмешательством своего бога.

«Преступление моих солдат и воинов на колесницах, которые бросили меня, столь велико, что этого нельзя даже выразить словами. Но видите: Амон даровал мне победу... ни единого возницы не было у меня

под рукой... Было их (хеттов. — *В. Д.*) всех вместе тысяча боевых колесниц, и все целились прямо в огонь (то есть в голову Рамсеса, украшенную диадемой с изображением священного змея, извергающего из пасти пламя. — *В. Д.*). Но я ринулся на них! Я... в мгновение ока дал почувствовать им силу своей руки. Я повергал и убивал их, где бы они ни были, и один кричал другому: «То не человек среди нас, то непобедимый Сет... То, что он делает, свыше сил человеческих!»

Рамсесу удалось прорваться на юг и встретить там египетский гарнизон. Возглавив его, Рамсес без промедления вернулся в лагерь, занятый хеттами.

В это время опьяненные победой хетты, превратившись в толпу мародеров, грабили египетский лагерь. Застигнутые врасплох, они не сумели дать отпор. Завязалась новая кровавая битва. Подоспела колонна Птаха. Муваталлис бросил против нее тысячу боевых колесниц, но, вынужденные сосредоточиться на ограниченном пространстве, они потеряли маневренность. С наступлением темноты хетты отошли за стены Кадеша, а Рамсес отступил назад к своим границам.

Битва показала, что силы обеих держав равны. Между государями был заключен договор «о вечном мире и дружбе» — один из первых в истории политических документов, он подтверждал равновесие сил. Скрепила договор женитьба Рамсеса II на дочери хеттского царя. Мир был обеспечен на семьдесят лет.

По прибытии в страну после кадешских событий Рамсеса II провозгласили... победителем хеттов! Он был объявлен «бесстрашным, великим, в почете во всех странах... положившим конец хвальбе страны хеттов», «сыном бога Ра, растоптавшим страну хеттов». В честь великой победы воздвигли памятники. Придворный поэт сложил поэму о победе Рамсеса II, где детально описал ход битвы при Кадеше.

Это произведение подробно анализирует К. Керам в своей книге «Узкое ущелье и черная гора». И вполне убедительно показывает противоречивость поэмы и несостоятельность утверждений Рамсеса о своей победе. К. Керам называет этот факт «чистейшей фальсификацией истории», «первой фальсификацией, о которой нам известно», «шедевром пропагандистской фальшивки».

Фальшивка «работала» в течение трех тысяч лет. Причиной было то обстоятельство, что хетты долгое вре-

мя считались незначительным пограничным народом. Историки даже не подозревали, что у Кадеша встретились две величайшие военные силы тех далеких лет.

Но прошло время, и... хеттов «открыли».

Еще в 70-х годах XIX века британский востоковед А. Сейс объявил, что на Древнем Востоке существовало не две культуры и письменности — ассиро-вавилонская и египетская, — а три. Третий народ — носитель древней цивилизации он назвал хеттами. Однако к этому заявлению отнеслись холодно, и за А. Сейсом закрепилось прозвище «изобретателя хеттов». Но к этому времени были уже найдены памятники хеттской письменности, которые, безусловно, давали основание для подобных утверждений.

Название народа «хетты» приводится и в Библии. В ней сказано, например, что еще во времена патриарха Авраама хетты владели Ханааном. Но скептическое отношение ученых конца XVIII—XIX веков к Библии как источнику исторических сведений мешало всерьез отнестись к этому свидетельству, хотя именно в это время происходило подлинное открытие Древнего Востока. В ту пору археология и языкознание совершили стремительный взлет. Были расшифрованы иероглифы и клинопись.

Первой находкой, заставившей обратить внимание на новую письменность, стал Хаматский камень. Его нашли в сирийском городе Хама на базаре. Вскоре обнаружили еще четыре камня. Три были вмонтированы в стены, а четвертый лежал на площади. Он обладал «чудодейственной» силой. Страдающий ревматизмом, распластавшись на нем, «мгновенно исцелялся».

Ученые неоднократно пытались подступиться к камням для того, чтобы скопировать надписи. Но фанатичная толпа мусульман ревностно оберегала реликвии. Только вмешательство наместника Сирии дало возможность вывезти камни (да и то с помощью солдат!) и приступить к их изучению.

За незначительный промежуток времени памятники хеттской письменности нашли в разных местах Передней Азии, довольно далеко друг от друга. Это помогло А. Сейсу сделать заключение, что хетты были не малочисленным северосирийским племенем, как считали ученые, а могущественным народом, создавшим царство, которое занимало большую территорию.

Во время раскопок в Сирии были извлечены скульптуры с надписями на том же языке, что и на хаматских камнях. Текст, начертанный рельефными знаками той же письменности, покрывал спину и бока льва, украшавшего ворота города Мараша в Турции.

В 150 километрах от Анкары нашли святилище, вырубленное в скале, — своеобразную галерею богов. На их фигурах высечены знаки той же неизвестной письменности. Один знак — — на скульптурах повторялся. И А. Сейс предположил, что это идеограмма понятия «бог».

К 1900 году был издан список хеттских надписей, который насчитывал уже около сотни названий.

Были и другие веские аргументы в защиту тезиса о существовании на Древнем Востоке третьего великого государства. Прежде всего хранившееся в архивах египетских фараонов послание от хеттского царя Суппилулиумаса, где говорилось, что царь хеттов принимает к сведению вступление на египетский престол фараона Аменхотепа. Тон послания вежливый, исполненный достоинства. Так мог писать только равный равному. Непомерные восхваления Рамсесу II по поводу его «победы» над хеттским властелином тоже в какой-то мере свидетельствовали, что хетты были сильным и грозным соперником. Но что это был за народ? Когда он появился, на каком языке говорил, какую культуру создал, какое имел политическое и экономическое устройство? На все эти вопросы нужно было искать ответы...

И вот в 1905 году археологи начали раскопки в районе Богазкёя, где 22 года назад нашли глиняные таблички с хеттскими надписями, и неожиданно открыли государственный архив хеттского царства! Часть найденных табличек на аккадском языке. К тому времени аккадская клинопись была расшифрована, «аккадские» таблички уже читались. Стало ясно, что экспедиция находится на земле столицы Хеттского государства. Здесь же извлекли из-под земли потрясающую находку — хеттский вариант знаменитого договора «о вечном мире и дружбе» между египетским фараоном и хеттским царем, высеченного на египетском языке в храме Амона в Фивах.

Теперь ученые обладали достаточным количеством памятников письменности, чтобы приступить к их де-

ХЕТТСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ

шифровке. Оказалось, что хеттские письменные памятники составлены двумя видами знаков — клинописными и иероглифическими. Клинопись на Древнем Востоке была распространена шире, чем иероглифика. Она играла ту же роль, что и латиница в средневековой Европе, и как латинский алфавит использовалась для записи многих древних языков.

Было очевидным, что проблема дешифровки сводится к толкованию особенностей хеттского языка, так как принцип чтения клинописи и иероглифов был известен. Для понимания хеттских текстов оставалось разобраться в структуре языка, его грамматических формах.

Начало расшифровки клинописного и иероглифического вариантов хеттского письма связано с именем чешского ученого Б. Грозного.

Профессиональную подготовку Б. Грозный получил в Вене и Берлине. В 24 года он стал профессором Венского университета. В своей деятельности Б. Грозный не ограничивался лишь расшифровкой древних языков. У него была другая цель — изучить цивилизации Древнего Востока. В отличие от современников, которые занимались почти исключительно мифологией и религией Древнего Вавилона и Ассирии, Б. Грозный изучал экономику этих государств...

Перед первой мировой войной Б. Грозный занимался копированием хеттской клинописи. Трудность работы над хеттскими текстами заключалась в первую очередь в том, что отсутствовала билингва (она была найдена

лишь впоследствии и подтвердила правильность понимания слов). Оставался один путь — посредством умозаключений и сопоставлений попытаться уяснить структуру языка.

Б. Грозный начал с толкования записей хеттских законов. Структура предложений параграфов законов была шаблонной: «если кто-нибудь сделает то-то, он заплатит столько-то». Ученому поразительно быстро удалось проникнуть в грамматический строй языка. К его удивлению, он оказался индоевропейским, а не семитским, как большинство древних языков Передней Азии. Явно прослеживались изменения, происходящие с одним и тем же словом, то есть чередующиеся окончания. Вся система словоизменения свидетельствовала, что язык индоевропейский, хотя он и пересыпан аккадскими словами и словосочетаниями.

В правильность своего вывода о природе хеттского языка Б. Грозный окончательно поверил, проанализировав одно предложение. Оно состояло из двух частей с одинаковой структурой. В первой части ученый увидел шумеро-вавилонскую идеограмму *хлеб* с наращением *ан*, затем слово *ezzateni*, очень похожее на русское *есть*, немецкое *essen*, латинское *edere*. Ученый предположил, что значение этого слова — *есть*. Первое слово второй части предложения — *wadar* — похоже на древненижненемецкое *watar* — *вода*. И вдруг неожиданно понял смысл предложения: «Ныне ешьте хлеб ваш и воду вашу пейте».

Опираясь на смысл целых предложений, ученый довольно быстро установил значение большого числа хеттских слов и грамматических форм. Так Б. Грозному удалось открыть язык хеттской клинописи, древнейшего из хорошо известных индоевропейских языков. Если раньше самыми древними текстами на индоевропейском языке считали поэмы Гомера и индийский эпос «Ригведа», датировавшиеся серединой второго тысячелетия до нашей эры, то прочтение хеттских текстов помогло ученым заглянуть глубже во тьму веков, до XVIII века до нашей эры.

Такую возможность дает древнейший памятник хеттской письменности — надпись царя Аниттаса, именем которого начинается список двадцати девяти хеттских царей. Он объединил хеттские племена, победил врагов и основал Хеттское государство. Аниттас двинулся

с большим войском против племен хатти, разбил их, а главный город Хаттусас сровнял с землей и сделал храмовую надпись: «Я взял его ночью приступом и на месте его посеял бурьян. Если кто-нибудь из тех, кто будет царствовать после меня, вновь заселит Хаттусас, пусть покарает его небесный бог Грозы!..»

Медленно постигали исследователи хеттский язык. Поскольку одни и те же слова в текстах воспроизводили в одном случае с помощью идеограмм, в другом — фонетически, становилось известным, как они звучат. Напротив, постоянная передача общеупотребительных слов только идеограммами не дает возможности выяснить, как они произносятся по-хеттски. Например, до сих пор неизвестно, как звучат слова *сын, брат, сестра, жена, собака.*

Теперь хеттский клинописный язык благодаря стараниям многих ученых до мельчайших подробностей расшифрован. Прочитаны и клинописные таблички, которые рассказали об истории этого народа.

Прежде всего стало ясно, что хетты не коренные жители Малой Азии. Они пришли с Запада и осели в Анатолии.

Среди клинописных табличек из Богазкёя отыскались немногочисленные, написанные на отличном от хеттского языке — не индоевропейском и не семитском. На них были записаны молитвы, заклинания, космогонические мифы. Этот новый язык, открытый все тем же неутомимым Б. Грозным, был, по-видимому, более древним и употреблялся как культовый. Его называли хаттийским.

Когда хетты пришли в Малую Азию, страна эта не была пустынна. В ней обитали племена хатти, имя которых хетты заимствовали. (О борьбе хеттов с хатти мы уже упоминали, когда рассказывали о древнейшем памятнике хеттской письменности — надписи царя Аниттаса.) Потом хатти и хетты смешались. Язык хатти, как культовый, вместе с религиозными обрядами, богами и культурой восприняли пришедшие племена. Однако светским, общеупотребительным остался хеттский-несийский.

В том же архиве хеттских государей были найдены таблички на индоевропейском лувийском языке. Эти племена были заброшены в малоазиатские земли одной из волн переселения народов с Запада.

Богазкёйский архив содержал клинописные таблички на восьми языках, и все их удалось расшифровать. Прочитаны дипломатическая переписка, своды законов, судебные приговоры, религиозные книги, предписания для придворных церемониалов, руководства по выучке лошадей, медицинские сочинения, военные уставы, налоговые записи и прочее.

Однако оставались еще памятники хеттской письменности, которые были не прочитаны, хотя нашли их намного раньше клинописных. Речь идет о хеттских иероглифах. Они послужили пробным камнем, на котором были испытаны и проверены возможности дешифровки.

Иероглифика использовалась для монументальных надписей. Знаменитые хаматские камни, галерея богов, вырубленная в скале Язылыкая, и многие другие памятники, найденные в 69 местах, молчали. 60 лет бились ученые, прежде чем они начали говорить.

Первым расшифровал отдельные значки хеттского иероглифического письма А. Сейс, и весьма оригинальным способом.

Прежде всего он занялся поисками билингвы, которая служит одной из основных предпосылок успеха дешифровки. В одном из журналов А. Сейс прочел описание серебряного диска, на котором изображена фигура человека, окруженная странными значками. Вокруг идет ободок с клинописным текстом.

«Это билингва!» — решил А. Сейс и приложил огромные усилия, чтобы найти диск, по всей вероятности, печать. И вскоре получил ее. Это была билингва. Но она имела так мало знаков, что установить однозначные связи между иероглифами и группами клинописных знаков оказалось невозможным. Содержание надписи гласило: «Тарриктимме, господин земли Ерме».

Однако А. Сейсу удалось выделить два знака правильно:

– ЦАРЬ (ГОСПОДИН)

– СТРАНА (ЗЕМЛЯ)

Еще один знак — бог был замечен на фигурах богов в святилище Язылыкая.

В 30-е годы нынешнего столетия была установлена идеограмма *сын,* глагол *делать* и *формула проклятья,* которую помещали в конце многих древних текстов. Она обычно строилась из стандартных выражений, что и дало возможность судить о структуре предложения...

Следующий важный шаг к дешифровке хеттских иероглифов — чтение имени царя Суппилулиумаса и списка имен других царей на скале в Богазкёе, известных в клинописном варианте. К началу второй мировой войны уже знали чтение значительного количества слоговых знаков. Удалось составить представление о склонении и спряжении, исследуя довольно длинные тексты поздних надписей.

Осенью 1947 года произошло сенсационное открытие. Немецкий профессор Г. Боссерт нашел на юго-востоке Турции на холме Каратепе («Черная гора») несколько пространных надписей частично на хеттском иероглифическом, частично — на финикийском языках. Детальное изучение помогло установить, что это билингва.

Случилось это так. Г. Боссерт решил отыскать загадочный «Львиный камень», о котором услышал от кочевников в одной небольшой турецкой деревушке. Г. Боссерт знал, что у хеттов лев был одним из самых популярных символических животных.

После долгих и упорных поисков ученому удалось напасть на след в районе горного хребта Каратепе. Дорога шла через такие густые заросли колючего кустарника, что Г. Боссерту и его спутникам пришлось карабкаться по едва заметной пастушьей тропе. Достигнув вершины горы, он увидел долгожданный «Львиный камень».

Перед Г. Боссертом оказалась крепость с валами, остатками стен. Здесь же он нашел вертикально стоящую плиту темно-серого базальта, а на ней обнаружил рельефы и надписи финикийскими и иероглифическими письменами. Это была долгожданная билингва.

После прочтения финикийской части можно было бы приступать к сличению знаков с иероглифами, однако прежде требовалось доказать, что это действительно билингва. На камень были нанесены три финикийские надписи, сопровождавшиеся двумя хеттскими иероглифическими текстами. Но знаки настолько беспорядочно

разбросаны по поверхности камня, что невозможно было найти начало хеттских иероглифических текстов.

Удалось установить, что в текстах идет речь о царе Азитаванде. Однако тождественность текстов на двух языках можно доказать, лишь прочитав целое предложение. И только соединение точного логического анализа с интуицией помогло ученым найти начало иероглифических надписей. Билингва не только подвела итоги работы над дешифровкой хеттских иероглифов, но и открыла новые горизонты для дальнейших исследований.

При более детальном изучении удалось установить, что иероглифические надписи сделаны на языке, сходном с лувийским — другим индоевропейским языком Анатолии, надписи на котором также находились в хеттских государственных архивах.

Как сейчас стало известно, эта письменность также состоит из идеограмм, фонетических знаков и «ключевых знаков». Чтение начинается с изображения человека, показывающего на себя, что значит *я (есмь)*. К началу строки обращены его голова, руки, ноги. Строки меняют направление бустрофедоном: конец первой строки совпадает с началом второй.

Расшифровка хеттского письма продолжается. До полного завершения исследований еще далеко. Установлено, что слоги имеют несколько вариантов, а варианты не выделены, нельзя говорить о полной достоверности чтения. Мал и словарный запас.

Две с половиной тысячи лет тому назад хетты исчезли с исторической арены. Случилось это после распада централизованного государства на отдельные вассальные области. Однако культурные традиции хеттов еще долгое время сохранялись, особенно в южных районах с лувийским населением. Именно там находили поздние иероглифические надписи хеттских текстов, относящиеся к X—VIII векам до нашей эры.

После хеттов осталось мало памятников культуры. И представлены они в основном фрагментарно. Но дешифровка хеттской письменности рассказала нам многое об этом народе, его нравах, обычаях, хозяйственном укладе.

Хеттские боги простоваты, они не отличаются ни мудростью, ни проницательностью. Хетты спорят со своими богами, упрекают их за несправедливость и просят, стараясь говорить красиво и убедительно.

Богата выразительными средствами поэзия хеттов. Вот стихотворение о солнце:

Приветствую тебя, солнечный бог небес!
Ты видишь сердца всех людей,
но никому не дано видеть сердце твое.
Если кто преступленьем себя запятнал,
ты стоял над ним, солнечный бог небес!
Я хожу правой стезей, и ты видел того,
кто мне зло причинил, о солнечный бог небес!

Среди произведений литературы и поэзии много мифов, оригинальных и переработанных.

Мы узнали имя одного хеттского литератора — Килласа. Это самый древний из всех известных нам поэтов. Он жил за пятьсот лет до Гомера и создал или обработал большое эпическое произведение о борьбе богов за власть в небесном царстве.

Хеттский бог Грозы со своим братом Тасмисом направляется к базальтовой скале Хацци, которая все время растет, угрожая разрушить трон бога:

И взял его за руку и шел с ним к горе Хацци.
И устремил свой взор на страшный камень,
и вот увидел он страшный камень,
и от злости изменился цвет его лица.
И сел бог Грозы на землю,
и рекою текли у него слезы.
И промолвил тогда бог Грозы с увлажненным взором:
кто может смотреть на такой ужас?
Кто осмелится с чем-то подобным вступить в борьбу?
Но богу Грозы сказала на это Иштар:
Брат мой, он не ведает много, он не ведает мало:
глуп он (этот камень), только силы у него на десятерых...

Эти образцы поэзии свидетельствуют о богатой литературной традиции хеттов.

Хеттской литературой был рожден своеобразный жанр — короткие рассказы, получившие у историков название «записей недосмотров и глупостей». По форме они похожи на портретные зарисовки и изображают нерадивых, бесчестных чиновников, судей-бюрократов.

Среди расшифрованных памятников письменности много научных трудов. Богатую математическую литературу хетты восприняли от вавилонян, которые за пятнадцать веков до Пифагора, Архимеда и Эвклида вывели формулы для вычисления площадей треугольника, прямоугольника, трапеции, круга, объема куба, параллелепипеда, обыкновенной и усеченной пирамиды, конуса и

других фигур. Вавилоняне умели возводить в степень, имели специальные таблицы с квадратными и кубическими корнями. Ничего своего во все эти расчеты хетты не внесли.

Зато подлинно оригинальным является разработанное хеттами право. К сожалению, от хеттского кодекса остались всего две клинописные таблички. Но даже сохранившиеся тексты показывают, какое строгое различие существовало между виновностью и невиновностью, между ответственностью и пренебрежением в выполнении обязанностей. Эти высокие достижения правового мышления явились для современной науки поразительным открытием.

Важнейшим историческим сочинением являются «Анналы Мурсилиса», в которых события строго распределены по годам. Это не развлекательное чтение. Здесь сухо и достаточно объективно излагаются факты; как исторический источник «Анналы...» вполне удовлетворяют требованиям, предъявляемым даже в настоящее время.

В развалинах Хаттусаса (разрушенный город отстроился и стал столицей хеттов) обнаружено большое количество фрагментов трехъязычных шумеро-вавилоно-хеттских словарей, которые одновременно служили учебниками письменности, а также шумерского, к тому времени мертвого, и вавилонского языков.

Особое место занимает руководство по выучке лошадей. Это первое из известных нам произведений такого рода. Написал его конюший хеттского царя митанниец Киккули. Принципы обучения лошадей, изложенные в нем, совпадают с принципами нынешней «английской школы».

Много литературы «колдовской», астрологической, медицинской с мистической окраской, заимствованной у вавилонян и ассирийцев, хетты также отнесли к научной.

А теперь немного о том, как писали хетты. На одном из барельефов изображен мальчик, наследник престола Таргумпиас, с матерью. Возле него лежит ученическая тетрадь и бутылочка с тушью. Тетрадь — складная доска с петлями по сгибу и запором. Деревянные дощечки хетты обтягивали холстом и грунтовали известью. Писали кисточками и тушью. Письма писали на свинцовых полосках. Они легко сворачивались, а текст легко сти-

рался, так что на полоске можно было писать снова.

Поскольку в основном использовали деревянные дощечки, многие памятники письменности до нас не дошли.

Сейчас считается доказанным, что первоначальным письмом хеттов были иероглифы. Изобрели их хетты независимо от египтян, ведя их от рисуночного письма. Позднее хетты позаимствовали клинопись, но и иероглифическое письмо имело большое распространение.

Клинопись была письмом государственных канцелярий. Государственные договоры гравировались на серебре, железе или свинце.

И еще одно удивительное искусство письма существовало у хеттов: резьба по камню. Каждый знак исполнялся с такой тщательностью, что надпись порой превращалась в произведение искусства...

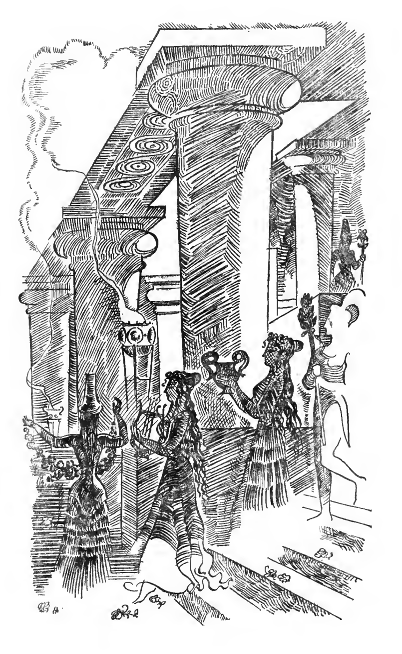
Совсем недавно сотни иероглифических надписей привлекали ученых своей загадочностью. Теперь благодаря многолетним усилиям исследователей они перестают быть тайной, и хетты все отчетливее предстают перед нами из тьмы тысячелетий многоликим народом со своей богатой, оригинальной культурой.

■ Остров разных языков

В третьем и втором тысячелетиях до нашей эры на островах Эгейского моря, на западе Малой Азии, в Греции и на острове Крит существовала яркая, высокоразвитая культура. Ее многочисленные следы находят до сих пор. Наиболее крупные археологические памятники дали нам остров Крит и Микены. Вот почему эту культуру принято называть крито-микенской.

Великий Гомер в своей «Одиссее» посвящает Криту хвалебные слова:

> Остров есть Крит посреди винноцветного моря,
> прекрасный,
> Тучный, отвсюду объятый водами, людьми
> изобильный;
> Там девяносто они городов населяют великих.
> Разные слышатся там языки: там находишь
> ахеян
> С первоплеменной породой воинственных критян;
> киконы
> Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
> В городе Кносе живущих...

Любознательные греки не только бывали на Крите, но и в своих многочисленных мифах и легендах частенько упоминали этот остров. В мифах отразилось могущество и былое величие Крита.

Всего несколько десятилетий назад наши сведения о Крите ограничивались легендами да трудами великих умов древности — Геродота, Аристотеля и других.

Пытался начать раскопки на месте древнего Кносского дворца, где, как утверждают мифы, в Лабиринте жил Минотавр, и Г. Шлиман. Но участок земли, на котором предполагались раскопки, принадлежал частному лицу и оказался Г. Шлиману не по карману.

Открыть критскую культуру суждено было другому человеку — англичанину А. Эвансу. Он происходил из состоятельной семьи. Отец А. Эванса, геолог и собиратель древностей, был тесно связан с Оксфордским университетом и Лондонским королевским обществом. Мальчик рос в среде, где проявляли огромный интерес к памятникам древности.

Закончив университет в Оксфорде и получив должность преподавателя истории, А. Эванс мог зажить спокойной, обеспеченной жизнью.

Но не таков был этот англичанин. С вещевым мешком за спиной он исходил Румынию, Норвегию, Швецию, Балканы. И всегда был в гуще политических событий. То примыкал к повстанцам, то участвовал в партизанских вылазках, то страстно выступал в защиту южных славян.

Став хранителем небольшого музея в Оксфорде, в фондах которого царила страшная запущенность, А. Эванс с головой ушел в работу.

В 1889 году один завзятый путешественник, приехав на родину из Греции, подарил музею в Оксфорде несколько предметов старины. Особенно заинтересовала А. Эванса четырехгранная сердоликовая печать с изображениями на каждой грани. Некоторые напоминали то голову волка с высунутым языком, то барана, то какой-то птицы. Это было похоже на хеттские иероглифы. Но остальные знаки были непохожи ни на иероглифы, ни на клинопись.

Возможно, это свидетельство какой-то доселе неизвестной культуры? Но как печать попала в Грецию?

И А. Эванс едет в Афины на розыски странных печатей. Несколько таких печатей с продольным отверсти-

ем удалось найти. Их владельцы утверждали, что печати привезены с Крита. Это натолкнуло археолога на мысль, что, возможно, печати являются следами древнейшей критской культуры, которую позаимствовала Греция.

На Крите А. Эванс был приятно удивлен. В качестве украшений и амулетов женщины носили именно такие сердоликовые печати. Древности спасло суеверие местных крестьян. Они были убеждены, что если такой «галоус» (то есть «приносящий молоко») повесить на шею, то у кормящей матери появится много молока.

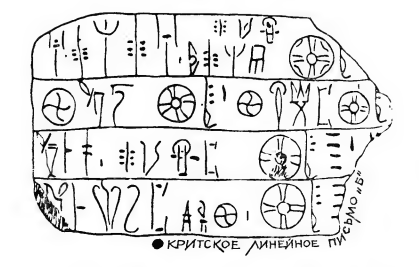
Попутно А. Эванс наткнулся на каменную плиту с неизвестными письменами: они напоминали не иероглифы, а знаки, похожие на буквы. Позже было найдено несколько глиняных табличек с подобными буквами. Внимательно изучал ученый все эти предметы. Ведь, вероятнее всего, письмо Крита было изобретено еще жителями острова в догреческий период.

Но предположить не значит доказать. А доказательства, как понимал А. Эванс, могут быть добыты лишь под лопатой археолога. Итак, нужно копать. Вернувшись сюда через несколько лет, А. Эванс купил участок земли, где, как считали ученые, находился Кносский дворец.

За 30 лет неутомимому исследователю удалось раскопать огромный дворец, подобного которому не находил даже Г. Шлиман. Великолепный памятник древней архитектуры, дворец был украшен фресками, оснащен водопроводом и канализацией, чего не знали греки.

Но больше всего А. Эванса, конечно, интересовали памятники письма. При раскопках их набралось довольно много. Изучив найденные тексты, англичанин смог отнести их к трем группам: иероглифическому, линейному письму А и линейному письму Б. Первоначальное письмо Крита было иероглифическим. С XVII века до нашей эры появляется одна разновидность линейного письма, которой присваивается индекс А, и с XV века — другая разновидность — линейное письмо Б. Памятников последнего набралось больше всего.

В 1909 году А. Эванс издал в Англии первый обширный том о памятниках критского письма. Но в качестве примеров были даны лишь находки иероглифического письма. Надписи, выполненные линейным письмом А и Б, А. Эванс обещал опубликовать в следующих томах.

● КРИТСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО „Б"

Однако прошло 26 лет, прежде чем А. Эванс опубликовал из большого количества табличек (около 3 тысяч) лишь незначительную часть — 120. Тем самым он нанес огромный урон науке, застопорив расшифровку линейного письма.

Сам не имея сил справиться с дешифровкой, А. Эванс не дал возможности сделать это другим. Правда, вначале он шел правильным путем. Допустив, что авторами табличек были греки, он прочел несколько слов по-гречески. Но потом отказался от этого вывода и до конца жизни придерживался неверной теории. В том, что таблички не могли быть написаны греками, А. Эванс был отчасти прав. Часть табличек, с линейными знаками А, действительно написана другим языком, но таблички с линейным письмом Б — по-гречески. То, что ученые не сразу установили это, и мешало дешифровке.

А. Эванс правильно определил и систему письма, отнеся ее к слоговой. Хотя знаков на табличках было немного, меньше сотни, буквенным такое письмо быть не могло. В буквенном, как мы знаем, встречается тридцать-сорок знаков, а не семьдесят или девяносто. Англичанин указал, что, кроме слогов, в письме использовались и цифры, и правильно определил некоторые из них. Так, вертикальная черта обозначала еди-

ницу, горизонтальная — десять, круг — сотню и т. д.

Многие ученые пробовали свои силы в дешифровке критского письма. Взялся за дело и знаменитый чешский ученый Б. Грозный, но успеха не добился. Б. Грозный пытался понять крито-микенские знаки, сравнивая их то со знаками хеттов, то шумеров, то финикийцев, и сходные «читал» на одном из этих языков. В результате у него получился язык, смешанный из стольких разнородных элементов, что, естественно, и содержание «расшифрованных» табличек оказалось лишено всякого смысла.

В 1943—1950 годах расшифровкой крито-микенского письма занялась американка А. Кобер. Математик по образованию, она очень интересовалась языками. Знала хеттский, шумерский, санскрит, древнеперсидский. Поэтому неудивительно, что ей захотелось разгадать загадку крито-микенского письма. И, надо сказать, А. Кобер это удалось лучше, чем ее предшественникам.

Вначале она тщательно составила список всех знаков, а потом стала их сравнивать. И, сравнивая, она сделала свое первое открытие. Одинаковые слова имели разные окончания, и окончания эти менялись в зависимости от рода, числа, падежа.

Вторым шагом А. Кобер было внимательное изучение окончаний. И здесь она установила, что они состоят из гласных и согласных, причем гласный выражает род. Результаты своих наблюдений А. Кобер отразила в так называемой координатной сетке, в которой расположила все группы гласных и согласных знаков.

Однако А. Кобер проделала лишь формальный анализ. Она не прочла ни одного знака и даже не установила, на каком языке написаны таблички. Прочесть линейное письмо Б, использовав координатную сетку А. Кобер, предстояло другому исследователю — английскому ученому М. Вентрису.

М. Вентрис был тем счастливым человеком, которому многое легко дается. Талантливый архитектор, он оказался не менее талантливым лингвистом.

По счастливой случайности он еще в детстве имел возможность изучать и сравнивать языки. Мать-полька, умная и образованная женщина, научила мальчика польскому. Начальное образование он получил не в Англии, а в Швейцарии, где можно было услышать и французскую, и немецкую, и итальянскую речь. В школе

М. Вентрис учил французский и немецкий языки. Любознательный мальчишка уже тогда задавался вопросом: почему в разных языках многие слова звучат одинаково: в английском «добрый» — «гуд» и в немецком «гут», в английском «дом» — «хауз» и в немецком «хауз».

Это сходство так заинтересовало юного М. Вентриса, что он занялся языками, которые не проходили в школе. В семь лет он уже понимал и читал по-древнеегипетски. В школьные годы М. Вентрис знал пять языков. А приехав в Лондон, освоил еще латынь и греческий. Как он потом признавался, ему всегда доставляло огромное удовольствие изучить какой-нибудь новый язык. Школу он закончил весьма скромно, и никому не могло прийти в голову, что мальчик, увлекавшийся языками, вскоре приобретет мировую известность.

В четырнадцать лет М. Вентрису довелось слушать почтенного сэра А. Эванса, выступавшего в 1936 году на юбилее афинской Британской школы в Лондоне. А. Эванс рассказывал о своих раскопках на Крите, о давно погибшей цивилизации и о письменах, оставленных неизвестным народом. С тех пор крито-микенские письмена не давали М. Вентрису покоя.

Увлекшись архитектурой, он не забывает о критских табличках. М. Вентрис завязывает переписку с учеными, занимающимися этими табличками, и настойчиво советует читать их на языке этрусков. Этого мнения он держался в течение двенадцати лет.

Началась вторая мировая война, и М. Вентрис, прихватив с собой таблички, ушел штурманом в королевские военно-воздушные войска.

После войны он усиленно занимается архитектурой. Учеба в институте, занятия спортом, казалось, не оставляют времени для табличек. И все же вечерами и ночами М. Вентрис продолжал изучение загадочных крито-микенских знаков. Результаты своих поисков он отпечатал на пишущей машинке и разослал крупнейшим европейским ученым.

М. Вентрис по-прежнему отстаивает мнение, что линейное письмо Б скрывает язык, родственный этрусскому. Одновременно он продолжает расширять «сетку» А. Кобер. По рабочим заметкам ученого можно проследить, каким путем он шел.

Вначале М. Вентрис выписал из всех изданных таб-

личек Крита и Пилоса слова, отмеченные одинаковыми знаками, и стал выявлять взаимосвязь знаков. Одинаковые слова он разбил на группы по различным падежным окончаниям. Затем обратил внимание, что если при одинаковых словах стоят идеограммы мужчины и женщины, то последние знаки у них разные. Вероятно, решил М. Вентрис, это родовые окончания. Проследив дальше эти окончания, он увидел, что в последнем слоге одинаковые согласные и разные гласные.

Но как узнать, какие гласные? В каждом языке, как рассуждал М. Вентрис, их пять: «а», «е», «и», «о», «у». Только какими знаками их писали? На помощь М. Вентрису пришла интуиция, всегда выручавшая талантливых дешифровщиков. Он предположил, что наиболее часто встречающаяся гласная — «а», вторая за ней — «е», они обычно больше всего употребляются в языках.

М. Вентрис разбил свою «сетку», поместив гласные и согласные в определенном порядке. Вглядываясь в критские таблички, он заметил слово, которого не было в пилосских. И, наоборот, в пилосских нашел слово, которого не было в критских. Скорее всего это название мест Кносс и Пилос. Он попытался прочесть это слово по слогам — ко-но-со. Таким же образом, подставляя знакомые слоги и узнавая новые, он прочел: Фест, Тилисс, Амнис и Ликтос.

Так удалось определить тридцать один знак, узнать, какие слоги они означают. Этот существенный шаг в дешифровке стал возможным потому, что М. Вентрис отказался наконец от мысли об этрусском языке и применил в своей «сетке» греческий. Когда в 1952 году были опубликованы открытые А. Эвансом таблички, ученые получили огромный дополнительный материал, которого им так недоставало. Изучив его, М. Вентрис смог определить уже 66 слоговых знаков.

Он теперь свободно читал некоторые слова. Но кое-что смущало. Написание слов в критских табличках разнилось с написанием в классическом греческом языке. Например, при изменении слов гласные в критском языке выпадали или переходили в другие не так, как в греческом. Почему? Требовалась помощь филолога, хорошо знающего древнегреческий. Тем более что противники дешифровки М. Вентриса ухватились за это несоответствие и подвергли сомнению весь его метод.

И помощник нашелся. Им стал доцент кафедры клас-

сической филологии Кембриджского университета Д. Чэдуик. С 1952 года Д. Чэдуик и М. Вентрис стали работать вместе. С тех пор, когда речь идет о дешифровке крито-микенского письма, их имена упоминаются рядом.

Д. Чэдуик самостоятельно занимался критским и уже пришел к выводу, что в табличках, возможно, скрывается греческий язык. Но дальше этого не пошло. Д. Чэдуик ждал публикаций нового материала, да и дела на кафедре полностью забирали у него время.

Всколыхнуть его помогла «сетка» Вентриса. Получив ее, ученый так увлекся, что несколько дней не выходил из своего кабинета. Д. Чэдуик подставлял в тексты значения, предложенные М. Вентрисом, и получил массу греческих слов.

Ученый послал М. Вентрису письмо, в котором подтвердил правильность «сетки». С тех пор М. Вентрис в лице Д. Чэдуика приобрел не только умного, знающего партнера, но и хорошего, скромного и понимающего друга.

Позднее Д. Чэдуик вспоминал: «Я всегда старался пояснять, что прорыв являлся заслугой одного Вентриса; моя роль, подобно роли первой пехотной дивизии, сводилась к расширению бреши или к той необходимой поддержке атаки, какую обычно оказывает танковый авангард. Простое определение звуковых значений было только началом, а над чрезвычайно трудной задачей — переводить дешифрованные слова на понятный греческий язык — мы уже работали как равноправные партнеры: постоянно посылая друг другу наши предложения, мы часто независимо друг от друга приходили к одной и той же мысли...

Большой радостью было работать с Вентрисом, и, даже если мы в чем-либо не соглашались друг с другом, нам всегда без труда удавалось понять точку зрения другого и предложить компромиссное решение или изложить наши противоположные взгляды».

Критское линейное письмо Б было расшифровано. Об этом заявили оба ученых в своей статье, вышедшей в 1953 году.

Как обычно, ученый мир разделился на два лагеря: сторонников и противников. Но вскоре нашлось неопровержимое доказательство, основательно пошатнувшее ряды противников, — невзрачная табличка из Пилоса.

Любопытно, что попала она в руки американца К. Блегена, скептически относившегося к дешифровке. Он вел раскопки в Пилосе и нашел множество табличек с письменами. В мае 1953 года он попытался их прочесть с помощью «ключа» М. Вентриса.

Американский ученый брал табличку с мыслью развенчать английских дешифровщиков. Но когда он подставил знаки из «сетки» М. Вентриса в табличку из Пилоса, то получил неожиданный для себя результат: все слова оказались греческими. Дешифровка была верной! Пораженный и восхищенный, К. Блеген написал М. Вентрису и Д. Чэдуику в Англию об этой табличке, которая сослужила обоим друзьям хорошую службу.

Это известие вдохнуло в ученых новые силы, придало им уверенности. Они уже строили планы будущих работ, собирались заняться уточнением надписей. Но планам не суждено было сбыться. В сентябре 1956 года М. Вентрис погиб при автомобильной катастрофе. Однако дело его продолжили Д. Чэдуик и ученые многих стран мира.

С расшифровкой линейного письма Б ученые получили возможность изучать древнюю историю не только по различным предметам раскопок и мифам, но и по надписям, которые на семьсот лет древнее Гомера. Правда, таблички с текстами линейного письма Б оказались всего лишь хозяйственными счетами, реестрами, списками, но и они помогли понять многое. Они позволили сделать вывод, что именно греки завоевали Крит.

Раньше мы говорили о трех группах критских письмен, которые обнаружил на острове А. Эванс. До сих пор не разгаданы иероглифы. Они являются, возможно, самой древней формой письменности на острове и принадлежат неизвестному народу. Ученые спорят о происхождении иероглифов. Одни считают, что рисуночное письмо родилось на Крите, другие — что принесено извне. Ведь критяне — отличные мореходы и вполне могли позаимствовать письменность. Кто прав, покажет будущее.

Находки с линейным письмом А были малочисленнее и хуже сохранились.

После открытия М. Вентриса знаки линейного письма А прочитали, но понять его никто не может. Иными словами, письмо А известно, но не интерпретировано, а язык критян неизвестен. Подобная картина получится,

если текст написать русскими буквами, но на узбекском языке для человека, который его не знает.

Попытки читать линейное письмо А по-гречески успеха не имели. Хотя и высказывались предположения о создании линейного письма Б на основе письма А, но допустимо и сосуществование их некоторое время.

Говоря о загадках критских письмен, нельзя не упомянуть и еще об одной. В 1908 году археологи обнаружили глиняный диск, покрытый неизвестными знаками. С тех пор «диск из Феста» стал знаменитым. Этот небольшой глиняный круг, как предполагают, не критского происхождения. Знаки оттиснуты на обеих сторонах диска по спирали, очевидно, специальными штемпелями. Среди знаков изображения людей, животных, растений.

А. Эванс предположил, что это запись победного гимна, имевшего культовый характер. С тех пор чего только не говорили о диске! Что он и ликийского, и ка-

рийского, и ливийского, и анатолийского происхождения. И кто только не пытался его прочесть: и ученые и любители, далекие от лингвистики и истории.

На XIV международной конференции античников социалистических стран в Ереване в мае 1976 года с сообщением о своей расшифровке Фестского диска выступил известный болгарский ученый В. Георгиев.

Он исходит из следующих соображений. Диск датируется XVII веком до нашей эры и относится к догреческой эпохе острова Крит. Древние историки указывают, что в те времена здесь жили термилы. Позже это племя переселилось в Ликию, юго-западную часть Малой Азии. Они стали называться ликийцами. Таким образом, термильский язык должен быть родствен ликийскому, известному по многим десяткам надписей.

В тексте на обеих сторонах диска 259 знаков, многие из них повторяются. Всего использовано 46 различных знаков. Вертикальные черточки отделяют группы знаков — слова или словосочетания.

В. Георгиев определяет, что письмо родственно критскому слоговому и лувийскому пиктографическому. На основании этого сходства он делает вывод, что письмо на диске слоговое.

Если эти предположения верны, то приступать к расшифровке текста можно, лишь руководствуясь определенными правилами:

каждый знак обозначает слог: гласную или согласную + гласную и фонетически соответствует первому слогу лувийского слова, обозначающего изображенный предмет;

знаки, имеющие аналогию в критском слоговом или лувийском пиктографическом письме, будут иметь такое же или близкое им фонетическое значение;

установленные фонетические знаки должны привести к прочтению лувийских слов.

Исходя из содержания критских надписей, В. Георгиев предполагает, что на диске, безусловно, могут быть написаны личные имена и географические названия.

Сначала ученый устанавливает фонетическое значение 10 знаков, составляющих личные имена, распространенные среди лувийцев (в тексте таких имен 11), затем постепенно раскрывает значение всех остальных знаков, начертанных на диске.

Текст оказался донесением, освещающим события

на юго-западе Малой Азии. Это донесение, отправленное в Фест, предназначалось царю.

Вот перевод Фестского диска, предложенный В. Георгиевым:

Сторона А

«Когда Яра отправился в поход против Лилимува, когда отправился и был разбит, Ярамува его устранил, прогнал своего любимца, и тот сам уничтожил Лилимува.

Тархумува же решил, что Яра должен уйти на покой. Тархумува был в плохих отношениях с Лилимува. Тархумува же решил, что Яра должен уйти на покой во дворец.

Сандапия и Апулимува бежали (отступили) к области Самос.

Упарамува встретил меня разгневанный из-за своих ущемленных интересов. Рунда же использовал силу и отбросил его.

Сармасу вернулся к Ярамува».

Сторона Б

«Сарма обдумывает и кроит свободно свои планы: он науськивает. Илион (Троя) его подстрекает, но я настороже.

Сарма, разгневанный из-за Эфесоса, принял решение в свою пользу. Илион его подстрекает. Сармасу освободился, прибыл и применил силу. Илион его поощрял.

Чтобы унизить Ярину, он пошел в Ялисос, обложил его большой данью, но проявил снисхождение и вернулся в Газена.

Но Яра разгневался за унижение. Яра собрал пшеницу (урожай), обеспечил мне счастливое пребывание и клянется, что не будет создавать неприятности, потому что это не в его интересах.

Сандатимува».

■ «Так знайте: тот камень я...»

Прежде чем рассказать о буквенно-звуковом письме, сделаем небольшой экскурс в историю еще одной своеобразной письменности — орхоно-енисейских надписей.

Это, как считает большинство ученых, буквенное письмо, датированное VII—XI веками нашей эры.

Оно имеет свои особенности: некоторые согласные звуки обозначаются различными знаками, когда сочетаются с разными гласными. Это дало основание некоторым ученым, в частности известному лингвисту Д. Дирингеру, отнести орхоно-енисейскую письменность не к буквенной, а к смешанной — слогово-буквенной.

Однако сначала немного истории.

1889 год. Глухая монгольская степь. В бескрайних просторах редко встретишь жилье человека. Тому, кто решился на долгий путь в этих местах, трудно придется, если он выехал налегке, без достаточных запасов провизии.

Со стороны реки дует свежий ветер. И хотя уже июнь, холод пробирает до костей. Согнувшись, едут по левому берегу реки Орхон несколько всадников. А за ними, еле перебирая ногами, бредут две лошади, запряженные в телеги. В одной из них тяжело больной Н. Ядринцев.

Вот уже много дней маленькая экспедиция, которой он руководит, все дальше и дальше углубляется в малоизвестные районы Монголии. Запланировано многое, и надо все успеть. Поэтому и делает Н. Ядринцев такие тяжелые переходы.

Всему виной беспокойный характер романтика и искателя. Влюбленный в Сибирь, в ее народ и природу, Н. Ядринцев кем только не был: ее историком и этнографом, археологом и экономистом, публицистом и деятелем народного образования. Он верил в великое будущее Сибири и не щадил себя.

Н. Ядринцев давно уже интересовался угро-алтайскими племенами и втайне питал надежду найти Каракорум, легендарную столицу Монгольской империи. Он перевернул всю русскую и иностранную литературу, где было хотя бы упоминание о Каракоруме. Но самое трудное было впереди: организация экспедиции. Она требовала много времени и сил. Средств не выделяли, проводников тоже. Удалось раздобыть лишь десять лошадей и две телеги.

На реке Тола экспедиция наткнулась на развалины построенного в XVI веке дворца Ирхе-Мергень-хана. А потом археологические находки посыпались одна за другой. Развалины монастыря на Хорухе, холм Ташин-

Чил, где обнаружили остатки огромного здания с гранитным фундаментом. Но самое интересное ждало их впереди.

Сначала они увидели четырехугольный алтарь или жертвенник. За ним — низкую стену длиной в 25 метров, сложенную из кирпичей; под нею — развалины какого-то строения.

За стеной, словно сброшенный с постамента, лежал мраморный, отесанный со всех сторон камень. Когда-то, наверное, он был величественным памятником. Высота его достигала трех с половиной метров, ширина — 1 метра и 31 сантиметра. На обломках ясно виднелись барельефы, изображающие сплетенных драконов. «Чешуя» драконов была сплошь покрыта непонятными знаками, похожие встречались в Минусинском крае. Надписи изрядно выветрились, но разобрать значки было можно.

Рядом с полуразрушенной стеной нашли несколько мраморных статуй, у которых были отбиты головы. Судя по одеяниям, они изображали древних тюрков. Немного дальше стояли две фигуры животных, обращенных друг к другу. И на расстоянии четырех с половиной километров шел ряд каменных изваяний, поставленных в 10—12 метрах друг от друга.

Это и были развалины Каракорума — некогда процветавшей столицы монгольских ханов.

Неподалеку лежал в руинах другой город — остатки стен и башен, множество каменных фигур женщин и богатырей, сидящих или стоящих, скульптур из мрамора. На развалинах монастыря Эрдени-Цзо обнаружили три огромнейших памятника, изображающих черепаху, льва, ящерицу.

Особенно тщательно экспедиция обследовала надписи: знаки аккуратно срисовали, а два больших обломка от памятника бережно упаковали и положили на телегу. Средства были на исходе, пришлось возвращаться.

Находки экспедиции были восприняты как в России, так и за границей с огромным интересом. Но даже сам Н. Ядринцев не подозревал, что найденные им памятники послужат основой, на которой станет возможной дешифровка древнетюркской рунической письменности.

Памятники с руническими знаками были известны в России еще со времен Петра I. Первые сведения

о них поступили от «служивого человека» С. Ремезова, позднее пленный шведский офицер Ф. Страленберг писал о камнях с подобными надписями в долине реки Енисея. Тщательно обследовал долину Енисея Д. Мессершмидт и тоже встречал камни с изображениями животных, людей и таинственные рунические знаки. Но только после обследования Орхона экспедицией Н. Ядринцева рунические начертания получили общее название орхоно-енисейских надписей.

Два монументальных разрушенных надгробия, открытые Н. Ядринцевым, как выяснилось позднее, оказались памятниками принцу Кюль-тегину и его брату Бильге-кагану. Кто же эти братья, какую роль они играли при жизни? Это предстояло выяснить как можно более основательно и прежде, чем изучать самую письменность.

И вот первые ответы. Имена братьев оказались связанными с древнетюркским государством, совершенно достоверные сведения о котором относились к VI веку нашей эры.

Древнетюркское государство (оно простиралось от Сырдарьи до Маньчжурии) во второй половине VI века уже стояло на достаточно высоком уровне развития. С ним стремится завязать торговые отношения Византийская империя.

Но через некоторое время тюркское государство распалось на два — восточное и западное. Этим незамедлительно воспользовался китайский император. Он начал сеять рознь между двумя царствами и вскоре достиг желаемого: земли тюрков стали зависимыми от Китая.

Потом одному из ханов удалось вновь собрать силы и возвысить государство тюрков. Довести до конца начатое дело ему не удалось, он умер, оставив каганат двум несовершеннолетним сыновьям.

Этим воспользовался брат умершего, лелеявший честолюбивые мечты создать могущественное государство. Он отличался необузданной жестокостью. В результате его неразумной политики многие жители перебежали на сторону китайского императора, а оставшиеся вскоре прикончили своего предводителя-тирана.

Вот тогда-то на арену и выступили два брата: старший — Бильге-каган и младший Кюль-тегин. Не в пример своему дядюшке, братья были более гибкими и

НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКЕ КЮЛЬ-ТЕГИНА

осмотрительными. Бильге-каган завязал дружбу с китайским императором, и вскоре сбежавшие тюрки возвратились на родину. Государство понемногу становилось на ноги, крепло.

Неожиданно умер Кюль-тегин. Его смерть была тяжелой утратой для тюрков. Старший брат вместе с китайским императором соорудил впечатляющий монумент на его могиле. А когда умер и Бильге-каган, то его сын (опять-таки вместе с китайским императором) поставил и ему такой же надгробный памятник.

Вскоре после смерти обоих братьев тюркское государство, разгромленное уйгурами, перестало существовать.

Давным-давно превратились в прах оба брата, но память о себе они донесли потомкам, увековечив свои имена и дела на гранитном монолите.

Вот «говорит» Кюль-тегин:

«Став каганом, я вполне поднял (собрал?) погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть какая-либо неправда (фальшь) в этой моей речи?! О тюркские начальники и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы (о начальники и народ), собрав тюркский народ, созидали (свой) племенной союз, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне. Смотря на него, знайте вы, тюркские теперешние начальники и народ! Покорные престолу начальники, вы,

ведь, склонны впадать в ошибку?! Я вечный камень... Памятник я поставил... Смотря на него, так знайте: тот камень я...»

Прочесть эти письмена удалось скоро. В 1893 году датский ученый В. Томсен опубликовал статью, в которой представил дешифровку таинственной письменности. Это была поистине блестящая работа. Ученые давно занимались рунической письменностью, но никому из них не удавалось раскрыть ее тайну. Лишь академик В. Радлов добился некоторых успехов, определив несколько знаков.

В. Томсен сделал свое открытие в удивительно короткий срок. Тюркские языки давно привлекали внимание датского ученого. Он с интересом воспринял открытие енисейских и орхонских надписей. И с самого начала правильно выбрал себе рабочий материал: две самые пространные и полные рунические надписи на памятниках Кюль-тегину и Бильге-кагану.

Вначале В. Томсен предположил, что орхоно-енисейские письмена нужно читать не слева направо, как считали другие исследователи, а справа налево. Потом, как и всякий дешифровщик, подсчитал, сколько знаков встречается в надписях. Оказалось, тридцать восемь.

Это открытие давало прежде всего основание для определения вида письменности. Как известно, число знаков в буквенных системах письма колебалось в основном в пределах тридцати знаков, а в слоговых — в пределах не менее пятидесяти. Значит, сделал вывод ученый, орхоно-енисейские надписи представляли что-то среднее между чисто буквенным и слоговым письмом. А возможно, размышлял В. Томсен, это буквенная письменность, в которой те или иные знаки для одного звука чередуются в зависимости от того, какой знак за ним следует или стоит впереди.

Но предположение останется предположением, если под него не подвести твердую почву доказательств. И здесь сказывается самое важное: с самого начала определения знаков ученый идет по иному пути, чем его предшественники. Он не пытается читать надписи с помощью известных буквенных знаков, а сравнивает соотношения одних знаков с другими.

Нужно начать с собственных имен и найти аналогию в другом, известном тексте.

Известный текст отыскался. Надпись на китайском

языке. Правда, она не была билингвой в полном смысле слова: китайский текст значительно короче. Но, вероятнее всего, одни и те же имена собственные встречались и в том и в другом тексте.

Как же найти такие имена в руническом тексте? Безусловно, они должны обратить на себя внимание либо тем, что особенно часто будут повторяться в тексте, либо будут стоять в начале нового отрывка, либо еще каким-нибудь другим образом укажут на себя.

Внимательно вглядывался исследователь в ряды знаков на обеих надписях. Стоп! Кажется, что-то нашел. Одна группа знаков одинаково часто повторялась в текстах. Последний из этой группы знаков, крайний слева, означает звук i. В этом В. Томсен убедился, сравнивая группы из трех знаков, где было два одинаковых знака и один отличный.

И тогда исследователь выдвигает смелую гипотезу: если конечный звук i — это скорее всего эпитет, причем обозначающий княжеский титул, наиболее широко применявшийся в монгольском языке и тюркских диалектах и обозначающий слово *бог, небо.*

Зачастую в работе дешифровщика очень много определяет интуиция, подспудное чувство языка. Интуицией В. Томсен обладал великолепной. Именно она подсказала ему этот шаг.

Далее ученый отождествил наиболее часто встречающуюся группу знаков со словом tängri, то есть *небо, бог.*

Представим, что значение одного слова установлено. Что же дальше? Дальше опытный глаз исследователя заметил следующее: в одной из надписей несколько раз повторяется группа знаков , на другом камне ее не было. Вывод напрашивался сам собой: это имя того, кому посвящена надпись. И здесь помог китайский текст. Там это имя звучало Кюэ-те-гинь (тюркское «тегин» — принц). Зная, что в китайском языке звук l опускается, В. Томсен сопоставляет руническую группу знаков со словом Kül-tegin (принц Кюль). По тому же принципу было определено и имя на втором камне — «Бильге».

Находка четвертого слова сразу разрешила все сомнения. Этим волшебным словом было ᚱᛉᛘᚺ.

Оно особенно часто встречалось на обоих памятниках. Три знака уже были известны В. Томсену; последний, крайний слева, неизвестен. Но если три знака читаются как t-ü-r, то ничего другого не остается, как подставить букву «к». Получилось слово «тюрк».

Мало того, что была определена еще одна буква алфавита. Был определен язык надписей! Тюркский диалект, более древний, чем все известные тюркские языки, можно дешифровать! Ключ найден. Теперь оставалось с помощью известных букв установить другие, шаг за шагом воссоздавая давным-давно забытое письмо.

«Небоподобный, неборожденный... тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы...»

С серой поверхности камня глядят на нас века, обращается к своим потомкам великий правитель тюрков. Кюль-тегин говорит о своем величии, заслугах, о мощи государства, о войнах и походах, советует будущим поколениям не повторять ошибок предков.

«У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, спирта и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности «мягкие»; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы. (Те же) поселяясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование. Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути). Но если (отдельные лица) из тюрков (и соблазнялись), то целые роды (даже) до свойственников (до брачного родства) не отклонялись. Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве».

Так еще одна дешифровка возвратила нам из небытия новые страницы былой истории древнетюркских племен и государств Центральной Азии. И среди них — поистине бесценные, в самом полном смысле этого слова, древнетюркские надписи — «летописи» Монголии,

в которых безвестные порой древнетюркские геродоты записали наиболее полно всю историю Уйгурского и второго восточнотюркского каганатов. Их данными пользуются исследователи всех стран сегодня; к ним станут обращаться и благодарные потомки, которым придется сталкиваться с историей ранних государств тюрков в Центральной Азии. Разве уже этим не окупились труды тех, кто, не жалея сил и времени, достигал заветной цели-мечты: найти и прочесть?!

ЗЕМЛЯ БОГОВ- ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ

«Клянусь Зевсом...»

Перед археологами лежала плита. Особого интереса к ней поначалу не проявили. Плита как плита, ничего необычного. Да и не первая. Таких уже раскопали довольно много. Но когда ее тщательно очистили и прочли четко проступившие слова, археологи ахнули: это была... гражданская Присяга херсонесцев, самый ценный из найденных до сих пор эпиграфических памятников III века до нашей эры.

Язык присяги лаконичен и торжествен.

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев.

Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа.

Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого предающему и ниспровергающему и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц.

Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, или Керкинитиду, или Прекрасную гавань, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев.

Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан.

Я буду охранять для народа «састер» и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству.

Я не буду давать или принимать дара во вред государству и гражданам.

Я не буду замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан не отпавших, и не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам.

Я не буду составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа; если я вступил с кем-нибудь в заговор или связан какой-либо клятвою или закляти-

ем, то мне, нарушившему это, и тому, что мне принадлежит, да будет лучшее, а соблюдающему — противоположное.

Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц.

Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес.

Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества олимпийские! Пребывающему во всем этом да будет благо мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, не пребывающему же да будет злое и мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, и пусть ни земля, ни море не приносят мне плода, пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно...»

Текст присяги говорит нам о многом. О политической обстановке в государстве, о том, какие города были подвластны Херсонесу, какими настроениями были проникнуты жители города и даже каким богам поклонялись.

Но почему присяга появилась? С чем это связано?

В V веке до нашей эры выходцы из Греции, из Гераклеи Понтийской, приплыли на своих горделивых судах к берегам Крыма и основали на Гераклейском полуострове, на самом берегу моря, поселение. Так возник Херсонес Таврический. Город с мощными оборонительными стенами, высокими башнями и многочисленными храмами с мраморными колоннами.

Это был город, чеканивший свою монету, владевший обширными территориями северо-западного Крыма. Город жил полнокровной жизнью. Оживленная торговля, высокоразвитое ремесло и культура. Здесь был театр — единственный пока найденный в античном Северном Причерноморье. При раскопках археолог О. Домбровский обнаружил орхестру — площадку, на которой выступал хор. Полукруг каменных скамеек. Схену, небольшое помещение для переодевания артистов.

Найдены в Херсонесе домашние бани: полы покрыты мозаикой из цветных галек. Чаши для омовений. Винодельческие давильни. Склады для пифосов с вином...

Не всегда мирно текла жизнь херсонесцев. Их беспокоили воинственные и жестокие соседи, набеги пришлых племен. Осложнились отношения с Боспором и

скифскими племенами. Да и в самом Херсонесе, видимо, тоже было неспокойно. С особой силой развернулась борьба за власть. Все это и нашло отражение в херсонесской присяге.

Далеко от своей родины расселились сыны Эллады. Множество городов основали они и в Северном Причерноморье. Ольвия, Херсонес и Пантикапей, Танаис и Фанагория, Мирмекий и Тира, Нимфей и Кепы, Илурат и Китей...

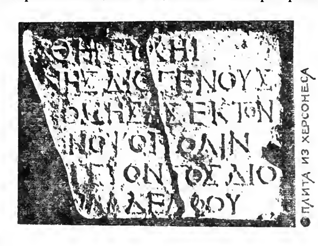
Археологические раскопки приносят все новые и новые вести из этих городов, из глубины веков. То там, то здесь находят античные монеты с различными изображениями. Печи для обжига керамических изделий. Амфоры с клеймами. Формы для изготовления терракот. Изящные статуи. Великолепные фрески.

Но не только они рассказывают нам о жизни городов Северного Причерноморья. Среди руин Пантикапея, столицы Боспора, нашли надгробные стелы. И хотя их тексты лаконичны, они сообщают много интересного.

Именно из надписей мы узнаем, что в первом столетии нашей эры Пантикапей был значительным культурным центром древнего мира, имел своих поэтов и ученых. Философ Сфэр Боспорский был автором многих трудов по истории и философии.

Среди надписей встречается много культовых. Это позволяет нам более уверенно судить о религиозных представлениях жителей Боспорского царства.

Покровительницей и защитницей Боспора греки счи-

ПЛИТА ИЗ ХЕРСОНЕСА

тали Афродиту, называя ее Афродитой Уранией. (Урания в переводе означает небесная.) Однако в боспорских надписях Афродита именуется также Апатурийской или Афродитой Апатурой.

Легенда отождествляла смысл названия «Апатура» с древнегреческим словом «ложь». Да, да, пусть вас не удивляет, что именно с этим словом было связано имя Афродиты Небесной. Вот как объясняет это легенда.

Когда на Афродиту напали гиганты, она позвала на помощь знаменитого древнегреческого героя Геракла. Потом предательски выдала гигантов Гераклу, и он их убил. Народная легенда, согласно которой Афродита использовала ложь, приводится Страбоном, а потому эпитет «Апатура» был легко истолкован как определенное качество характера богини.

Впрочем, некоторые исследователи выступают против такого истолкования эпитета «Апатура» и высказывают другое мнение. Они исходят из того, что почти во всех древнегреческих городах, заселенных греками-ионийцами, с особой торжественностью праздновался ежегодный праздник Апатуры. Он символизировал религиозную общность фратрий (объединений родов внутри племени). Во время этого праздника в списки фратрий записывали новорожденных и только что вступивших в брак женщин.

В различных городах этот праздник имел своего покровителя. В Афинах его покровителями были Зевс Фратрий и Афина Фратрия. На Боспоре — богиня Афродита, которая именно потому и получила эпитет «Апатура».

Надписи, найденные в Херсонесе, убедительно свидетельствуют о том, что в жизни города особое место занимали история, литература, поэзия, музыка. До наших дней сохранилась надпись в честь историка и литератора Сириска, который за ценный труд по истории Херсонеса был награжден золотым венком. Этот труд читали в херсонесском театре. Здесь же проходили представления, выступали комические и драматические актеры, читали стихи и другие литературные произведения.

Некоторые надписи рассказывают о том, что жители Херсонеса придавали большое значение развитию спорта. Победителям в беге, борьбе и других видах спорта вручали призы — панафинейские амфоры.

Знаки греческих письмен обычно обнаруживали на

каменных плитах, сосудах, различных изделиях и постройках. Но однажды их нашли на свинцовых пластинках.

Это были своеобразные послания. Они дошли до нас, письма из Древней Греции. Дошли случайно, только потому, что не попали по адресу. Правда, их очень мало. Всего шесть. Одно нашли в Греции, остальные на территории Советского Союза, в Причерноморье.

После реставрации одна из свинцовых пластинок попала к молодому исследователю Ю. Виноградову. Письмо нужно было прочесть. Но сделать это оказалось не так-то просто.

Послание относится к VI веку до нашей эры, ему около двух с половиной тысяч лет. На письмо оказали влияние ионийский диалект и его милетский вариант. Нужно было учесть и архаические слова, которые сейчас можно понять по-иному. Кроме того, повествование ведется от третьего лица, и не всегда ясно, о ком говорится.

Но вот расшифровка закончена. Так о чем же речь? Оказывается, эллины не поделили между собой раба. На внешней стороне свернутой в трубочку пластинки аккуратно надписан адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Это послание, кроме того, что одно из древнейших, оказалось и самым содержательным. Оно осветило социальные отношения, которые существовали в Греции в VI веке до нашей эры.

Но почему так мало свинцовых писем? В Древней Греции свинец ценился очень высоко, хотя и не считался редким металлом. Его использовали для изготовления гирь и грузил, ремонта посуды. Ну а если на пластинке писали, то пользовались ею неоднократно. Выполнившее свои функции послание стирали и заменяли другим.

Памятники с греческим письмом находили далеко за пределами Греции. Это и неудивительно. Ведь именно греки внесли огромнейший вклад в развитие алфавита, введя в него гласные звуки. Их алфавит распространился по всей земле. С островов, заселенных греками, и материка Эллады алфавит проник в греческие колонии и в другие страны. Причем он оказался настолько совершенным, что вот уже почти три тысячелетия служит удобным средством общения людей, говорящих на разных языках. На основе его возникло много других алфавитов. Его позаимствовали лидийцы, писидийцы, мизий-

цы, ликийцы, карийцы, фригийцы — народы, населявшие Малую Азию.

Лидийцы, например, к греческому добавили лишь несколько новых звуков, свойственных их языку. Памятников лидийского языка осталось очень мало, лишь несколько надгробных надписей. Но они очень кратки и стереотипны. Все это и мешает составить полное представление о лидийском языке.

Подобная же картина с писидийским и мизийским языками. Оба эти народа писали греческими буквами. Но из всего их письменного наследия дошло до нас только 16 писидийских эпитафий и одна мизийская надпись на мраморной плите.

Надписей на ликийском языке сохранилось значительно больше. Ликийцы взяли греческий алфавит и приспособили его к особенностям своей речи, добавили несколько недостающих букв для свойственных их языку звуков.

Много споров вызывает карийское письмо. Алфавит карийцев состоит из тридцати знаков, которые обозначают слоги и буквы. Самые древние карийские тексты старше греческих. Это и натолкнуло ученых на размышления. Что, если этот немногочисленный народ из Малой Азии — карийцы — заимствовал письмо у финикийцев и лишь позднее карийский алфавит был изменен под влиянием греческого? Выдвигалось и самое смелое предположение: карийцы наряду с греками сами создали буквенное письмо. И все же наиболее устоявшееся мнение, что карийцы позаимствовали алфавит у греков.

Фригийцы, чье царство в VIII веке до нашей эры считалось самым могущественным в Малой Азии, полностью восприняли греческий алфавит. Причем он настолько удовлетворял фригийский язык, что даже не понадобилось вводить новые буквы.

Подошел греческий алфавит, и мессапам, народу, обитавшему в Южной Италии и говорившему на своеобразном индоевропейском языке.

Интересна история изобретения готского алфавита.

Когда-то готы — одно из германских племен — жили на берегах Балтийского моря. В начале III века нашей эры они пришли в Северное Причерноморье во главе других племен и в III—IV веках наводили ужас на народы, обитавшие здесь. Затем они осели на Дунае, возле города Никополя. Позже переселились в Испанию и

Италию и исчезли с исторической арены, растворившись в местном населении. От них осталось лишь несколько объемистых рукописей — фрагменты перевода Библии, записанной готским алфавитом.

В IV веке нашей эры, заботясь о духовной жизни своей паствы, которая первой среди германцев приняла христианство, епископ Вульфила решил перевести на язык готов Библию. Но чтобы сделать это, пришлось Вульфиле срочно изобретать алфавит. Греческий не совсем отражал фонетические особенности языка, поэтому епископ добавил несколько латинских букв, несколько изобрел сам и сел писать этим сборным алфавитом на пурпурном пергаменте серебряными и золотыми буквами священные слова Библии. Так он исписал 187 листов.

Греческое письмо оказало огромное влияние на Египет, вытеснив национальную письменность. Египетские христиане, решив отказаться от всего языческого, отказались заодно и от египетского письма. Взамен они ввели новое, коптское, письмо. За основу взяли греческий алфавит, но кое-что позаимствовали из своего старого письма. Было взято несколько знаков из демотического письма.

Сначала коптский алфавит применяли для записи текстов религиозного содержания. Но потом на основе этого письма стала развиваться самобытная коптская литература. До нас дошли многие древнехристианские легенды коптов, сказки, песни, богословские сочинения, исторический роман о царе Камбизе. Но развитие этой литературы прекратилось в 640 году нашей эры, когда завоеватели Египта — арабы стали настойчиво насаждать среди местного населения свой язык, письмо, религию.

Многие народы покорил Александр Македонский. И создал огромную империю. Греческий язык, письмо, культура стали проникать во все концы этой империи. Проникли они и в далекую Бактрию. Женившись на бактрийской царевне Роксане, Александр Македонский основал Бактрийское царство, которое занимало современный южный Узбекистан, восточный Таджикистан и северный Афганистан. В Бактрии тех времен процветала греческая культура, а греческий язык употреблялся в течение нескольких веков, до нашествия во II веке нашей эры кочевых сакских племен. На месте Бактрии

пришельцы основали огромнейшее Кушанское царство. Его территория простиралась далеко за пределы бывшего Бактрийского царства. Кушаны тоже создали свой алфавит на основе греческого.

Перечень народов, на письмо которых повлиял греческий алфавит, пожалуй, можно закончить, а он достаточно красноречиво подтверждает его значимость. И все-таки нельзя не упомянуть еще и этрусского, армянского, грузинского, а главное, славянского алфавита. Всем им дал жизнь греческий!

На исторической арене греки появились примерно во втором тысячелетии до нашей эры. Откуда пришли они на Балканский полуостров, где была их родина, неясно. Известно только, что волны греков нахлынули откуда-то с севера и прочно осели в Древней Элладе. Да и кого бы не привлекли прекрасные природные условия, близость морских путей, центральное положение среди других стран древнего мира.

Первыми греками были ахейцы. Расселившись на материке, ахейцы проникают и на Крит. К XII веку до нашей эры ахейская цивилизация достигла наивысшего расцвета, но следующая волна греков, дорийцев, прервала ее дальнейшее развитие.

Достижения ахейской культуры не исчезли бесследно. Они были заимствованы дорийцами. Именно эти «классические» греки со временем создали высочайшую цивилизацию, которая легла в основу европейской культуры.

Письмо древние греки считали ниспосланным свыше. В древнегреческой легенде его появление описывается так.

Кадм, сын финикийского царя Агенора, приплыл на своем быстроходном корабле к острову Фера (теперь Санторин) и обучил греков письму. Греки были так поражены этим искусством, что считали Кадма полубогом и воздавали ему соответствующие почести. В другом предании говорится, что Кадм показал только шестнадцать букв, несколько букв добавил Паламед, мифический герой Троянской войны, и несколько — поэт Симонид.

Но о чем бы ни говорилось в легендах, одно в них верно — греки научились письму у финикийцев.

Греки позаимствовали у финикийцев их алфавит, однако значительно его усовершенствовали. Дело в том,

что финикийский алфавит состоял лишь из согласных звуков.

Сами финикийцы чувствовали несовершенство этой системы и пытались как-то передавать гласные. Правда, до обозначения этих звуков определенными буквами им было еще далеко. Придумали другой способ. Чтобы облегчить понимание написанного, они употребляли вспомогательные знаки, которые могли указать хотя бы на то, какой гласный звук должен следовать за тем или иным согласным.

Что же это за вспомогательные знаки, или, как их еще называли, «матери чтения»? Нагляднее и проще это можно пояснить на примере. Допустим, финикиянам нужно написать слово «семит». В их написании оно могло выглядеть как «смт» и «смйт». Но это не значит, что перед нами два разных слова. Во втором случае мы как раз сталкиваемся со вспомогательным знаком «й». Каково было его назначение? В первом случае три знака передавали три слога — «се-ми-ты». Во втором случае вспомогательный знак не произносился, а лишь указывал, что второй слог должен читаться как «ми», а не «ме», «ма», «му».

Это был первый шаг к гласным. Грекам принадлежит следующий шаг, который и сделал их, по существу, родоначальниками буквенного письма. Они стали эти «матрес лектионис», «матери чтения», употреблять регулярно, после каждого согласного. Переход к буквенному письму происходил постепенно, в раннем греческом еще можно найти элементы слогового письма, которые потом полностью исчезли.

Происхождение греческого алфавита от финикийского — совершенно достоверный факт. Даже беглого взгляда на финикийские и греческие согласные достаточно, чтобы понять — они похожи как отцы и сыновья. Даже названия этих букв и порядок следования тождественны. Первоначальные греческие записи сходны с финикийскими и по направлению письма: справа налево.

Заимствование греками письма у финикийцев относят к X—VIII векам до нашей эры, хотя точную дату назвать невозможно. Только камень смог донести образцы самого раннего греческого письма VIII—VII веков до нашей эры. Эти надписи хранятся в природном «архиве» Эллады — на скалах острова Феры. Они представляют

образцы архаического письма, которое еще очень близко к финикийскому.

На протяжении веков греки изрядно поработали над своим алфавитом, прежде чем он стал таким, каким мы знаем его сейчас.

Кроме введения вокализации (гласных), изменилось и само направление письма. В надписях из Феры оно еще финикийское, справа налево. Но греки увидели всю практическую невыгодность такого письма. Особенно это стало ясно с появлением чернил. Тогда писец, только что окончив строку и перенося руку вправо, мог смазать уже написанное. К VI веку до нашей эры твердо установилось написание слева направо.

Способ письма финикийцев тоже со временем изменился. Вначале писали бустрофедоном: первая строка справа налево, а вторая — слева направо и т. д. Но существовал бустрофедон недолго. Все буквы в строках стали писать в одном направлении.

В греческом языке было несколько звуков, которые отсутствовали у финикийцев. Пришлось ввести буквы для передачи этих звуков, например, ψ, φ, χ.

Поначалу существовало несколько местных греческих алфавитов. Но постепенно они сближались и к началу V века до нашей эры в Афинах был принят ионийский алфавит Милета, а к середине IV алфавит ионийцев стал повсеместным в Греции.

Формирование «классического» греческого алфавита, состоящего из 24 букв, было закончено. В современном греческом письме эти буквы применяются как заглав-

ГРЕЧЕСКОЕ МОНУМЕНТАЛЬНОЕ И ЛАПИДАР...ОЕ ПИСЬМО

ные. Они могут использоваться и для монументального письма — на камне, дереве, металле. Но они не подходят для письма на папирусе, бумаге, пергаменте. Для таких материалов было выработано более быстрое и легкое письмо — скоропись.

Греческие надписи помогают восстановить события глубокой древности. Вот группа лапидарных (каменных) памятников: договоры, списки дани, которую должны были платить Афинам их союзники, постановления, законы. Они рассказали нам об отношениях Афинского государства с его союзниками в V веке до нашей эры. Надпись середины V века до нашей эры, найденная на острове Крит и названная Гортинской, оказалась сводом законов древнегреческого города Гортины.

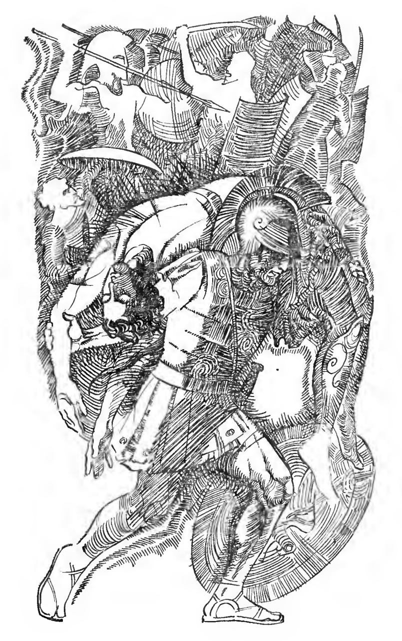
А разве знали бы мы о пребывании греческих наемников в Нубии в начале VI века до нашей эры, если бы не оставленные ими подписи на ноге статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле?

Даже незаметные черепки нам могут кое-что рассказать. Когда-то в Афинах применяли черепки-остракa для тайного голосования. На них выцарапывали имена политических деятелей, которые были неугодны афинским гражданам. Черепками они голосовали за изгнание неугодных из страны. На остракa наносились и расписки об уплате долга.

Менее долговечными оказались тексты на папирусе. Они сохранились только в Египте благодаря сухому климату. При раскопках там нашли более двухсот тысяч греческих папирусных текстов. Они содержали и деловую переписку, и судебные дела, и списки налогоплательщиков, и акты о покупке и продаже. Среди них оказался и податной устав царя Птолемея II Филадельфа с правилами сбора налогов, сдачи в откуп, организации ремесленного производства и др.; папирусный «Архив Зенона» — настоящая хозяйственная повесть одного из управляющих богатого вельможи. И никто не думал, что большой папирус, густо усеянный греческими буквами, донесет до нас, казалось, навсегда утраченный текст «Афинской политии» — трактат Аристотеля.

А вот этот гекзаметр вы узнаете?

Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в длаиях серпами сверкая.
Здесь полосой беспрерывною падают горсти густые;
Там — перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.

Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится.

Да, это знаменитая «Илиада» Гомера. Ее текст — один из древнейших пергаментных списков — относится примерно к III веку нашей эры.

Греческий язык донес до нас сочинения Геродота и Фукидида, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, комедии Аристофана.

...Мы познаем науку и культуру, политику и социальный строй величайшей цивилизации благодаря греческому алфавиту. Упиваемся прелестью греческих мифов. Наслаждаемся литературой благодаря греческому. Знакомимся с другими народами благодаря греческому. Этот алфавит стал величайшим достижением человеческого разума, закономерным результатом развития письма от рисунка к букве.

Загадочные этруски

Много знаем и ничего не знаем. Так можно сказать об этрусках — древнейшем народе, населявшем Италию в первом тысячелетии до нашей эры. «Загадкой всех италийских загадок» назвали ученые забытый язык этрусков. В работе над дешифровкой письменных памятников, оставленных этрусками, они столкнулись с тем случаем, когда письмо известно (для записи своей речи этруски пользовались греческими буквами), и мы можем «прочесть» знаки. А смысл, содержание остаются непонятными. Как непонятны человеку, незнакомому с азербайджанским, написанные русскими буквами тексты на этом языке.

Сначала познакомимся с тем, что уже известно о предприимчивых мужественных этрусках.

По крайней мере, два географических названия на карте Средиземноморья напомнят нам об этом исчезнувшем народе. Тоскана — довольно обширная область в Италии (от латинского «туски», так называли этрусков римляне) и Тирренское море (от греческих вариантов наименования этрусков: «тиррены» или «тирсены»).

Уже в первой половине первого тысячелетия до нашей эры этруски начинают играть ведущую роль среди

племен, заселявших Апеннинский полуостров. Время расцвета и могущества Этрурии падает на VII—V века до нашей эры. Этруски владеют большими пространствами на суше и на море. На севере они занимают долину реки По, на юге — Кампанию. В сферу влияния попала и Корсика. Не только Тирренское, но и Адриатическое море обязано этрускам своим названием. Атрия — одна из колоний тусков.

На этой обширной территории этруски построили много городов. В них велась оживленная торговля. Финикийцы везли товары с Востока. Карфагеняне снабжали металлической посудой, слоновой костью, стеклянными украшениями, греки доставляли керамику. Причаливали к этрусским берегам египтяне, испанцы, сицилийцы. Этруски устанавливали коммерческие связи и с более отдаленными районами, например с государством Урарту.

Город становился символом величия, славы и могущества этрусского племени. Городов-крепостей возникло много, но главных насчитывалось двенадцать. Каждый был силен, экономически самостоятелен. Каждый имел свое лицо. Вейи, например, славились школой скульпторов, из которой вышли мастера, создавшие замечательные образцы этрусской скульптуры. Вейские ремесленники принимали участие в строительстве Капитолийского храма на Римском холме.

В Цере расцветало искусство обработки металлов, поскольку вблизи от него находились богатые месторождения железных руд. Неподалеку от города располагался оживленный морской порт, и на улицах Цере можно было встретить купцов из многих стран мира. Тархна (или Тарквиния) стал центром ремесел. Там было налажено производство бронзовых изделий, с которыми не могли конкурировать товары других городов.

Многочисленные археологические раскопки дополнили наши знания о высоком мастерстве этрусских умельцев. Установлено, что изделия этрусских ремесленников славились даже в Афинах.

Мастера Этрурии создали оригинальную керамику, которая пользовалась известностью во всех странах Средиземноморья. Амфоры, чаши и другая посуда подвергались обжигу так, что глина приобретала черный цвет. Такая техника получила название «буккеро», что значит по-итальянски «черная земля». Затем вазу поли-

ровали горячим камнем и украшали то оттиснутыми рельефными изображениями, то рисунками, процарапанными по тускло блестящей поверхности, то скульптурными лепными фигурками животных или птиц.

В совершенстве владели этруски приемами обработки драгоценных металлов, техникой бронзового литья. Именно им принадлежит знаменитая римская статуя Капитолийской волчицы, вскормившей, как рассказывает миф, двух братьев-близнецов, которые основали в 753 году до нашей эры город Рим.

Как свидетельствуют древние авторы, своим возникновением Рим во многом обязан этрускам. В те времена, когда города Этрурии благоденствовали и к ее берегам причаливали торговые суда многих стран, на холмах над Тибром, где впоследствии раскинулся великий город, размещались небольшие поселения. Их немногочисленные жители занимались скотоводством и земледелием, а между холмами простиралось болото.

И вот этруски, основавшие немало городов и уже имевшие опыт осушения болот, решили и здесь осушить землю, для чего и предприняли строительство отводного канала. Впоследствии это замечательное сооружение римляне назовут cloaca maxima, и римские историки будут с восхищением писать о прочности подземного канала. Воздвигалась эта будущая «сточная яма для всех помоев города» руками местных жителей. Работа была так тяжела, что многие кончали жизнь самоубийством. И тогда царствующий этруск Тарквиний Приск приказал их тела не предавать земле, а прибивать к кресту, чтобы хищные птицы рвали трупы. Эта мера возымела действие. Канал построили и воду из болот отвели в Тибр. А на образовавшейся суше заложили большую римскую площадь Forum Romanum, которая вначале стала центром Рима, потом — Италии и, наконец, спустя столетия — Великой Римской империи.

Этруски были народом мужественным. Древние летописцы рассказывают, что их кормчие выделялись своим искусством кораблевождения и этруски долго владычествовали на море. В греческих сказаниях упоминаются грозные этрусские пираты, которым приписывали изобретение абордажного крюка.

Благодаря своей независимости города возвысили этрусков над другими племенами, обитавшими на италийской земле. Они же (города) стали причиной слабо-

сти и упадка Этрурии. Каждый город был суверенным государством, экономически сильным и политически самостоятельным. Во главе стояли аристократические роды. Постоянного политического или военного объединения этруски не создавали. Общей у них была только религия — культ богини Вольтумны. Этруски построили общее святилище и устраивали там раз в год торжественные игры в честь богини.

Постепенно этрусские города слабеют, В это же время набирает силу Рим. Он начинает объединять разрозненные италийские племена под своим владычеством.

Этрусские города сдавались не без сопротивления. Особенно жестокой была схватка Рима с Вейями в 406 году до нашей эры. Закончилась она поражением этрусского города. Беспощадно расправились римляне с жителями Вей: перебили или продали в рабство. Судьба города должна была послужить предостережением непокорным тускам.

Последний город этрусков римляне захватили в 265 году до нашей эры. Это был конец истории Этрурии. Началась романизация этрусских городов. На улицах звучала латынь. Непокорность этрусков постепенно сменилась смирением. За свою лояльность они получили привилегии — им широко предоставлялось право гражданства. Но вместе с равноправием этруски усваивали римские привычки, переставали пользоваться родным языком.

Однако не ушла в небытие культура, созданная этрусками. Она стала колыбелью римской цивилизации. Греческий историк Посидоний утверждает, что римляне с жадностью учились у этрусков. Они заимствовали устройство дома с открытым внутренним двором, обучались планировке городов и строительству водопроводов. Переняли многие традиции, укоренившиеся в жизни (тогу, символы власти ликторов и проч.), искусство, религию.

Археологами установлено, что до I века до нашей эры действовали мастерские, создававшие предметы этрусского искусства. Этрусский алфавит лег в основу латинского.

Конечно, далеко не все из того, что унаследовал Рим, было изобретением самих этрусков. Многое они позаимствовали у греков через греческие колонии на юге страны. Этруски переняли театральное искусство и

мифологические представления Древней Эллады, по греческому образцу чеканились золотые монеты. Аристократы Этрурии высоко ценили превосходные чернофигурные и краснофигурные греческие вазы. Они обнаружены во многих этрусских гробницах. Однако историческая заслуга этрусской культуры в том и заключается, что она послужила своеобразным мостиком между греческой и римской цивилизациями.

Загадочен для науки и вопрос о происхождении этрусков. Они настолько резко выделялись среди примитивных племен, заселявших Апеннинский полуостров, более высоким уровнем культуры, что это порождало мысль о переселении этрусков из более развитых районов древнего мира, и в первую очередь из Малой Азии.

Отголоски спора о том, откуда взялись этруски, мы слышим еще из древности. Геродот утверждает, что этруски переселились в VIII веке до нашей эры с Востока:

«...при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод [от недорода хлеба]. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени сына своего царя [Тирсена], который вывел их за море, тирсенами. Лидийцы же на родине были порабощены персами».

Противоположная точка зрения на первоначальную «прописку» этрусков принадлежит Дионисию Галикарнасскому, римскому литератору, жившему в I веке до нашей эры. Он считает, что с лидийцами у тусков ни-

чего общего не было: ни языка, ни богов, ни законов, ни традиций. Дионисий причисляет этрусков к местным племенам.

В древности же возникла и третья версия — о северном происхождении этрусков. Ее высказывает римский историк Тит Ливий. К «родственникам» этрусков он причисляет альпийские племена, населявшие древнюю Ретию — область, простиравшуюся от Боденского озера до Дуная, куда входят нынешний Тироль и часть Швейцарии. Сторонники этой теории строят свои выводы на двух фактах. Во-первых, слова «Ретия» и «расенна», как называли себя этруски, сходно звучат. Во-вторых, в Придунайской ретийской области были обнаружены надписи, сделанные этрусскими буквами на языке, не только похожем на этрусский, но, по мнению некоторых исследователей, даже идентичном ему.

И сегодня в науке продолжают существовать три концепции происхождения этрусков. Меньше всего сторонников у северной теории, большинство ученых склоняется к восточной, геродотовской версии. В ее пользу говорят многие факты, которыми располагают сегодня исследователи. Раскрыта, например, удивительная общность малоазиатских и этрусских имен. В архаическом изобразительном искусстве этрусков обнаружены восточные элементы. Однако находится достаточное количество аргументов, свидетельствующих против восточной теории: например, почему этруски, пришедшие в Италию с Востока морским путем, расположили свои города не на берегу, что было бы естественным для морского народа, а вдали от побережья?

И все-таки есть один довод в пользу теории о переселении этрусков с Востока, который обходят молчанием самые ярые ее противники. Он касается Лемносской стелы. На острове Лемнос археологи обнаружили надгробие с изображением воина и надписью предположительно на этрусском или родственном ему языке. Надпись сделана греческими буквами и до сих пор не поддается дешифровке. Но вывод о том, что именно родственная этрускам народность жила на Лемносе, расположенном сравнительно недалеко от малоазиатских берегов, помогает сделать заключение, что этруски шли из-за моря с востока на запад.

Интересный вариант этой теории предлагает болгарский ученый В. Георгиев. Он утверждает, что этруски не

кто иной, как известные из поэм Гомера и Вергилия троянцы. Основываясь на легенде о переселении троянцев во главе с Энеем в Италию, которая встречается и в римском, и в греческом эпосе, он подкрепляет свою концепцию лингвистическими данными, доказывая генетическое тождество названий «Этрурия» и «Троя». В пользу этой теории свидетельствует и тот факт, что в «Илиаде» и «Одиссее» отсутствует упоминание об этрусках, игравших одну из ведущих политических ролей в Эгейском мире. По мнению В. Георгиева, они хорошо представлены в этих произведениях под именем «троянцы».

Вопрос о том, откуда взялись этруски, чем объяснить столь стремительный расцвет их цивилизации, пока остается открытым. Ни одна из теорий не может быть признана окончательной, поскольку все они имеют немало слабых сторон. А наука признает только точные доказательства, логические и фактические.

Главное место в цепи доказательств могли бы занять свидетельства памятников письменности. Но язык этрусков, который был еще живым в I веке до нашей эры, во времена Цезаря и Августа, ко II веку нашей эры окончательно вытеснен латынью и полностью утрачен. Да и сами этруски не слишком заботились о том, чтобы сохранить свой язык. Занимая в Римском государстве значительные посты, они больший интерес проявляли к текущим событиям, нежели к истории своего народа.

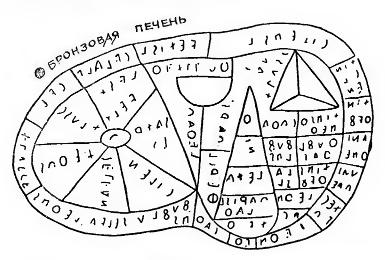
И теперь мы об этрусках знаем гораздо меньше, чем о других древних народах, живших на тысячелетие раньше.

До нас дошло более девяти тысяч этрусских надписей на вазах, статуэтках, зеркалах, посуде, свинцовых таблицах, каменных плитах, стенах гробниц, саркофагах. Самые короткие из них — в одно слово, самая длинная и, к сожалению, единственная, — около полутора тысяч слов. Преобладают короткие надгробные надписи, от одного до пяти слов. Их приблизительно семь тысяч. Это эпитафии, дарственные и посвятительные тексты. Лексикон их очень скуден. Имена, возраст, родственные связи, должности.

Среди памятников встречаются такие, которые приоткрывают завесу над некоторыми своеобразными сторонами жизни этрусков. Например, продолговатая бронзовая табличка с закругленными краями, найденная в

1877 году в окрестностях Пьяченцы. Поверхность ее разделена прямыми линиями на многоугольники различной формы. В каждый вписаны слова.

Табличка имитирует баранью печень. Религиозный обряд, называемый гаруспицией, был очень распространен среди этрусков. В Вульчи найдено зеркало. На нем выгравирован рисунок, изображающий этрусского жреца, склонившегося над столиком с остатками внутренностей. В левой руке предсказатель держит печень и внимательно разглядывает ее.

На найденной бронзовой печени, своеобразной «шпаргалке» для предсказателя, слова, написанные внутри делений, обозначают имена богов, добрых и злых. Некоторые из них уже известны ученым, имена других встречаются впервые, а третьи этрускологи пока не могут правильно прочесть.

Большим событием в этрускологии стала одна случайная находка. В середине прошлого века некий хорватский турист приобрел в Египте мумию женщины. После его смерти она попала в Загребский музей. Там на бинтах, в которые была завернута мумия, обнаружили следы надписей. Долгое время не могли установить, на каком языке написан текст. Полагали сначала, что надпись сделана на арабском языке, потом — что на эфиопском. И только к концу XIX века было установле-

но, что это памятник этрусской письменности. Его назвали «Загребская пелена», или «книга Мумии».

Это единственный сохранившийся образец liber linteus — «льняной книги», то есть книги, написанной от руки на холсте. Первоначально она имела форму свитка шириной около 35—40 сантиметров и длиной в несколько метров. Текст на свитке записан столбцами справа налево. На сохранившемся куске осталось около 1500 знаков.

В 1932 году «Загребская пелена» была сфотографирована в инфракрасных лучах, после чего чтению стали поддаваться даже блеклые места бесценной рукописи. Этрускологи связывали с этой рукописью большие надежды. Ведь дешифровали же языки, представленные намного меньшими текстами.

Частичной дешифровке этрусского языка помогли дошедшие до нас этрусские алфавиты. Благодаря им исследователям приходится решать лишь одну задачу: раскрыть язык. Ученые могут даже проследить развитие алфавита, поскольку среди находок есть несколько предметов со списком букв.

Один алфавит нашли при раскопках некрополя вблизи города Марсилиана де Альбенья. В захоронении обнаружили пластинку из слоновой кости размером пять на девять сантиметров. На ней сохранились остатки воска, по которому резцом выдавливались буквы. На один край пластины нанесены буквы этрусского алфавита VIII века до нашей эры.

Размеры пластины столь малы, что вряд ли ее могли использовать для письма. Одни ученые предполагают, что пластина служила своего рода букварем для тех, кто учился писать. Другие высказывают мнение, будто она служила свидетельством, что ее владелец знает грамоту, умеет писать и потому является уважаемым человеком. Пластина эта получила название «Алфавит Марсилианы». Он состоит из 26 букв: 21 согласной и 5 гласных. Здесь изображена начальная стадия письма, когда оно еще не приспособилось к своеобразию звучания этрусского языка.

Другой этрусский алфавит был найден в Черветери, в «Могиле Реджолини-Галасси». Он был начертан на нижней кайме сосуда, который, по-видимому, использовался как чернильница. Этот алфавит относится, по всей вероятности, к VII веку до нашей эры. Знаки обоих алфавитов очень похожи. Таких букварей было обнаружено много.

То обстоятельство, что алфавиты наносились на предметы, найденные в захоронениях, навело одного из ведущих этрускологов, француза Ж. Эргона, на мысль, что этруски, как и другие древние народы, наделяли алфавиты особой магической силой, способной освободить человека от власти времени. Однако некоторые ученые придерживаются мнения, что, несмотря на свою оригинальность, эта концепция слишком усложнена и смела.

Найдены и другие письменные памятники: глиняная табличка V века до нашей эры, на которую нанесено около 300 слов, две свинцовые таблички с проклятиями, игральные кости, на которых при помощи букв написаны числа от единицы до шести. И все же надписи, которые могли бы быть полезны для толкования слов, очень незначительны.

Этрускология как наука возникла почти две тысячи лет назад. Император Клавдий, живший в I веке нашей эры, посвятил этрускам обширнейший труд в 20 томов, погибший позднее в Александрийской библиотеке.

Изучение этрусской письменности начинается с XVI века. Прежде всего перед учеными встала проблема дешифровки этрусского алфавита, выяснения, какой латинской букве соответствует каждый этрусский знак. Эта работа завершилась к концу XIX века. Этрускологи выявили все 26 букв этрусского алфавита.

Установлено, что этрусский алфавит берет свое начало от греческого. Но отделяется от греческой основы довольно рано, в VIII веке до нашей эры, еще на той стадии, когда строки писали справа налево. После этого стало возможным приступить к определению закономерностей структуры языка, толкованию значения каждого слова.

И хотя в руках у этрускологов достаточное количество памятников письменности, существуют препятствия, которые мешают объяснить этрусский язык.

Во-первых, обычной во многих случаях билингвы нет, если не считать трех золотых пластинок с выгравированными на них надписями, найденных при раскопках древнего святилища в Пиргах. Две из них написаны на этрусском языке, третья — на финикийском, но существенной помощи при дешифровке они пока не оказали.

Есть еще несколько латино-этрусских надгробных надписей, но больше одного-трех слов в копилку расшифрованного этрусского языка они ничего не добавили. Отсутствие достаточно длинной билингвы — одна из главных причин топтания на месте.

Во-вторых, до сих пор при исследовании применялись в основном два главных метода дешифровки. Комбинаторный метод объяснения надписей на основе закономерностей, вытекающих из структуры текста этих надписей, и этимологический — сравнение с предположительно родственными языками.

Возможности комбинаторного методы ограничены. При дешифровке этрусских надписей встретились трудности. Заимствованный у греков алфавит при всех его исправлениях мало отвечал особенностям этрусской фонетики. Поэтому при передаче некоторых звуков этруски употребляли то одну букву, то другую. Писцов мало занимало, поймут ли их через две тысячи лет, главное, чтобы понимали современники. И кроме того, этруски, особенно жившие в последние века до нашей эры, писали, пропуская некоторые гласные. А всегда ли вы поймете смысл слова *парус,* если оно написано одними согласными?

Короче, универсального ключа, используемого обычно в дешифровке многих таинственных письмен, здесь не оказалось.

И все-таки нельзя сказать, что мы ровным счетом

ничего не знаем об этрусском языке. Благодаря кропотливой работе ученых многих стран мира, в том числе русских и советских исследователей, мы достоверно знаем значение более полутораста этрусских слов и отдельные грамматические формы этрусского языка. Отчасти переведены краткие надгробные, посвятительные и некоторые другие надписи. Раскрыт смысл слов и грамматических форм, иногда словосочетаний и даже частей предложений в обширных текстах. Составлено представление о назначении и содержании длинных текстов, в частности «Загребской пелены».

Остановимся на том, как работал немецкий этрусколог К. Ольцша над толкованием «Загребской пелены». Из-за отсутствия настоящих билингв он предложил создать искусственную. Этот метод, названный билингвистическим, основан на предположении, что этруски устанавливали различные связи с другими италийскими племенами. Это должно было оставить след в этрусских памятниках.

Исходя из этой предпосылки, К. Ольцша приступил к толкованию «книги Мумии». К тому времени уже было известно, что это письменный памятник религиозного характера. К. Ольцша прежде всего поставил перед собой задачу определить, на какие части делится сохранившийся текст. И выделил главы, посвященные богам Крапу, Натунсу и другим.

Затем К. Ольцша сопоставил отдельные части книги и начал изучение ее конструкции. Он заключил, что это ритуальный текст, и, чтобы понять его строй, обратился к подобным текстам на умбрском языке. Исследователь был убежден, что религиозные литературные памятники строятся шаблонно, из часто повторяющихся формулировок, и потому их удобно сравнивать.

К. Ольцша пришел к выводу, что «Загребская пелена» является религиозным календарем, где собраны молитвы и просьбы, обращенные к богам, указаны дни, когда следует благодарить богов, и приведены правила жертвоприношения.

Однако версия ученого не всеми была принята безоговорочно. Его упрекали в преувеличении сходства и между языками, и между формами памятников.

Таковы результаты применения комбинаторного метода.

Многократно пытались подобрать ключи к этрусско-

му языку с помощью этимологического метода. Какие только языки не использовались для толкования этрусского: древнееврейский, греческий, латинский, санскрит, кельтский, многочисленные языки Кавказа, финский, языки жителей Южной Индии — дравидов, языки индейцев Америки, баскский, шумерский и, наконец, русский. Но все попытки проникнуть в тайну этрусского языка при помощи какого-либо известного ныне до сих пор не дали никаких результатов.

Недавно была предпринята еще одна попытка. Французский исследователь Э. Майани попробовал использовать албанский язык. Результаты сопоставления языков он изложил в книге «Этруски начинают говорить».

О родстве этрусского и албанского языков говорили давно. Еще более ста лет назад один из ученых выпустил пухлый том о нравах, религии, обычаях, языке албанского народа. В нем сделано предположение, что албанцы — ближайшие родственники этрусков. Свою гипотезу он строил на созвучиях слов «туски» — латинское название этрусков, с «тосками» — наименование жителей юга Албании, а также «Тирана» — столица Албании с «тирренами» — греческое название этрусков. После этого не раз предпринимались попытки сблизить отдельные слова албанского и этрусского языков.

В начале XX века подытожили все попытки применения «албанского ключа» к расшифровке этрусского. Соглашаясь с тем, что в обоих языках есть много элементов сходства, автор итоговой работы Д. Буонамичи показывает, что прямое сопоставление этрусского и албанского языков неправомерно. Объяснить сходство можно двумя причинами: либо древним родством языков, либо существованием в далеком прошлом общего праязыка, от которого оба языка произошли.

Несомненно, албанский язык может помочь в раскрытии этрусского. Однако прямо сопоставить албанские и этрусские слова нельзя. Только реконструировав общую основу, можно сравнивать грамматические формы обоих языков.

Новая попытка прямого сопоставления этрусского и албанского языков, которую делает Э. Майани, изобретательная и остроумная, все же, по мнению советского ученого А. Кондратова, оказалась снова несостоятельной.

Наиболее распространенная ошибка исследователей,

пытавшихся подобрать родственный этрусскому язык, была в том, что они устанавливали значение этрусских слов по внешнему созвучию со словами ключевого языка.

Смешанный комбинаторно-этимологический метод использовал для интерпретации этрусского языка В. Георгиев. Значения слов и морфем он определял, исходя из самого текста, то есть комбинаторным методом. А затем на базе установленных вполне достоверно значения и происхождения слов этрусского языка выявлял черты, общие с другими, предположительно родственными языками.

В. Георгиев пришел к выводу, что фонетическая структура этрусского языка очень похожа на структуру армянского. Это сходство он объясняет тем, что прародиной этрусков была область Трои — северо-западной части Малой Азии, где жили и фригийцы, от которых согласно античным данным произошли армяне. Ученый считает, что по своим характерным чертам этрусский язык — индоевропейский, хотя, аналогично хеттскому, и включает неиндоевропейские элементы.

И все же эта гипотеза не имеет достаточной аргументации для безоговорочного включения этрусского языка в индоевропейскую семью. Только дальнейшее накопление фактов решит этот вопрос.

Впереди у этрускологов гигантский скрупулезный труд, взлеты и неудачи, и... «вдруг билингва»!

А пока новые сообщения. Последнее появилось во втором (январском) номере бюллетеня Болгарского телеграфного агентства за 1976 год, в котором говорится, что академик В. Георгиев стал известен «открытием в языковой истории человечества — прочтением этрусской письменности».

■ Нет науки без латыни

В заглавии — крылатое латинское выражение. Одно из великого множества. Чуть ли не каждый день мы употребляем эти выражения, считаем их своими, привычными и даже не задумываемся над тем, что родина их — Рим. А все потому, что они лаконичны, емки и бьют, как говорится, не в бровь, а в глаз. Ведь действительно нет науки без латыни.

Еще в средние века латынь была международным языком ученых и дипломатов. Сейчас латынь считается мертвым языком. В наши дни ни в одной стране мира нет такой общности людей, определенного народа, для которого латынь была бы разговорным языком.

Но этот язык не исчез бесследно. Напротив, ни одному языку, пожалуй, так не повезло. Он напоминает о себе во всех языках мира. Латынь — настоящий кладезь научной и технической терминологии, без нее не обходятся биологи, медики, филологи...

Почему именно научной и технической? В отличие от разговорной речи научная, как известно, требует большой точности. Там нужно не просто слово, а термин. В своей речи мы часто пользуемся словами, которые могут иметь несколько значений. Но в каком из значений употребляется в данный момент, например, слово *насолить*, мы понимаем из контекста. Наука с этим смириться не может. Она требует одного конкретного значения. Если уж применяется слово *класс*, то только в значении определенной ступени, разряда или группировки, например, *класс млекопитающих*.

Благодаря такой точности научная терминология доступна людям, разговаривающим на разных языках. Однозначное слово без особых трудностей переводится с одного языка на другой. Причем этим не обязательно заниматься людям. Перевод могут выполнить машины по заданной программе. Большое количество терминов звучит одинаково во многих языках, они международны. Возьмите хотя бы слова *минимум, максимум, интернациональный, эффект, интерес*. Им соответствуют подобные по содержанию и звучанию слова в английском, немецком, французском, испанском, польском и других языках. А все потому, что вышли они из латыни.

«О времена! О нравы!» — восклицаем мы, если в чем-то разочарованы или чем-то огорчены, нисколько не смущаясь тем, что эти слова впервые произнес римский сенатор Марк Туллий Цицерон, выступая с обличительной речью против Катилины.

А уж что выражение «конец — делу венец» латинское, мало кто знает. Многие удивляются: «Как, а разве не русская пословица?» Это лучшее свидетельство того, как органично латынь вошла в наш язык. Мы даже не ощущаем ее чужеродности.

Таких латинских выражений много в нашем лексиконе: «отец семейства», «благие намерения», «что позволено Юпитеру, не позволено быку», «повторение — мать учения» и многие другие. Они делают нашу речь сочной, эмоциональной, выразительной.

Мы пользуемся не только крылатыми латинскими фразами. Русский литературный язык буквально пропитан латинизмами. Представим, что у нас выходной день. Куда мы пойдем? Вначале можно погулять по *ботаническому саду*, полюбоваться плантациями чудесных *роз* (курсивом даны латинские слова. — *В. Д.*), постоять у вечнозеленого *лавра*, внимательно прочесть пояснительную *табличку* у африканской *пальмы*, заглянуть на участок с *фруктовыми* деревьями. Потом мы пойдем в музей изобразительных искусств: увидим прекрасные *скульптуры, монументальные* живописные полотна, в которых поражает выдержанность *стиля*, четкость *линий* и *колорит*. А вечером нас встретит сверкающими огнями *театр*. В новом *спектакле* великолепная игра *актеров* сочетается с богатыми *декорациями*.

Выходной день подходит к концу. Завтра *студенты, профессора, аспиранты* пойдут в свои *институты* и *университеты*. В *аудиториях* начнутся *лекции, консультации, коллоквиумы*. Рабочие возьмут *инструменты* и встанут у своих *аппаратов*, механизаторы выведут в поле *тракторы*, химики продолжат свои *эксперименты* с различными химическими *элементами*, а синоптики будут смотреть на *календарь* и прогнозировать погоду в *январе, феврале, марте*.

Особенно много латыни в биологии и медицине. Студентам приходится основательно штудировать латинские названия различных организмов и их отдельных органов, лекарств, рецептуру. Вот вам и мертвый язык!

Много веков назад живая латинская речь звучала на обширной территории. Вначале на этом языке говорило племя латинов, поэтому он и получил название латинского. Когда и откуда пришли латины в Италию, точно неизвестно. В холмистой местности Лациум по реке Тибр жили эти мирные земледельцы и пастухи. В VIII—VII веках до нашей эры их племена объединились вокруг небольшого центра Рима, основанного в 753 году до нашей эры.

Рим начал свою историю гораздо позже других государств. Некоторые рабовладельческие государства

Древнего Востока к этому времени насчитывали уже тысячи лет существования.

Латинов со всех сторон окружали высокоразвитые соседи. На юге Апеннинского полуострова и в Сицилии находились греческие колонии. На африканском побережье Средиземного моря жили финикийцы, которых позже Карфаген объединил в сильную морскую державу. На юге Пиренейского полуострова набирало мощь государство Тартесс.

Но самое большое политическое и культурное влияние имели на латинов их северные соседи — этруски. В период VII—VI веков до нашей эры латины находились на стадии разложения первобытного строя и возникновения первых государственных объединений. В эту бурную эпоху, названную «царской», появилась и необходимость в создании письма.

К этому времени греки и этруски уже пользовались буквенно-звуковым письмом. К тому же этруски некоторое время властвовали над Римом и потому оказывали на латинов самое непосредственное воздействие. Сильное влияние на них оказал и язык этрусков, благодаря посредству которого латины восприняли греческую письменность.

Латины были настойчивым народом. Они стремительно расширяли свою территорию, вытесняя другие племена. Постепенно латинский язык вытеснил италийские языки: умбрский, оскский, сабелльский, этрусский, галльский. Лишь кое-где остатки этих языков сохранились до I века нашей эры.

Дальнейшая история развития языка и письменности латинов связана с историей Рима. После изгнания этрусков начинается становление республики и почти беспрерывные войны. Римляне подчиняют себе весь Апеннинский полуостров. Но аппетиты разгораются. Римляне тянутся дальше, им не помешало бы и «мировое» господство. Рим с вожделением поглядывал на лакомый кусочек — Сицилию, которую никак не могли поделить Сиракузы и Карфаген, ведя между собою постоянную войну. Рим активно вмешался и постепенно захватил все территории, принадлежавшие Карфагену, а потом и почти все Западное Средиземноморье.

В середине II века до нашей эры были завоеваны Греция и Македония.

Здесь наблюдается очень интересное явление. В за-

воеванных Римом Галлии, Северной Африке, Британии, Паннонии, Дакии, на Иберийском полуострове и в прирейнской Германии язык победителей — латинский — вытеснил все местные языки. В областях греческой культуры греческий язык не только не был вытеснен, но, в свою очередь, сильно повлиял на язык римлян.

Эпоха «мирового господства» закончилась присоединением к Римской империи Пергамского царства. К этому времени окончательно оформился латинский литературный язык. На рубеже старой и новой эр Рим достиг своего наивысшего расцвета, а язык империи прочно укрепился на подвластной ей территории.

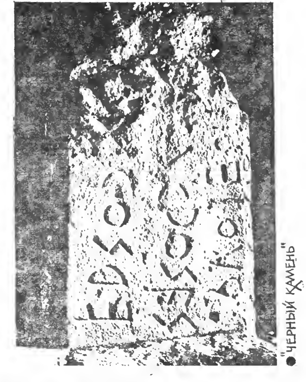
После распада Римской империи, в V веке нашей эры латинский постепенно заменяется романскими языками: итальянским, провансальским, сардинским, французским и прочими. Однако как язык науки и культуры латинский продолжает существовать еще несколько столетий.

К VII—VI векам до нашей эры относятся древнейшие латинские надписи на камне, металле, керамике. Но их очень мало, можно буквально перечесть по пальцам.

В 1871 году в Пренесте нашли небольшую золотую фибулу с четкой надписью. Ювелир изготовил ее примерно в конце VII — начале VI века до нашей эры. На золотой пластинке мастер старательно выгравировал: «Маний меня сделал для Нумезия». Буквы в этой надписи идут справа налево. В надписи есть две буквы, которых нет в греческом алфавите. Для отображения своеобразных звуков латинской речи они позаимствованы из ранней формы этрусского.

На месте римского Форума нашли сильно разрушенный каменный столб. Его назвали «черным камнем». На четырех гранях столба обнаружили надпись, которую ученые относят обычно к VI веку до нашей эры. Это еще один образец древнейшего латинского письма, развивавшегося подобно греческому и этрусскому. Выполнена надпись сверху вниз — вертикальным бустрофедоном. Прочесть ее оказалось очень трудно, мешали направление письма и плохая сохранность столба.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению по поводу датировки третьей надписи, окаймляющей жертвенный сосуд Дуэноса. Одни ученые считают, что она

нанесена на сосуд в VI веке до нашей эры, другие — в IV. И здесь направление письма справа налево.

Эти три надписи и некоторые более поздние представили ученым раннюю латынь. Алфавит римлян включал тогда 21 букву (у этрусков их было 26). Греческие «тета», «фи» и «хи» не использовались в алфавите, так как у римлян не было подобных звуков в языке, но зато они прекрасно подошли для обозначения чисел. В этрусском языке было три буквы, передававшие звук s. Римляне воспользовались только «сигмой». В латинском алфавите есть две буквы, «d» и «о», отсутствующие в позднейшем этрусском. Но в раннем этрусском они были, значит, латинский алфавит создан еще до того, как этруски отказались от этих букв.

В эпоху Цицерона, в I веке до нашей эры, когда Рим подчинил себе Грецию, на культуру Римской империи стала сильно влиять греческая высокоразвитая

культура. Римляне зачитывались греческой литературой, в лексику языка вошло много греческих слов. А для отображения их на письме понадобились буквы, свойственные только греческому языку. Латинский алфавит включил греческие «дзету» и «ипсилон». Итак, в алфавите стало уже 23 буквы.

В неизменном виде латинский алфавит просуществовал всю античную эпоху, лишь в средневековье пополнился тремя буквами, вернее, не буквами, а вариантами существовавших букв. В дальнейшей истории алфавита не было особых изменений. Его развитие шло лишь по пути приспособления к различным языкам и изменения внешней формы букв в зависимости от видов письма.

Римское письмо использовали все романо-германские народы: французы и испанцы, итальянцы и португальцы, румыны и немцы, англичане и шведы, норвежцы и датчане. Латинский алфавит приняли также финны и венгры, эстонцы и поляки, чехи и другие европейские народы.

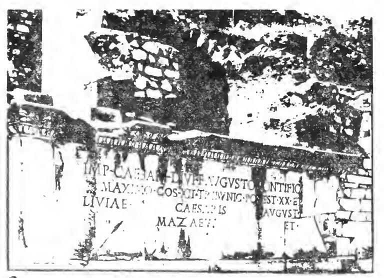
Литературная латынь начинает развиваться с III века до нашей эры. В комедиях Плавта и Теренция, в прозе Катона отражены эти «начала».

На рубеже эр появляется «классическая» латынь. Абстрактная лексика, строгость и стройность языка были в ее основе. Высоким, торжественным слогом написаны сочинения Саллюстия, Цезаря, речи Цицерона, произведения Катулла, Вергилия, Горация, Лукреция.

В I—II веках нашей эры началась эпоха так называемой серебряной латыни. Ее отличают не столь строгие правила, как в классической, большая лиричность, выразительность. Это слог историка Ливия и поэта Овидия, философа Сенеки, романиста Петрония.

Если сравнить латинские памятники письма разного времени, поражает разнообразие формы букв, множество видов письма. Это вызывалось стремлением к удобству и практичности в написании, материалами и орудиями письма.

Много труда и времени требовало монументальное, или капитальное, письмо. Строгие, красивые буквы высекались на камне. Но зато такая мемориальная, надгробная или государственная надпись была вечной, ее не страшило время. Недаром до нас дошло больше всего монументальных надписей, как, например, надпись в честь императора Августа. Для них могли использовать

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ НАДПИСЬ

бронзовые и свинцовые таблицы. На такие материалы знаки наносили острым резцом.

Для ежедневных бытовых записей в Риме применяли дощечки, покрытые воском. По воску царапали острой палочкой — «стилем». На использованной дощечке воск выравнивали другим концом «стиля» и снова писали. Связки таких дощечек подвешивались к поясу и играли роль записных книжек. Буквы могли процарапывать пером из тростника, срезанного под углом, а с VI века — из пера птицы. Этот «инструмент» существовал очень долго, лишь в прошлом веке его заменило металлическое перо.

Писали римляне и на папирусе, скатывая длинные полотнища в виде свитка. Но папирус был очень дорогим, привозился из Египта, быстро ломался и доставлял большие неудобства при чтении. Гораздо удобнее и практичнее был пергамент. Листы пергамента позволяли исписывать его со всех сторон и складывать.

Изобретение бумаги сразу решило множество проблем, продвинуло далеко вперед писание книг. Со II века нашей эры бумага начинает свое победное шествие по странам мира и в XIV веке полностью вытесняет

пергамент. На всех этих материалах римляне писали скорописью, быстрым и легким письмом.

Все, что оставили нам римляне на камнях, папирусе, пергаменте, бумаге, по-своему бесценно как для познания истории и культуры Римской империи, так и других стран.

Римляне дали миру самобытных философов, историков, юристов, поэтов. На латинском языке писали не только в Риме. Это язык произведений Т. Кампанеллы, Э. Роттердамского, И. Ньютона, Т. Мора и других великих мыслителей.

В России еще в XVIII веке широко применяли латынь. Каждый образованный человек должен был знать два языка: греческий и латинский. Прекрасно знали и использовали в своих трудах латынь М. Ломоносов, великие вожди рабочего класса К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, многие писатели и ученые.

Да и сейчас, зная латынь, мы получаем ни с чем не сравнимое удовольствие читать в подлиннике римских авторов.

Латынь помогает раскрыть нам некоторые тайны истории римлян, не только связанные с их родиной, но и с теми местами, где когда-то ступала их нога. А таких мест много. К ним относится и Северное Причерноморье, куда впервые попали греки-колонисты, а затем и римляне. О пребывании римлян на юге нашей Родины многое неизвестно, и каждая вновь открытая надпись может по-новому осветить исторические факты и подтвердить догадки ученых.

В 1954 году при раскопках Херсонеса О. Домбровский обнаружил остатки театра, а через три года нашли там сделанный из известняка алтарь с надписью на латинском языке. Внимательно рассматривала ее старший научный сотрудник Института археологии Академии наук Украинской ССР доктор исторических наук Э. Соломоник. Сколько подобных памятников прошло через ее руки! Порой, казалось, ничего невозможно восстановить, настолько памятник был разрушен. А она читала, опираясь на знание греческого и латинского языков.

Вот и теперь ей предстоял кропотливый труд. Изучая известняковый алтарь, она вспомнила алтари Харакса из Ялтинского музея. Во время войны они исчезли. Остались только фотографии и опубликованные М. Ростовцевым надписи с них.

Оккупировав в I веке нашей эры Херсонес, римские легионеры не ограничились этим. Чтобы утвердить власть над территорией Крымского полуострова, нужны были другие укрепленные пункты. Видимо, таким укрепленным пунктом и была крепость Харакс. Письменные источники и раскопки подтвердили это.

Херсонес с Хараксом связывало море. Но вряд ли римляне могли довольствоваться ненадежным морским путем. Очевидно, была и сухопутная дорога? На этот вопрос и помогли ответить надписи на алтарях.

С римскими легионами всегда шли строители дорог и их стража — бенефициарии. На трех хараксских алтарях были высечены посвятительные надписи с именами бенефициариев. Значит, в Хараксе находился пост дорожных строителей.

Надпись на алтаре из Херсонеса гласила: «Богине Немесиде Хранительнице Тит Флавий Цельсин, бенефициарий консуляра XI Клавдиева легиона, за спасение себя и детей поставил по обету». Стоп! Тит Флавий Цельсин — это же имя есть и на алтаре из Харакса. Он был начальником военного дорожного поста в Херсонесе и поставил алтари в двух городах. Разве не означает это, что между ними существовал прямой путь по суше? Военная дорога римлян была найдена.

Латинский язык — ключ к римской истории — уже ответил на многие вопросы ученых. Верой и правдой послужит он человечеству и в дальнейшем.

ЗДРАВСТВУЙ, РУСЬ!

Тайна «степных иероглифов»

Северное Причерноморье... Из глубины веков смотрят на нас народы, что называли когда-то эти земли своими. Многие столетия назад они обитали здесь, а потом исчезли с исторической арены, рассеялись среди других племен и народов. Но каждый из них в чем-то сохранился: кто — в чертах нашего лица, кто — в нашем языке, кто — в наших традициях...

Самым древним из известных нам по письменным источникам народов Причерноморья были киммерийцы. Они заселили эти земли около трех тысячелетий назад. В VIII веке до нашей эры их изгнали скифы. Но и владычество скифов не было долговечным: в первые века до нашей эры их потеснили племена сарматов, ставшие на протяжении нескольких веков ведущей политической силой Северного Причерноморья.

Почти одновременно с этими событиями в VII—V веках до нашей эры в Северном Причерноморье появляются греки, основавшие по побережью Понта Эвксинского (Черное море) города-колонии, часть которых, расположенная по берегам Боспора Киммерийского (Керченского пролива), объединилась в Боспорское царство. Греки принесли с собой достижения античной цивилизации, оказавшей большое влияние на скифов и сарматов. А быт, обычаи и культура варваров, как называли греки иноплеменников, воздействовали, в свою очередь, на причерноморских греков.

Но как складывались отношения между греками и варварами, какие события определили течение жизни этих народов? Ведь именно здесь, на широких просторах к северу от Черного моря, образовывалось первое русское государство — Киевская Русь. Об этом, к сожалению, известно очень мало. И скифы, и сарматы, и другие варвары, обитавшие в Северном Причерноморье, не зафиксировали письменно своей истории. Ученым приходится реставрировать ее, опираясь на свидетельства античных авторов, зачастую упоминавших об этих народах мимоходом, и на различные археологические памятники. Важное место среди этого материала принадлежит «степным иероглифам».

...О пятиметровом каменном столбе с тремя загадочными знаками, возвышающемся на просторах Терно-

польщины, с давних пор слагались легенды. Кто, когда, почему поставил здесь этот своеобразный монумент?

Многие музеи нашей страны хранят памятники с подобными знаками. Тут и обломки каменных плит, найденные у Кривого Рога и близ древней Ольвии (на берегу Бугского лимана), в степях сказочной Таврии и Приазовья. Зеркала древних модниц, обнаруженные в степных курганах. Надгробный памятник в форме грубо отесанной человеческой фигуры с едва намеченными чертами лица — изваяние, некогда венчавшее курган. Особенно богаты редкими экспонатами коллекции Москвы и Ленинграда. Здесь можно увидеть и глиняные игрушки, и знаменитых мраморных львов из Ольвии, и уникальные монеты, и тончайшие ювелирные изделия...

Кому же принадлежат «надписи» на этих памятниках? Древним грекам или скифам, римлянам или сарматам, готам или гуннам, аланам или антам и росам?

Ведь «загадочные знаки» являются своеобразной «хроникой» далеких бурных дней и событий. Их расшифровка может приоткрыть завесу над многими сторонами жизни народов, заселявших причерноморские степи. Ведущие специалисты многих стран мира уже в течение почти двухсот лет стремятся проникнуть в тайны этих загадочных изображений. И каких только сенсаций не бывало на этом пути!

Еще в прошлом веке ученые, занимавшиеся «степными иероглифами», высказывали об их природе разные соображения. Их считали и монограммами, составленными из знаков неизвестного письма, и неразгаданными буквами, и иероглифами, и чем-то вроде несколько упрощенной идеографической письменности, и условным письмом, состоящим частично из букв, а частично из символов...

С 20-х годов нашего столетия изучение причерноморских знаков приобретает более планомерный, систематический характер. Некоторые ученые усматривают в этих знаках попытку образовать сарматское письмо. Например, М. Ростовцев, аргументируя эту версию, говорит о хеттском иероглифическом письме, которое также образовалось из знаков.

В 30-х годах один из крупнейших лингвистов нашего времени, академик И. Мещанинов допустил, что в принципе знаки могли превращаться в идеограммы, в слоговые знаки. А пережив скачок от пиктограммы к идео-

грамме, знаки в дальнейшем могли трансформироваться в слоговое, а еще позже — в буквенное письмо. В качестве одной из возможных преемниц, которая могла позаимствовать причерноморские знаки, ученый назвал славянскую глаголицу.

С 50-х годов в исследовании знаков оформились два основных направления: сарматское и славянское. Сторонники первого предполагали, что «загадочные знаки» являются сарматским письмом. Приверженцы славянского направления, принимая северопричерноморские знаки то за буквы письма древних антов (славянское племя), то за письменные знаки, восходящие частично к греческому алфавиту, частично к рунической письменности, считали, что они дали начало глаголическому славянскому письму, будто бы образовавшемуся в результате длительного развития где-то в Северном Причерноморье.

На теории происхождения глаголицы из причерноморских знаков строит, например, свою концепцию Н. Константинов. По его мнению, в основе большинства причерноморских знаков лежит одна и та же древняя система — кипрское слоговое письмо, ввезенное якобы в Причерноморье греками-колонистами. После упадка Боспора эти знаки применялись с V века нашей эры в городах Западного Крыма, постепенно видоизменяясь. Это письмо было затем заимствовано славянами. Решив, что ключ к загадочным надписям найден, Н. Константинов тут же пытается «прочесть» знаки на так называемых древностях русов (VI—VII века нашей эры) и княжеские знаки Киевской Руси. Он объявляет расшифрованными более пятисот имен, слов и названий, хотя самой «расшифровки» не приводит.

Как монограммы из греческих букв причерноморские знаки пробует читать ученый из ФРГ Г. Гумбах. Например, знак боспорского царя Тиберия Евпатора он «расшифровывает» как греческое слово «солнце». Были и другие попытки «читать» эти знаки с помощью букв известных письменностей.

Столь противоречивые точки зрения на происхождение и значение знаков Северного Причерноморья побудили и меня еще в начале 50-х годов заняться их изучением. Откуда, как и когда появились они на широких степных просторах?..

Начались длительные поиски. Прежде всего необхо-

димо было самым тщательным образом изучить все памятники с причерноморскими знаками, разбросанные по разным отечественным и зарубежным музеям, надписи на скалах, в пещерах. Ведь публикация неверно срисованных, искаженных знаков нередко приводила к ложным толкованиям и заключениям ученых. Для этого пришлось с величайшей точностью переносить эти знаки на миллиметровку. Чтобы отделить случайные сколы и царапины от насечек, нанесенных рукой древнего человека, применялись оптические приборы, во много раз увеличивающие изображение, особые методы фотосъемок, освещение изображений под различными углами. Помогала и химия. С помощью специальных растворителей сняли многовековые налеты, и перед нашими глазами появились новые, до сей поры неизвестные ученым целые «надписи».

Наконец были составлены таблицы, сводящие воедино все причерноморские знаки. Теперь вместо ранее известных 240 знаков в научный оборот вводилось около тысячи. В своей основной массе они оказались чисто сарматскими. Этот вывод подкреплялся и тем обстоятельством, что самые древние знаки были начертаны именно на сарматских памятниках. Однако часть «степных иероглифов» — сложные знаки Боспора Киммерийского, хотя и несколько напоминала сарматские, принадлежала не этим племенам, а Боспорскому царству. Эти знаки встречались на изделиях только боспорского производства.

Теперь предстояло окончательно решить вопрос о происхождении, графической эволюции и значении причерноморских знаков. Поиски привели к неожиданному выводу: появлением своим знаки обязаны тотемическим представлениям древних о животных как прародителях человека.

Но каким образом схематические, геометризованные формы сарматских знаков возникли из реалистических изображений животных? В механизме этого превращения помогла разобраться своеобразная «билингва» — этнографическая параллель с племенами, и ныне сохранившими родовой строй.

Для примера возьмем обских угров. Угр П. Кукин принадлежал к роду «филин» — и знак рода, естественно, изображал его тотем — филина. Поскольку род П. Кукина когда-то уже отделился от своей основной ветви,

его, родовым знаком стало изображение части птицы — ее лапы. ⩚. Когда же из рода выделился сам П. Кукин с семьей, он, из-за сиротства считавшийся сыном всего рода, унаследовал по традиции знак всего рода — ту же лапу филина ⩚. Младший брат П. Кукина для отличия прибавил к своему знаку отросток вверху. У сына П. Кукина отросток появляется на средней линии внутри знака. В другой линии Кукиных одна из боковых черточек вообще исчезает. И хотя эта ветвь еще сознает свою принадлежность к роду «филина», однако новый знак благодаря своему большему сходству со стрелой, нежели с лапой птицы, получает название «стрела» ⋋.

В этом классическом примере четко видно, как изменяется с течением времени родовой знак, как исчезает в нем общий тотемный элемент. Знак превращается в индивидуальный и получает собственное название, взятое из обыденной жизни, например, «стрела», ставшая знаком одной из линий рода Кукиных. Со временем «прототипами» подобных знаков все чаще и чаще становятся изображения предметов быта, а тотемическая их основа забывается.

То же произошло и с сарматскими знаками. По своему значению они были сначала родовыми, затем семейными, а потом личными. Смысловой оттенок, который они приобретали в каждом конкретном случае употребления, зависел еще и от того, где и с какой целью их применяли. Их могли использовать для культово-магических целей или как знаки собственности, помечая имущество, изделия и пр. С их помощью передавали какието сведения внутри рода, где знали их смысл.

Уникальный памятник сарматского «письма» — известняковая плита из Керчи испещрена сарматскими «иероглифами». Это поистине энциклопедическое собрание сарматских знаков, здесь их около 500. Зачем было сарматам, воинственным степнякам, тратить время на составление такого «сборника»?

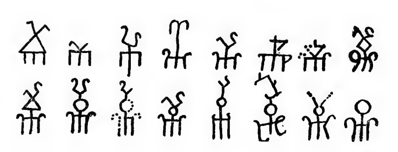
Ученые пытались объяснить появление этих начертаний культово-магическим использованием плиты. Однако в результате тщательного исследования знаков, как бы «наскакивающих» друг на друга, изучения этнографических параллелей и других материалов стало ясно, что этот «сборник» был составлен с чисто практической целью: для обозначения, например, проживающих в поселении или городище (как своего рода «домовая книга»), или для пометки пастбищ, водоемов и т. д.

Итак, секрет сарматских знаков был открыт. А сложные знаки Боспора Киммерийского? Каково было их значение? Они, увы, продолжали «молчать».

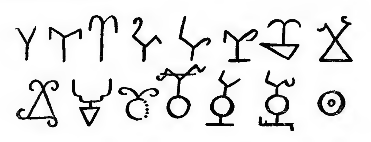
Изображались эти знаки обычно на самых разных предметах: надгробиях и ювелирных изделиях, поясных наконечниках, пряжках и стенах склепов, глиняной посуде и т. д. Такими знаками сопровождались греческие надписи общегосударственного значения на мраморных и известняковых плитах.

Толчком к дешифровке боспорских знаков снова послужила своеобразная билингва. Еще в конце прошлого века были найдены плиты, на которых высечен один и тот же знак. Когда уточнили датировку плит, выяснилось, что они относились к годам правления одного царя. Стало ясно: эти знаки были не чем иным, как личными знаками правителей Боспора. Имена же правителей подсказали греческие надписи на плитах. Эта догадка положила лишь начало подлинной дешифровке. Нужно было выяснить, как знаки образовались.

А форма знаков удивляла: каждый имел две явно самостоятельные части — верхнюю («числитель») и нижнюю («знаменатель»). «Числитель» у разных знаков менялся, «знаменатель» оставался тем же.

Но что это? Верхняя, изменяющаяся, часть тождественна сарматским знакам и встречается на многих сарматских памятниках.

Нижний элемент сложных боспорских знаков на сарматских памятниках не встречается вообще. Вывод напрашивался сам собой: нижняя часть знака, «знаменатель», являлась символом правящей боспорской династии, поэтому и была общей, а верхняя, «числитель», служила именным символом и менялась с переходом власти.

Оставалось проверить предположение. И случай представился. В Эрмитаже хранится мраморная плита с греческой надписью, а на ней стоит царский знак Рескупорида III, сына Савромата II. Царский знак Савромата II был известен по известняковой плите, хранящейся в Керченском музее. Сравнение знаков на плите показывает: убавление черточки в верхней правой развилке знака Савромата II (при одинаковой, естественно, нижней части) означало принадлежность этого варианта уже его сыну, Рескупориду III.

Итак, предположение было верным. Это подтверждается еще одним историческим фактом: как только к власти на Боспоре приходили цари-сарматы — Фофорс,

Ининфимей и другие, — исчезала и сложная архитектоника царского знака, пропадал «знаменатель». Это вполне естественно, поскольку сарматам была чужда символика правящей боспорской династии и они, разумеется, убирали ее эмблему. Ведь новые цари имели свою родословную, свои династические знаки — варианты сарматских знаков, распространенных в Причерноморье:

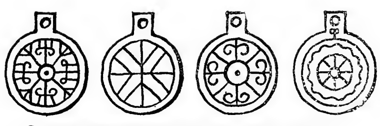
Для сарматских царей их символы были такой же святыней, как и сложные боспорские эмблемы для боспорских царей.

...Шло время, и наступил час, когда Боспорское царство было уничтожено. Сначала его захватили готы, ворвавшиеся в причерноморские земли в III веке нашей эры с Запада, затем — гунны, вторгшиеся в IV веке нашей эры с Востока и полностью опустошившие страну. Рассеяны были и сарматы.

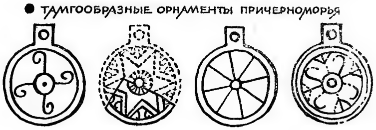
Ну а что стало со знаками? Исчезли ли они вместе со своими «авторами» или «пережили» их?..

Вот что рассказали нам об этом археологические находки. В 1890 году вблизи Херсонеса обнаружили пряжку боспорского производства с интересным знаком. Кроме основной прорисовки, он имел еще и дополнительные линии, подчеркивающие декоративность знака. Основа начертания воспроизводила уже знакомый именной сарматский знак. Тщательное изучение помогло установить, что в это время зарождался орнаментальный стиль выполнения знаков.

Дальнейшее развитие этой традиции привело к возникновению знакового орнамента. Такой орнамент встречается на зеркалах-подвесках.

● ТАМГООБРАЗНЫЕ ОРНАМЕНТЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Он выполнялся из различных знаков и их мотивов. На первых ступенях развития геральдического орнамента еще хорошо прослеживается его связь с родовыми и именными геральдическими знаками, но постепенно она забывается, и начертания становятся чисто изобразительными, художественными элементами.

И еще один возможный путь развития северопричерноморских знаков. Есть основания предполагать, что именно они стали той первоосновой, на которой сформировались «знаки Рюриковичей» — геральдические эмблемы князей Киевской Руси.

■ Расшифровывает советский ученый

Село Ромашки Киевской области... Именно здесь, на древней земле полян, в 1899 году археологом В. Хвойко был найден удивительный кувшин IV века нашей эры. Великолепно сделанный, он был покрыт орнаментом, образующим причудливые, сложные композиции.

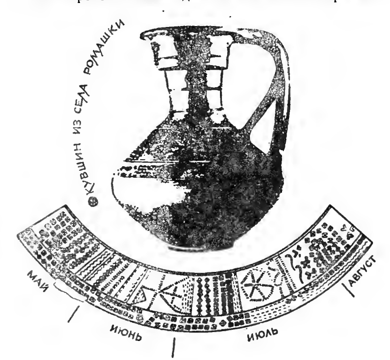
Долгие десятилетия кувшин стоял в археологическом музее, притягивая взоры ценителей древностей. Не один раз пробовали свои силы в разгадке орнамента ученые. Предположений было много, а строго обосно-

ванного научного доказательства получить не удавалось.

Но вот полянским кувшином из Ромашек заинтересовался академик Б. Рыбаков. Его богатый опыт подсказал совершенно новую идею. В том, что многие считали лишь непонятным орнаментом, академик Б. Рыбаков увидел композиции из крестов, деревца, струйчатых линий, серпов и снопов, различные комбинации из квадратных штампов. Начались упорные поиски ключа к расшифровке ромашковских композиций, и он был найден... на земле древних славян.

В 1957 году при раскопках в селе Лепесовке археолог М. Тиханова открыла сооружение III—IV веков с жертвенником посередине. Это было святилище — место, где древние славяне, оторвавшись от повседневных забот, «общались» с богами. Внутри жертвенника находились ритуальные чаши. С них все и началось.

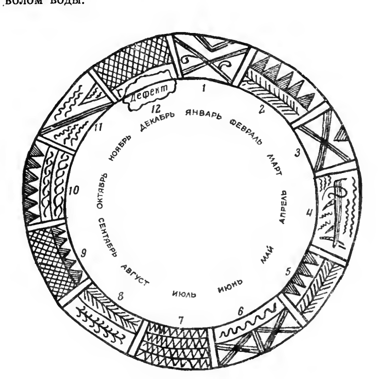
На широком венчике одной из чаш были изображены

двенадцать различных прямоугольных секций, и ни одного одинакового рисунка. Но ведь это число, заметил Б. Рыбаков, «широчайшим образом распространено во всем мировом фольклоре прежде всего как число 12 лунных месяцев в году». То, что рисунки лепесовской чаши — знаки двенадцати месяцев, нужно было доказать. И прежде всего доказать, какой именно месяц обозначен тем или иным рисунком.

Начался интереснейший путь ученого к дешифровке так называемого орнамента. Для удобства в работе рисунки были пронумерованы по часовой стрелке, начиная от прямоугольника, внутри которого прочерчен косой крест и угол наверху.

На трех рисунках (1, 3, 6) — четкие косые кресты. Их называют «поганскими крыжами». Это символы огня или солнца. В шестом рисунке косой крест повторен дважды и дополнен волнистой линией — обычным символом воды.

И тут на помощь ученому пришла его огромная эрудиция. Академик Б. Рыбаков вспомнил, что священный «живой» огонь, добываемый трением, возжигался славянами три раза в год. Первый раз — в связи с зимним солнцестоянием. Огонь горел до 6 января, до конца зимних «святок» (кстати, на народных деревянных календарях XVII — XIX веков знаком солнца обозначался январь, месяц «разгорания солнца»).

Второй — в связи с весенним равноденствием в конце марта (позднее христианство отодвинуло праздник масленицы на февраль — март).

Третий — у всех славянских и соседних с ними народов отмечается живым огнем праздник Ивана Купалы 24 июня, в день летнего солнцестояния, когда явственно выступают два элемента языческого культа — огонь и вода. Осеннее равноденствие у славян не праздновалось.

Таким образом Б. Рыбаков сопоставил три рисунка огневых знаков со славянскими месяцами.

Рисунок первый: январь (начало нового языческого года, месяц просьб и заклинаний на весь год). Рисунок третий: март (месяц проводов зимы и встречи весны). Рисунок шестой: июнь (месяц летнего зноя, солнцеворота и т. д.).

А вот четвертый рисунок. С первого взгляда ясно: изображено пахотное орудие — рало с череслом и борозды вокруг. Что ж, и это понятно, ведь еще племена черняховской культуры, населявшие эти земли со II по V век нашей эры, знали рало с полозом и плужным ножом. А на лепесовском рале изображены даже «вуйца»: два вертикальных, похожих на рога колышка, за которые закрепляется ярмо. Пахотные орудия главенствовали в лесостепной черняховской области именно в апреле — месяце пахоты и удобрения земли. Не зря, заметил ученый, древнерусское название апреля березозол — месяц «удобрения земли золою».

Восьмой рисунок на чаше обозначает вполне оформившиеся колосья с различными зернами. «Скорее всего, — предположил Б. Рыбаков, — это колосья пшеницы. Уборка яровых заканчивалась на Украине в августе, и месяц август до сих пор носит там характерное имя «серпень», месяц жатвы, уборки».

Интересна дешифровка девятого рисунка, символизирующего сентябрь — месяц перелета птиц. Именно в

это время на них устраивали охоту с гигантскими сетями, «перевесами», которые натягивали между высокими деревьями. В подтверждение своей догадки ученый сравнил этот рисунок с изображением сетей на старинной картинке охоты с «перевесами». Сходство оказалось удивительным.

Рисунок десятый — две плетенки, две косы льняной и конопляной пряжи. А обработка лубяных растений, трепка льна и увязка небольших плетенок пряжи производились в октябре.

Этим же «ключом» ученый пользовался и при дешифровке знаков на ромашкинском кувшине, где, как установил Б. Рыбаков, некоторые изображения календарно точно обозначали числа важнейших языческих празднеств в честь богов Ярилы, Купалы и Перуна.

Трудность дешифровки состояла в необычности орнамента на ромашкинском сосуде. В два ряда по стенкам сосуда шли знаки довольно сложных форм. Некоторые из них напоминали изображения серпов, колосьев. Молодое деревцо, два креста, шестиугольник — громовой знак и другие символы входили в верхний ряд загадочных изображений. Под ним явно в контакте с верхним шел второй ряд, состоящий из девяноста шести квадратов и волнистых линий, расположенных в замысловатом порядке. «А что, если квадраты обозначают дни?» — предположил Б. Рыбаков.

За точку отсчета ученый решил взять громовой знак, символизирующий праздник грозы и грома (Ильин день). К тому же точная дата его была известна из летописей, 20 июля по современному календарю. Но всякое предположение нуждается в доказательстве, и ученый обратился за помощью к летописям. И они не подвели, предоставив дату другого древнеславянского праздника, дня Ивана Купалы. От праздника грома и грозы он отстоит на 27 дней. В верхнем ряду кувшина этот июньский праздник обозначен двумя крестами.

Неужели число квадратов нижнего ряда между двумя символами ровно двадцать семь? Да, столько. А может быть, это лишь случайное совпадение?

Нет, ученый находит новые доказательства. Празднику Ивана Купалы, обозначенному на кувшине двумя крестами, предшествовала «русальная неделя», состоящая из шести дней. А на календаре полян вплотную ко

дню Купалы в нижнем ряду примыкает цепочка квадратов: их ровно шесть.

Тем не менее исследователь не успокаивается и находит еще доказательство: один из квадратов стоит под изображением дерева, оно, как правило, символизирует праздник Ярилы, который летопись приурочивает к 4 июня. Немного подсчетов, и становится ясно: квадрат под изображением дерева стоит на месте 4 июня...

Теперь можно не сомневаться: на ромашкинском кувшине изображен очень точный календарь, начинающийся 2 мая, а кончающийся 7 августа.

Неожиданно «ко двору» пришлось и еще одно доказательство. Сравнив современные сроки созревания на Украине яровой пшеницы и ячменя с «заговорившим» календарем, исследователь получил интересную картину.

Около 2 мая появляются первые всходы. 20—30 мая пшеница выходит в трубку — в этот период растение испытывает особенную жажду. На ромашкинском календаре прямо над квадратиками, обозначавшими именно эти дни, начерчены линии, явно символизирующие дождь. 11—20 июня — колошение. Значит, снова нужна влага. И снова над квадратами этих дней видны те же волнистые линии. 4—6 июля — молочная спелость зерна — вновь волнистые линии наверху.

Наконец, 20 июля дожди больше не нужны, волнистые линии переходят из верхнего ряда в нижний. Этим календарь символизирует «низведение» всех небесных вод под землю накануне жатвы...

Таков путь дешифровки. Результат работы академика Б Рыбакова бесценен. Ведь ни один из обычных методов здесь не применялся. Уж очень специфична расшифровка подобных «орнаментов».

Ромашкинский кувшин и лепесовская чаша со своими таинственными изображениями были лишь похожи. Усилиями ученого они дополнили друг друга, составив звенья одной цепи.

«Черты и резы»

«Прежде убо словене не имеху книг, но чротами и резами четеху и гатааху, погани суще. Крестивше же ся, римскими и греческыми писмены нуждаахуся [писати

словенску] речь без устроениа... посла имь святого Константина Философа, нарицаемого Кирилла, мужа праведна и истинна, и сотвори имь 30 письмена и осмь, ова убо по чину греческыхь писмен, ова же по словенстеи речи...»

Это краткое описание возникновения славянской письменности принадлежит болгарскому монаху, жившему на рубеже IX—X веков. Имя его Черноризец Храбр. Но нас в данном случае интересует та часть сообщения, где говорится, что до принятия христианства славяне считали и гадали с помощью каких-то «черт и резов».

Что же это за «черты и резы», если на алфавит, созданный Кириллом и Мефодием, они непохожи? Большинство ученых считают, что это примитивное письмо, которое славяне использовали в языческий период.

Впрочем, славяне свои письменные навыки демонстрировали не только Черноризцу Храбру. Есть и другие свидетельства. Арабский писатель Эль Массуди, умерший в середине X века, настаивал на том, что во время поездки на Русь в одном из языческих храмов он видел пророчество, начертанное на камне.

В 1897 году археолог В. Городцов вел раскопки у села Алеканово под Рязанью. Здесь он обнаружил сосуд, содержащий 14 непонятных знаков. «Сосуд оказался очень слабо обожженным... изготовлялся наспех... изготовление... местное, домашнее, а следовательно, и знаки на сосуде сделаны своим местным или домашним писцом, то есть славянином, — писал впоследствии археолог. — Остается предположить, что знаки представляют собой литеры неизвестного письма». Что ж, вполне резонно.

Через год там же, у села Алеканово, В. Городцов на фрагментах глиняных сосудов вновь нашел подобные знаки. Встречаются они и на других предметах. Итак, есть несколько звеньев цепи, но звеньев, к сожалению, до сих пор непонятных.

Положение осложняется тем, что этническая принадлежность населения, оставившего знаки на сосудах, до сих пор не ясна. Вполне возможно, на алекановских

сосудах представлен один из образцов «черт и резов», но не менее вероятно и предположение В. Сизова, что загадочные знаки являются родовыми клеймами.

Исследователи уделяли алекановским знакам немалое внимание. Еще бы, ведь они применялись непосредственно перед появлением славянского алфавита, перед кириллицей и глаголицей. Следовательно, эти системы письма могут быть связаны между собой. Некоторые пытались доказать близость алекановских знаков к глаголице, но основывались лишь на внешнем сходстве.

Путем сравнения древнеславянских знаков с глаголицей пошел и исследователь надписей И. Фигуровский. Одна из его дешифровок связана с находкой при раскопках Старой Ладоги фрагмента древнего лука с вырезанной надписью.

«Пазь поковье по лодияхъ. Домодзи ловочу Вреворусу. Пелегол ест». («Охраняй кованые изделия на ладьях. Помоги ловчему Вреворусу. Позаботился».) Так «перевел» эту надпись И. Фигуровский, предварительно решив, что на луке вырезаны древнерусские «черты и резы». Однако сенсацией эта расшифровка не стала, ибо дальнейшие исследования показали, что на луке вырезаны скандинавские руны, подлинность которых теперь достаточно подтверждена.

Споры спорами, а факты заставляют признать, что письмо у славян в дохристианский период существовало. Об этом свидетельствуют и древние письменные источники, и археологические находки, и общеисторические закономерности развития славянских племен. Ведь во второй половине первого тысячелетия нашей эры складывалось древнерусское государство — Киевская Русь.

Но каким мог быть характер дохристианской письменности? К тому времени человечество уже знало и идеографическое, и слоговое, и буквенное письмо. Однако, по мнению советского ученого В. Истрина, идеографическое письмо не могло привиться у славян, поскольку славянские языки имеют много грамматических форм, требующих изменения слов. Слоговое письмо тоже было непригодным для славянских языков — слишком много слогов они имели.

Подходящей же для передачи славянской речи могла быть буквенная письменность. Древние славяне вполне могли пользоваться буквами каких-то алфавитов слу-

чайно, несистематично, причем, возможно, в разных местностях составлялись самые разные наборы знаков («черты и резы»?), которыми пользовались для гадания, счета, обозначения дат и прочее. В дальнейшем они могли приобрести буквенно-звуковое значение, как, например, скандинавские руны. Для записи применяли, видимо, также греческие и латинские буквы («протокирилловское письмо»?) или буквы других алфавитов.

Ясно одно: до введения кириллицы — стабильного, упорядоченного употребления букв, хорошо приспособленных для передачи славянской речи, — какое-то письмо славянами, конечно, использовалось. Остается лишь сожалеть, что до нас дошло так мало свидетельств о первых письменах славянских племен, населявших в древности территорию нашей Родины. Ведь такие материалы для письма, как дерево и береста, о которых сообщали писатели древности, увы, недолговечны. И сохраняются лишь в определенных условиях. Но там, где есть эти условия, «черты и резы» пока не найдены.

Правда, в 1954 году в США появилось сообщение о памятнике древнерусского письма, относящемся якобы к концу IX века. Причем сам памятник не сохранился, опубликованы были лишь копии. История его такова. В 1919 году А. Изенбек обнаружил в помещичьей усадьбе под Орлом связку дощечек с неизвестными письменами. В конце гражданской войны А. Изенбек вывез дощечки с письменами за границу, где Ю. Миролюбовым были сделаны с них копии. А оригинал, дощечки, исчез после смерти А. Изенбека в 1941 году.

По описанию очевидцев, памятник представлял собой 35 березовых дощечек размером 22 на 38 сантиметров. В верхней части они, по-видимому, связывались ремешком, продернутым через отверстия. Каким-то острым предметом на дощечках были процарапаны письмена, по начертанию близкие кириллице.

Содержание «деревянной книги» оказалось сенсационным. Созданная древнерусскими жрецами-язычниками, эта своеобразная летопись начиналась событиями, происходившими задолго до нашей эры, и была доведена до времен князя Аскольда (IX век). На дощечках записан рассказ о передвижении славянских племен из глубин Центральной Азии на берега Дуная, о праотцах славян Богумире и Оре, о битвах с готами,

гуннами, аварами, о происхождении родов древляи, кривичей, полян, северян, русов. В тексте упоминается имя бога скота Влеса, поэтому книга и была названа «Влесовой».

«О ТОІ ШАС БЯ БОГУМИР МУЖ СЛВОІ А ИМЯ ТРИЕ ДЩЕРЕ А ДВИНЕ СОІНИ ТОІЕ БО ВЕИДЯЩА СКУФЕ ДО СТЕНПОІ А ТАМО ЖИВЯЙ О ТРАВЬХ ПОТЦЕ ВЬЩАСЯ И БОЯНИ БОЗЕ СЛУШЬНОІ А РАЗУМОІ... ВХИЦНЕ И ТАКО А ТУ МАТЕ ИЕХ ИЖЕ РЬЩНА СЛАВУНИ ПРО ОВА ТВРЯЩЕ ПОТРЕБЮ И РЬЩЬ ИН ДО БОГУМИР СТЕ СЕМЬ ДЕН МОІ А ИМАН ДЩЬЕРЕ СВА ОВДАТЕ А ВНУЧА ЗРЯНТЕИ...»

«В то время был Богумир, муж славный, и имел трех дочерей и двух сыновей, они пасли скот (?) в степях и там жили на травах, внимая отцам (?) и боясь бога слухом и разумом... (непонятно), и тут мать их, которая звалась Славуна, про то сотворила жертву (?) и сказала Богумиру: стали стары днями мы и имеем дочерей своих выдать и внучат видеть...» — говорится в одном из переводов приведенного фрагмента «Влесовой книги».

«Так сказав, — читаем далее в том же переводе, — и повозку запряг и поехал (непонятно), и приехал к дубу, стоящему в поле, и остановился на ночь с костром (?) своим, и увидел вечером трех мужей на конях, стремящихся к нему. Сказали те: здоров будь, а что ищешь? Поведал им Богумир заботы свои, а они отвечали, что сами в походе, чтобы достать жен... возвратился Богумир в свои степи, ведя трех мужей дочерям... от сего произошло три рода и были славны... оттуда происходят древляне, кривичи и поляне, так как первая дочь Богумира имела имя Древа, а другая Скрева и третья Полева, сыновья же Богумира имели свои имена Сева и младший Рус, оттуда и происходят северяне и русы... трое ведь мужей были трое (непонятно) утром, в полдень и вечером... создались те роды у семи рек, а заселили (?) заморье, в зеленом краю и где с древности (?) водили скот от востока до Карпенстеа горе... то было за тысяча триста лет до Германриху».

В 1959 году в Академии наук СССР «Влесова книга» была подвергнута экспертизе. Было установлено, что, кроме букв кириллицы, в тексте присутствуют греческие, латинские и знаки неизвестных письменностей.

Как отмечает советская исследовательница Л. Жуковская, графика дощечек неточно передает звуки славянской речи и по ряду признаков приближается к другим древним алфавитам. Начертания букв, хотя и вызывают сомнения в подлинности текста, все же не свидетельствуют прямо о подделке, так как речь идет о древнем, неизвестном нам письме.

Окончательные выводы были сделаны на основе лингвистического анализа, который более всего убеждает, что памятник — подделка. Текст, правда, написан знаками, которые могут быть отнесены ко времени до X века, однако язык его, хотя и содержит архаизмы, свойственные славянским языкам до X века, несет также черты, появившиеся в славянских языках в более поздний период, когда славяне широко пользовались кириллицей.

Многие признаки — содержание, язык и письмо дощечек — приводят к мысли, что этот «памятник» относится к изделиям знаменитого в начале XIX века фальсификатора древностей А. Сулукадзева, которому в свое время принадлежала редкая коллекция древностей и библиотека. Однако часть «древностей» была плодом фантазии собирателя. Подделки же свои он «мастерил» из желания приукрасить старину.

Фальсификаторская деятельность была вообще характерна для эпохи общеевропейского романтизма, поэтизировавшего старину. Так, на Западе она породила фальсификации, имевшие шумный успех. Например, «открытие» поэм Оссиана — шотландского поэта III века, которые сочинены англичанином Д. Макферсоном в XVIII веке.

Сначала при помощи приписок А. Сулукадзев стремился подтвердить свои псевдонаучные труды или снабжал подлинные рукописи «точной» датировкой, стараясь их максимально удревнить. Постепенно от приписок он перешел к полным подделкам, «изобретая» вообще не существовавшие памятники.

Итак, вполне достоверных памятников докириллического письма пока почти нет. Но ученые верят, что они обязательно отыщутся и будет раскрыта не одна новая страница истории Древней Руси.

■ «Знаменья» княгини Ольги

Представьте себе трезубец бога морей Посейдона, или двузубец, чем-то похожий на ухват, которым в деревнях и сейчас достают чугуны из печей. Знаки, напоминающие трезубец и ухват, постоянно находили на самых различных предметах Киевской Руси. На горшках и черепицах, на древнейших русских монетах и свинцовых печатях, которыми скрепляли государственные документы, на поясах дружинников, их оружии и различных украшениях. Словом, на чем их только не было.

1907 год. Полным ходом идут раскопки в городе Киеве. Находок очень много, и среди них кусок изразца с загадочным изображением. Им заинтересовался К. Болсуновский.

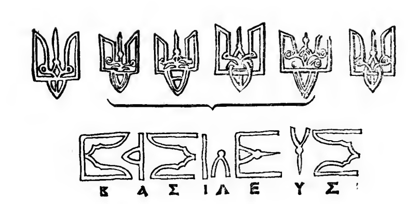
К. Болсуновский предположил, что найденный знак не что иное, как монограмма. В разработку этой гипотезы и были вложены все силы ученого. Но почему именно монограмма? К. Болсуновский объяснил это следующим образом. В свое время, когда знак появился, его значение, несомненно, было ясно и понятно всем, «но затем, вследствие усложнения геральдических условий, знак этот, дополненный различными прибавками, утратил свой первоначальный вид и, наконец,.. его первоначальный смысл остался совершенно забытым». Исследователь ищет объяснение таинственному знаку на монетах Боспорского царства, разыскивает аналогии в самой Византии, сравнивает с другими знаками на древнерусских монетах.

Наконец дешифровка завершена. Таинственный знак, словно сложная конструкция, был разобран на составные части, которые образовывали монограмму. Она состояла из греческих букв и читалась как базилевс. То есть «царь».

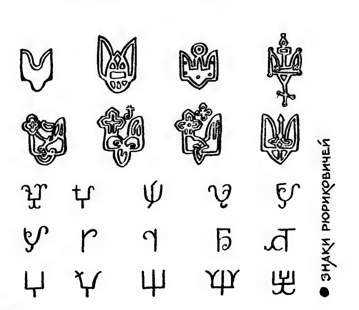
Но исследователь хотел установить, кому эта монограмма могла принадлежать. И вскоре ответ был дан: князю Владимиру... Однако имя было отождествлено с монограммой лишь на основании одинакового количества букв.

Такая расшифровка мало кого убедила.

Значки эти вызывали и до сих пор вызывают оживленные дискуссии. Спорили преимущественно о том, что же они означают, как их расшифровать, на что они мо-

гут быть похожи. Условно эти таинственные эмблемы назвали «знаками Рюриковичей». «Наверное, это схематическое изображение древнего корабля», — говорили одни. «Да нет же, это изображение светильника», — утверждали другие. Третьи придерживались мнения К. Болсуновского, что это зашифрованная монограмма, читающаяся как базилевс, то есть царь.

● ЗНАКИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Особенно жаркие споры велись вокруг древнейших русских монет X—XI веков, на которых рядом с изображением князя или занимая обратную сторону монеты стоял такой знак.

Впервые серьезно и научно обоснованно рассмотрел эти знаки академик Б. Рыбаков. Он показал, что при анализе «знаков Рюриковичей» надо обращать внимание на знаки, имеющиеся не только на древнерусских монетах, но и на других предметах.

Б. Рыбаков условно подразделил знаки на несколько групп. Тогда стало ясно, что знаки эти — клейма различных мастеров, княжеские знаки, тамги (так назывались у тюркских народов личные и родовые эмблемы). Например, если ремесленник принадлежал князю, то ставил на свою продукцию княжеский знак. И все знали, где предмет изготовлен или кому принадлежит. Княжеские знаки на бляшках поясов дружинников — значит, и дружинники княжеские.

Однажды на Тамани была найдена накладка на среднюю часть лука, а на ней — тщательно выгравированный знак, очень похожий на геральдический знак Ярослава Мудрого, известный по монетам. Похожий, но неидентичный. Б. Рыбакову удалось выяснить имя владельца знака. Это был брат Ярослава Мудрого, отважный Мстислав, получивший от отца князя Владимира в управление Тмутаракань в 987 году. Однако говорить о том, что и лук принадлежал Мстиславу, преждевременно, ибо он мог быть луком Мстиславова дружинника. На Северном Кавказе в районе Нальчика обнаружили также железное навершие, чрезвычайно похожее на описанный выше княжеский герб. Словом, где только не бывали русские дружины...

Встречаются «знаки Рюриковичей» и на свинцовых печатях и пломбах. Некоторые исследователи считали, что печати и пломбы со знаками принадлежат только князьям. Крупнейший советский исследователь печатей В. Янин предположил, что они принадлежали административным лицам. Пломбы же — их называют «дрогичинскими» по месту основных находок у города Дрогичина, в районе реки Буг, — служили обычными товарными пломбами.

Отметим, что о знаках, на которые наши предки не скупились, упоминали некоторые современники древних славян. В 943—944 годах русские, собирая дань, остав-

ляли какой-то знак, освобождавший от дальнейших сборов дани в этом месте, пишет арабский писатель Ибн-Мискавейх. Можно предположить, что это был знак правившего тогда князя Игоря.

«В лето 6455, иде Ольга Новугороду, и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли и знаменья и места и погосты». (Слово «знаменья» означает, очевидно, знак княжеской собственности, которым Ольга пользовалась во время поездки.) По мнению академика Б. Рыбакова, слово «знамя» тождественно знаку, тамге. В этом убеждает и тот факт, что «Русская правда» словом «знаменный» обозначала предмет, помеченный княжеским знаком. Кроме того, «Русская правда» сообщает о знаках, употреблявшихся в княжеском хозяйстве: «А за княж конь, иже тон с пятном, 3 гривны». Под словом «пятно» здесь нужно понимать княжеский знак.

Есть и другие свидетельства о так называемых знаках Рюриковичей, как письменные, так и археологические.

Начало «знаков Рюриковичей», по моему мнению, можно искать среди знаков Северного Причерноморья римского времени, а также тамг раннесредневековых изделий, наиболее полно описанных Б. Рыбаковым.

В 1893 году неподалеку от села Хацки обнаружили клад, относящийся к VI веку нашей эры. В нем были женские серебряные браслеты, подвески в форме трапеции, три комплекта богатых поясных наборов и другие

предметы. Особенно интересны поясные наконечники с какими-то знаками, вырезанными на поверхности. Объяснить их толком так никто и не смог.

Прошло шестнадцать лет, и в 1909 году в селе Мартыновка Каневского района Киевской области нашли еще один клад, также датированный VI веком нашей эры. В нем были фигурки коней и человечков, застежки и масса других предметов. Большинство изготовлено местными умельцами и лишь незначительная часть — византийскими. Среди вещей местного производства вновь были бляшки со знаками от серебряных поясных наборов. Тщательно исследовав эти находки, академик Б. Рыбаков пришел к выводу, что эмблемы на бляшках принадлежат древним русам.

Изображения на этих бляшках и явились следующим звеном цепи, ведущей к «знакам Рюриковичей».

К сожалению, у нас нет еще всех звеньев перехода знаков Северного Причерноморья и рассмотренных изображений раннего средневековья в «знаки Рюриковичей». Не хватает одного и очень важного звена, связующего их непосредственно с княжескими гербами Киевской Руси.

Не исключена и возможность местного происхождения некоторых славянских тамг. В последнее время в районах реки Припяти, где жили древние славяне, найдено много трапециевидных подвесок с эмблемами в форме двузубца. Они датируются рубежом новой эры.

Глаголица и кириллица

Кирилл и Мефодий... Создатели славянской азбуки родились в шумном и пыльном македонском городе Солуни. (Сейчас это греческий город Салоники.) Мефодий в 820 году, а через шесть лет — Константин (Кирилл). Отец их был болгарин. В это время добрую половину населения города составляли славяне, поэтому немудрено, что братья свободно владели славянским языком. Мать-гречанка постаралась дать Константину и Мефодию хорошее образование.

Особенно интересна фигура Константина, принявшего перед смертью имя Кирилл. Уже в детстве он пора-

жал своих учителей блестящими способностями. В 14 лет посланный родителями в Константинополь, Кирилл изучает астрономию и математику, риторику и музыку, философию и античную литературу, богословие. Перед ним открывалась блестящая карьера, но он занимает скромное место патриаршего библиотекаря, а вскоре покидает его, чтобы посвятить себя философии.

Позднее его увлекает миссионерская деятельность.

На рубеже 60-х годов IX века Кирилл, совершая миссионерскую поездку к хазарам, заехал по пути в город Корсунь (Херсонес) на южном берегу Крыма. Здесь он встретил человека, имевшего Евангелие и псалтырь, написанные какими-то русскими письменами. «Житие» рассказывает, что, прислушавшись к языку этого человека, очень похожему на его собственную болгаро-македонскую речь, Кирилл незамедлительно вступил с ним в беседу. А спустя некоторое время уже свободно разговаривал по-русски.

Согласно гипотезе И. Срезневского книги, которые видел Кирилл, были написаны «протокирилловским» письмом, то есть греческими буквами, приспособленными к передаче славянской речи. Видимо, эта встреча и натолкнула Кирилла на мысль о создании славянской азбуки.

В 863 году из Константинополя в Моравию по просьбе местного князя отправилась миссия во главе с Кириллом и Мефодием. Ее цель — поддержка православия в противовес католицизму, который всячески пытались укрепить немецкие феодалы, лелеявшие надежду подчинить Великоморавское княжество. Ехали не с голыми руками. В багаже путников лежала созданная перед отъездом славянская азбука.

С приездом Кирилла и Мефодия все богослужения начали вести на родном языке. На славянский язык переводились греческие книги.

В начале февраля 869 года здоровье Кирилла ухудшилось. Сказались годы напряженного труда над созданием алфавита, над переводом книг на славянский язык, многочисленные поездки. 14 февраля его не стало...

На шестнадцать лет пережил брата Мефодий. Последние годы его жизни прошли в работе над славянскими переводами. Он скончался в 885 году.

• КИРИЛЛИЦА

АБВГДЄЖꙀ
ІЇНКЛМNОП
ҎСТѸФХѠ
ЩЦЧШЪЬЫѢ
ЮꙖѤѦѪѨ
ѬѮѰѲѴ

Верные ученики продолжали дело братьев. Особенно благоприятная обстановка сложилась в Болгарии. В Моравии и Чехии деятельность братьев также не прошла бесследно и продолжалась в ряде мест в X—XII веках. Неустанный труд Кирилла и Мефодия положил начало созданию славянской литературы, старославянского литературного языка, имевшего огромное значение в дальнейшей жизни славянских народов.

Так что же собой представляла кириллица? Она состояла из 43 букв. В основе ее лежал греческий алфавит. Для звуков, одинаковых в славянском и греческом языках, использовались греческие буквы. Для звуков, присущих лишь славянскому языку, было создано 19 знаков простой формы, удобной для написания, которые соответствовали общему графическому стилю кирилловской азбуки.

Кириллица учитывала и правильно передавала фонетический состав старославянского языка. Однако у кириллицы был один крупный недостаток: она включала шесть греческих букв, не нужных для передачи славянской речи.

Параллельно с кириллицей в X веке существовала и другая разновидность славянского алфавита, глаголица.

В глаголическом письме было на три буквы меньше, чем в кириллице, а в более раннем — 38—39 букв. Совпадая с кириллицей по алфавитному соста-

глаголица

ву и расположению, звуковому значению и названиям букв, глаголица довольно сильно отличалась от нее сложными начертаниями знаков. Буквы глаголицы употреблялись и для обозначения чисел. Первые девять букв означали единицы, следующие девять — десятки и еще девять — сотни. Тысячу в глаголице обозначала одна буква — «червь». Для выделения цифрового значения буквы над ней изображали короткую волнистую линию — «титло», а по сторонам ставили обыкновенные точки.

Буквы глаголицы напоминали какие-то замысловатые завитки, петли и другие сложные фигуры. Происхождение букв до сих пор вызывает жаркие споры. И вполне естественно. Раз есть буквы, пусть даже сложные, значит, они на что-нибудь похожи. Только вот на что?

Одни ученые пошли по пути если не самому простому, то, во всяком случае, самому очевидному. Корни глаголицы стали искать в других алфавитных системах. В том же греческом письме, сирийском алфавите, в

скандинавских рунах и других алфавитах. В общем, теорий появилось много, но наибольшее распространение получили три.

Первая утверждает, что в основе глаголицы лежит византийская скоропись. Действительно, сходство есть, но очень незначительное. К тому же скоропись в Византии не употреблялась для богослужебных книг, а применялась в бытовой и деловой переписке.

Другие исследователи придерживаются мнения, что глаголица происходит от бытовавшего в дохристианское время местного славянского доглаголического письма, которое, возможно, возникло на графической основе уже рассмотренных нами «черт и резов», а также различного рода других знаков.

Согласно третьей гипотезе, по нашему мнению наиболее вероятной, глаголица создавалась учениками Кирилла и Мефодия или самим Кириллом, но на основе кириллицы. Приемлема эта гипотеза еще и потому, что уж больно вычурна и искусственна эта азбука, не похожая ни на одну из известных сейчас алфавитных систем.

В последние годы учеными были проведены исследования, которые подтвердили, что глаголица — это результат искусственной индивидуальной работы.

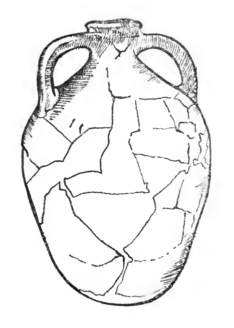
Так что же все-таки создал Кирилл? Большинство ученых склоняется к тому, что он изобрел глаголицу, а кириллица создана в Болгарии в конце IX века с целью приблизить славянское письмо к торжественному византийскому.

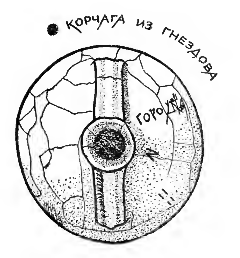
Споры ученых разрешит лишь время...

■ Письмо шагает по Руси

Неподалеку от Смоленска есть большое языческое кладбище. В археологии его принято называть Гнездовским могильником. Более двух с половиной тысяч курганов. Хоронили здесь славян, иногда варягов.

В 1949 году археолог Д. Авдусин приехал в Гнездово на очередные раскопки. Как обычно, выбрали курган, произвели необходимые обмеры. Началась кропотливая, трудоемкая работа. Ее результат превзошел все ожидания.

КОРЧАГА ИЗ ГНЕЗДОВА

Под курганом тысячу лет назад захоронили воина. Положили в ладью и сожгли. Это определили по так называемым ладейным заклепкам, найденным в кострище. Меч воина, предварительно сломанный, был воткнут в кострище. Нашли складные весы, женские украшения (очевидно, они принадлежали рабыне, захороненной здесь же), арабские монеты. Вокруг беспорядочно валялись остатки битой посуды.

Перебирая их, археологи наткнулись на черепок с процарапанными буквами и не поверили своим глазам: буквы были славянские.

Надпись гласила — «гороухша». Звук «у», который мы сейчас произносим довольно быстро, обозначался в древнерусском языке двумя буквами «оу». Две предпоследние буквы можно было прочесть по-разному, или «хщ», или «шн». Вот ведь как бывает, слово и буквы славянские, очевидно русские, а прочесть трудно.

Позже надпись показали академику М. Тихомирову, который подтвердил, что буквы русские, кириллица.

Датировали надпись первой половиной X века. Важно было правильно ее перевести. Языковед П. Черных считал, что ее надо читать как «гороушна», то есть «горчичные зерна». Первооткрыватель надписи Д. Авдусин и М. Тихомиров придерживались несколько другого мнения, трактуя ее как «гороухша» — «горчица».

Но как появилась надпись? Могло, конечно, быть так: какой-то человек купил корчагу с горчицей и, чтобы не перепутать ее содержимое с содержимым других сосудов, сделал пометку. Тогда как корчага из-под горчицы попала в погребение дружинника? Вполне возможно, что прошла не через одни руки, прежде чем оказалась в Гнездове.

Некоторые исследователи не соглашались с таким чтением надписи. Например, один чешский ученый трактовал ее как «Гороух пса», что означало «Горух писал». Археолог Г. Корзухина прочла надпись по-новому. Получилась «горюща» или «горяща», то есть «горючее».

В южных городах в слоях IX—X веков часто находили сосуды со следами нефти на стенках. Свойства нефти известны были давно, а развести костер, чтобы сжечь покойника, да еще, как вполне могло случиться, в плохую погоду, не просто. Гипотеза вполне приемлемая. Мог бы помочь химический анализ, если б корчага не побывала в огне.

Пока ученые остаются при своих мнениях.

Загадки этого сосуда еще далеко не исчерпаны. Под рассмотренной надписью стоит знак, весьма напоминающий латинскую букву «N». Д. Авдусин предположил, что это инициал владельца. Больше никаких гипотез не высказывали. Кто знает, быть может, со временем придет и его черед. Но главное в том, что найдена древнейшая из дошедших до нас достоверная русская надпись на основе кириллицы.

Надпись на корчаге помогает решить вопрос о характере письма у русов, о котором нам сообщает арабский путешественник Ибн-Фадлан. Путешествуя, он попал на похороны руса по языческому обряду и подробно его описал. Во время сожжения путешественник стоял у огня и беседовал с одним из русов. Тот говорил: «Вы, о, арабы, глупы... вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его... в землю, и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно...»

После сожжения, сообщает далее Ибн-Фадлан, «они соорудили... нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и царя русов и удалились».

К сожалению, Ибн-Фадлан не скопировал надпись. Академик М. Тихомиров предположил, что она была сделана кириллицей. Ведь захоронение относится к тому времени, когда процарапали надпись на корчаге из Гнездова.

Дошло до нас и сообщение другого арабского ученого — Ибн эль Недима. Относится оно к 987 году. «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказ. — *В. Д.*) послал его к царю русов; он утверждал. что они имеют письмена, вырезываемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображены, не знаю, были ли они слова или отдельные буквы». В отличие от первой надпись, скопированная предусмотрительным путешественником, сохранилась, но расшифровать ее пока не удается.

Еще об одной надписи, сделанной, вероятно, кириллицей, упоминается в знаменитой «Повести временных лет».

В конце X века князь Владимир Святославич осаждал город Херсонес. Во время осады житель этого города послал в лагерь Владимира стрелу с надписью следующего содержания: «Кладези еже суть за тобою от востока, из того вода идет по трубе».

Надпись воскрешает любопытную страницу истории Древней Руси. Вот что рассказывает нам об этих событиях одна из крымских легенд.

Решил киевский князь Владимир Святославич породниться с Византией, взять в жены сестру императора Анну. Но император Василий II счел унизительным родство с идолопоклонниками и ответил русскому князю гордым отказом...

Тогда Владимир Святославич собрал бояр, воевод, дружинников и сообщил им о своем решении принять христианство. А чтобы заставить Византию считаться с собой, завоевать Херсонес.

Летом 988 года рать Владимира выступила в поход. Ладьи с русскими воинами спустились в Черное море и подошли к берегам Таврии, близ Херсонеса. Их встретил человек в длинных до пят одеждах, с крестом на шее.

— Кто ты есть и как твое имя? — спросил его князь Владимир.

— Я священник из Херсонеса, а имя мое Анастасий. Дозволь и мне спросить тебя, княже, зачем с мечом к нам пожаловал? Ведь у нас с вами, русами, договор.

Князь объяснил цель своего похода. Тогда священник посоветовал ему уговорить жителей Херсонеса открыть ворота города. Херсонеситы отказались.

Князь попытался взять город штурмом. Но всякий раз под градом стрел и камней русские откатывались от городских стен.

Ратники окружили Херсонес и стали выжидать, когда в городе иссякнут запасы хлеба и воды. И тут дал о себе знать Анастасий. Он пустил в стан русских воинов стрелу с запиской. Русские перекрыли водовод и заставили город сдаться.

Получив весть о падении города, византийский император Василий II отправил в Херсонес послов и свою сестру Анну.

Князь Владимир принял христианство и обвенчался с Анной. Приняли христианство воеводы и воины кня-

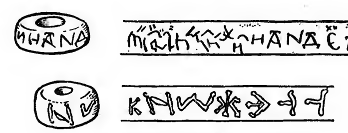
зя. На Русь вместе с князем отправились греческие учителя, священники, художники, ремесленники.

Крещение стимулировало развитие письменности, на Русь хлынул поток самой различной литературы. Грамотные люди стали обычным явлением. Учились грамоте и получали образование теперь уже не только самостоятельно. Возникли даже школы.

В одном из литературных произведений XVI века упоминалось, что «преж сего в Российском царстве и на Москве и в Великом Нове городе и по иным градом многие училища бывали и писати и пети и чести гораздных много было, но певцы и чтецы и доброписцы славны были по всей земле и доднесь». Речь шла о домонгольской Руси. Государству с введением христианства понадобилось сразу много образованных людей.

Летописи рассказывают о том, что некоторые люди знали не только русский язык, но и иностранные. Отец Владимира Мономаха «дома седя, изумеяше 5 язык, в том бо честь есть от инех земль», а печерский монах Никита читал книги на латинском, греческом и древнееврейском языках. Значит, в XI веке на Руси были книги не только на русском, но и на других языках. Дочь Ярослава Анна, выданная замуж за французского короля, была великолепно образована. Дочь князя Всеволода Анна, уйдя в 1086 году в монастырь, собрала «младых девиц неколико, обучала писанию, також ремеслам, пению, швению».

«Потворин пряслень». Эту надпись археологи увидели на одном из пряслиц, раскапывая в 1885 году Десятинную церковь в Киеве. Пряслице — это предмет, похожий иногда на кольцо, иногда на бочонок со сквоз-

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЯСЛИЦА

ным отверстием. Оно надевалось на веретено, чтобы утяжелить его и придать равномерность вращению. Только откуда надпись?

Представьте девушек, собравшихся на посиделки. Они поют и прядут или мотают пряжу. Но вот пряжа забыта, девушки танцуют. Как же найти после этого свое веретено? Здесь и помогает надпись, сделанная заблаговременно на пряслице.

Каких только слов и букв на них не встретишь! «Невесточь» — это какой-то юноша пометил пряслице своей невесты. Или: «Иванко создал тебе это единственной дочери».

Не уступали тем, кто писал на пряслицах, и ремесленники. «Максимов», — гласит надпись на формочке для литья, утверждая право собственности. Любили мастера, сделав удачно какую-то вещь, оставить на ней свое имя.

Помните гнездовскую корчагу? На подобных амфорах — корчагах (глиняных сосудах) писали и в других городах Руси. Надписи процарапывали по сухой глине. «Благодатнейша полна корчага сия». Так была прочитана надпись на одном из фрагментов амфоры — корчаги, найденной в Киеве.

Даже в бой ходили русские надписи. Их ставили оружейники как свое клеймо у рукояти. «Коваль Людота». Эти слова прочли на мече XI века, найденном на Киевщине.

Есть находки, о которых забывают после первой публикации. Но бывают и такие, о которых десятки лет ведут жаркие споры.

Стоит в Эрмитаже плита с надписью. Под ней табличка: «Тмутараканский камень»... Надпись в 67 букв о том, что в 1068 году князь Глеб Святославич мерил по льду расстояние «от Тмутороканя до Кърчева», то есть ширину Керченского пролива. Оказалось 14 тысяч сажен.

В 1776 году в связи с освоением Россией Причерноморья и северного Приазовья новороссийским, азовским и астраханским генерал-губернатором был назначен небезызвестный князь Потемкин. В середине 80-х годов XVIII века ожидался приезд на юг императрицы Екатерины II. Тщеславный князь, естественно, хотел представить край в самом лучшем виде.

В порядок приводились вновь присоединенные города. Среди них была и Тамань, которую Екатерина наверняка не собиралась посещать. В городке стоял батальон егерей под командованием премьер-майора Х. Розенберга, которому и приписывают находку Тмутараканского камня.

Обстоятельства находки неизвестны. Во всяком случае, в то время заботу о камне проявили очень своеобразно: притащили 864-килограммовую плиту к порогу казармы и уложили в качестве приступки.

В 1792 году на Тамань во главе первых черноморских казаков прибыл капитан П. Пустошкин. Подойдя к казарме и наступив на камень, он обратил внимание на странную надпись. Через десять дней камень лежал на корабле, ожидая отправления к адмиралу Н. Мордвинову, начальнику П. Пустошкина.

Сведения о камне дошли наконец до Екатерины II. Нужно сказать, она поступила весьма благоразумно. Было приказано камень немедленно возвратить на место, возвести вокруг него приличную ограду, а результаты обмера и копию надписи прислать в Петербург. Многие находки, археологические, этнографические, а также памятники письменности были собраны в это время.

Одним из любителей истории и древностей был граф А. Мусин-Пушкин. Благодаря ему до нас дошло «Слово о полку Игореве», многие летописи и прочее. Он-то и довел первым до царицы сведения о находке на Тамани камня с русской надписью. Но именно графа стали обвинять в том, что камень он выдумал, а надпись фальсифицировал.

Подлинная ли надпись на камне или выполнена в

ТМУТАРАКАНСКИЙ КАМЕНЬ (ФРАГМЕНТ)

XVIII веке, определить непросто. Мнения исследователей разделились.

Некоторые места в надписи вызывали сомнения. Например: «Мърилъ море по леду...» Но по какому льду, если южные зимы теплы, море не всегда покрывается льдом и средние сроки замерзания — три-пять дней, а максимальный — около месяца.

Не выяснено происхождение названия «Тмутаракань». Есть только предположение, что оно тюркское. В слове «Корчев» большинство ученых видят Керчь.

Больше всего сомнений вызывала часть надписи с количеством сажен, то есть расстояние от Тмутаракани до Корчева: А. Мусин-Пушкин утверждал, что 8054 сажени, другие приводили цифру 14 тысяч, принятую и сейчас. Неизвестна была и величина самой сажени. Вычислил длину сажени академик Б. Рыбаков. Она составила 152 сантиметра. Исходя из этой цифры, 14 тысяч сажен действительно соответствовали ширине пролива.

Подозрителен и внешний вид надписи. Уж больно малы и аккуратны буквы. Некоторые ученые полагают, что не соответствуют палеографии XI века и некоторые написания букв.

И все же доказательств в пользу подлинности камня больше. Особенно важно, что археологическими раскопками доказано существование Тмутаракани именно в тех местах, где был найден камень. Предвидеть этого фальсификаторы не могли.

Итак, камень с Тамани сообщил, что князь Глеб зачем-то усердно мерил расстояние до Корчева. Это было в 1068 году. А через одиннадцать лет, в 1079 году, сюда приехал посадничать Ратибор и начал выпускать

печати, которые долго приводили в недоумение многих исследователей. «От Ратибора...» Печати с такой надписью найдены в Крыму, в Киеве и на Полтавщине. Приобретены в Севастополе и в Константинополе.

И вот что странно. Рассылая свои печати по обширной территории, Ратибор никогда не обладал такой степенью власти, как другие владельцы печатей XI — начала XII века. Он был всего-навсего посланником Киева в Тмутаракани. Тогда почему он вел такую большую переписку? Исследователи считают, что в отличие от других печатей, утверждавших официальные документы, печати Ратибора привешивались к неофициальным посланиям. Однако загадка Ратибора по-прежнему ждет окончательной разгадки.

■ Граффити Софии Киевской

Гипотезы, даже очень смелые, дискуссионные, кажущиеся порой антинаучными, всегда двигают научную мысль вперед.

Оппоненты-скептики начинают накапливать факты, чтобы их опровергнуть, и тем самым углубляют изучение проблемы, приближая нас к истине. Вот почему к гипотезам надо относиться с уважением и вниманием.

Недавно киевские археологи вышли на арену дискуссий с гипотезой о существовании еще одной азбуки, которую назвали «софийской».

Но сначала о граффити. Известен факт: великий французский писатель В. Гюго, побывав как-то в соборе Парижской богоматери, заметил на одной из стен нацарапанное в старину слово «апачки», в переводе с греческого «фатум», «судьба». Эта коротенькая надпись взволновала писателя и натолкнула на мысль о создании романа «Собор Парижской богоматери».

Надписи на штукатурке зданий, на фресках храмов, процарапанные острыми предметами, у нас в стране известны давно. Их называют граффити. Изобилует этими надписями София Киевская — великолепный архитектурный памятник Киевской Руси.

Более полутора веков продолжается изучение этого шедевра древнерусской архитектуры, входящего в сокровищницу мирового искусства. Мозаики и фрески Софии Киевской известны всему миру. О высокой куль-

туре времен Киевской Руси свидетельствует неповторимая величественная архитектура собора, его строительная техника, монументально-декоративное искусство, тематика фресок.

Первые попытки изучения граффити Софии Киевской были сделаны в 20—30-х годах нашего столетия. В послевоенные годы интересные надписи обнаружил академик Б. Рыбаков. В числе опубликованных им в 1947 году граффити привлекают внимание надписи с упоминанием видных исторических деятелей Древней Руси — Владимира Мономаха, Мартирия, архиепископа Новгородского и других.

Планомерное изучение граффити началось намного позже. В 1954 году развернулись реставрационные работы в соборе. Из-под поздних наслоений начала высвобождаться древняя штукатурка... Именно расчистка больших участков первоначальной штукатурки и высококвалифицированные кадры рестравраторов позволили С. Высоцкому в 1959—1963 годах предпринять широкое исследование софийских граффити.

Выявление, фиксация, расшифровка и издание С. Высоцким древнерусских граффити Софии Киевской XI—XIX веков стали большим событием в советской исторической науке.

Что взволновало ученых в первую очередь? По содержанию надписи Софийского собора родственны, а иногда и аналогичны летописным сообщениям. Это свидетельствует о большом интересе их авторов к отечественной истории, стремление оставить память о волновавших их событиях.

6 ЗАПИСЬ О КОНЧИНЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

В

ВЗ ЅФѮ

МЦА ФѢВРАРІ

КХСЗП[Є]N

ІЄЦРАNАШ

ГОВЪВЪ

ѲЄѠДОРА

«В[лето] 6562 месяца февраля 20-го кончина царя нашего...»

Расшифровкой этой надписи, обнаруженной С. Высоцким, занялся академик Б. Рыбаков. Изучение граффити на стене позволило ему сделать несколько интересных выводов. В надписи, датированной 1054 годом, говорится о смерти «царя нашего». А именно в 1054 году, в феврале, умер великий киевский князь Ярослав Мудрый, строитель Софии Киевской.

В разных летописях точная дата смерти Ярослава определялась по-разному: или 19 февраля, или 20-го. Эти разногласия академик Б. Рыбаков объясняет тем, что Ярослав умер в ночь с субботы на воскресенье. В Древней Руси для определения начала дня существовало два принципа: по церковному счету — с полуночи, в быту — с рассвета. Вот почему по-разному называется и дата смерти Ярослава: по одному счету это была еще суббота, а по другому, церковному, — уже воскресенье. Так запись на стене помогла устранить давнюю путаницу в летописных известиях.

Итак, надпись на стене Софии исторически достоверна. Это вызывает доверие и к другим «автографам» наших предков.

Вот загадочное извещение, дошедшее до нас из глубины веков: «Месяца декабря в 4-е створиша мир на Желяни: Святополк, Володимир и Ольг».

О каком времени идет речь? И о каких князьях? Нужно быть хорошим знатоком истории, чтобы расшифровать загадочную и, видимо, очень важную надпись. С. Высоцкий начал с имени Святополка. Оно стоит первым в списке. В соответствии с иерархическими правилами того времени на первом месте вписывалось имя великого князя Киевского.

Имя Святополка не получило большого распространения на Руси из-за дурной славы Святополка Владимировича (Окаянного), который убил своих братьев Бориса и Глеба. Святополка Владимировича исследователь исключил из списка «претендентов» сразу. Окаянный умер в 1019 году, а Софийский собор построили в 1037.

Оставались три Святополка: Мстиславич, Георгиевич и Изяславич. Первый с 1142 года княжил в Новгороде, потом — во Владимире-Волынском, где и умер в 1154 году. Второй — Святополк Георгиевич — был ма-

лоизвестиым туровским киязем. И С. Высоцкий отдает предпочтеиие Святополку Изяславичу, который иа протяжении двадцати лет (1093—1113) был великим киязем Киевским. Только его имя могло быть вписаио в граффити впереди имен двух других князей.

Итак, период установлен. Это эпоха, о которой автор «Слова о полку Игореве» пишет как о иачале княжеских междоусобиц и иашествия иа Русь кочевых племен половцев.

Теперь иужно определить имеиа других князей. Это нетрудно. Владимир — переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах. А третий — чериговский киязь Олег Святославич, или «Гориславич» — так называет этого любителя интриг, княжеских ссор и конфликтов автор «Слова о полку Игореве». Они — современиики Святополка.

Желяныо в древности иазывали местиость юго-западнее Киева, по которой проходила дорога иа север, в сторону Вышгорода. Это равнина в пойме реки Лыбедь очень удобиа для передвижеиия войск. В летописи Желянь упоминается пять раз. Имеиио на Желяни войска Святополка были разбиты половцами.

Так исследователь установил эпоху и имеиа киязей. Теперь С. Высоцкий задался целью выяснить, когда произошло это важиое событие. Ведь мир у Желяии, по всей вероятности, имел огромное зиачение. Скорее всего князья скрепили свой союз клятвой, которую дали в Софийском соборе. На память об этом событии очевидец и сделал иадпись, которая звучит как важный дипломатический документ далеких времеи.

Но в каком году это было? Ведь в летописи иет сообщения о мире иа Желяни. Правда, есть похожая запись, датироваииая 1098 годом: «В лето 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ...»

Однако сначала или потом был подписан и мир иа кровопролитиой Желяии.

Снова поиск. Сиова размышлеиия над эпохой, о которой так выразительно пишет автор «Слова»: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждьбожа внука въ княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себе деляче».

Ученый исследует хронологию событий.

1094—1096 годы. Наступление на Русь кочевых племен. И обострение отношений между Владимиром Всеволодовичем Мономахом и Олегом Святославичем. Вотчина Олега, Чернигов, еще при Всеволоде была отдана Владимиру Мономаху.

1094 год. Олег призывает половцев на помощь и выгоняет Владимира из Чернигова в его вотчину — Переяславль.

1095 год. Святополк и Владимир идут на половцев. Приглашенный ими Олег уклоняется от участия в походе против своих союзников — половцев. «И бысть межи ими ненависть», — пишет летописец. Разгромив половцев 19 июля 1095 года, Святополк и Владимир идут на Чернигов наказывать Олега за измену. Тот бежит в Стародуб. После 33-дневной осады города князья заключили перемирие. Его главное условие: Олег и его брат Давид Святославич придут в Киев для заключения мира и общего договора «о Русской земле».

1096 год. Олег воюет в муромо-рязанских землях с сыновьями Владимира Мономаха.

1097 год. Состоялся Любечский съезд русских князей, где обсуждались вопросы совместной борьбы против половцев и раздела владений между потомками Ярослава Мудрого. В летописи не говорится о мире между Святополком, Владимиром и Олегом накануне Любечского съезда, и в то же время летописец упоминает, что Олег присутствовал на съезде как претендент на часть Русской земли. А это, конечно, возможно было только после предварительного примирения со Святополком и Владимиром. Значит, примирение произошло в 1096 году возле Киева, на Желяни?

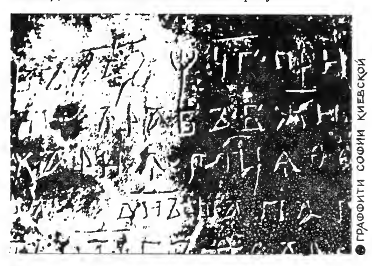
С. Высоцкий останавливается на дате 4 декабря 1097 года, тем более что (подтверждает он свое мнение) текст летописи 1096—1098 годов нарушен поздними вставками. Однако с датировкой С. Высоцкого не согласился академик Б. Рыбаков, во-первых, потому, что мир должны были заключать четыре князя, в том числе и старший брат Олега — Давид Святославич, а во-вторых, мир был заключен в Городце на полгода позже — летом 1098 года.

Восстанавливая хронологию дальнейших событий, ученый приходит к дате — 1104 год.

К тому времени Давид умер, а Олег, не захотевший участвовать в Долобском съезде князей в 1103 году, зимой 1104/05 года ходил со Святополком и Владимиром в поход на Минск.

Вполне справедливо С. Высоцкий называет автора записи патриотом Русской земли, единомышленником автора «Слова о полку Игореве», призывавшего князей к единению.

Исследуя граффити, С. Высоцкий расшифровал десятки интереснейших надписей. Древнерусские граффити XI—XIV веков Софии Киевской он разбил на следующие основные группы: надписи, содержащие сведения о военно-политической истории Древней Руси; помянальные надписи, близкие летописным («месяца августа в 22 преставися раб божий Лука епископ блаженный Белогородский» — в летописи о смерти епископа ничего не сказано); благожелательные надписи («Господи, помози рабе своей Олисаве Святополчей матери русской княгине...»); автографические («Михаль убогий, а грехом богатый писал, господи, помози ему», или «Писал Ставр Городятинич», или еще проще: «Иван писал»); надписи, относящиеся к фрескам (например, на изображении Онуфрия, на высоте 1,8 метра от пола, граффити: «Святой Онуфрий, моли бога милостивого за рабу свою Елену и... помощи... рабу своему Фсыпорови, аминь»); символические и бытовые рисунки.

● ГРАФФИТИ СОФИИ КИЕВСКОЙ

И еще об одном открытии. Оно произошло в наши дни.

В алтаре Михайловского придела Софии Киевской С. Высоцкий обнаружил целую азбуку. Она, как и все софийские граффити, была процарапана на древней штукатурке. Высота букв — 3 сантиметра. Время появления азбуки в соборе — первая половина XI века, то есть вскоре после сооружения храма. Однако сама азбука, предполагает исследователь, относится к гораздо более ранним временам.

В азбуке двадцать семь букв: 23 греческие и 4 славянские (б, ж, ш, щ). Софийская азбука, предположил ученый, занимает как бы промежуточное положение между греческим алфавитом и кириллицей, которая в моравском варианте имела 38 знаков, а во втором — болгарском — 43.

Но как появилась неведомая до сего времени азбука в соборе? Кто ее так тщательно и аккуратно выписал? Для чего? Зачем? И почему популяризатор азбуки так спешил запечатлеть ее в новом соборе, который строился на века? И почему в азбуке есть даже такие знаки, как «кси» и «омега», а «ъ» и «ь», оба «юса», «червь» и «цк» отсутствуют? И здесь ученые выдвинули любопытное предположение: эти знаки вообще не существовали в те времена, когда воспроизведенная софийским книжником азбука сформировалась и была в употреблении. Они появились позже.

Сформировалась и была в употреблении. Значит... Да, так неожиданно С. Высоцкий пришел к смелой гипотезе, которая взбудоражила научную общественность: найденная азбука — докирилловская и отражает начальный этап в создании славянских письмен. Ученый считает, что до 862 года на Руси существовала не только упорядоченная деловая документация, но и формировалась литература. И пользовались в то время азбукой, которую нашел С. Высоцкий в наши дни.

Гипотеза С. Высоцкого вызывает возражения, и серьезные, в первую очередь со стороны лингвистов.

А может быть, азбука просто не дописана, как не без оснований предполагает академик Б. Рыбаков?

Словом, пока не найдут другие памятники «докирилловского» письма, до тех пор не прекратятся споры, какой азбукой пользовались на Руси до принятия христианства.

■ Береста и новгородцы

Утром 26 июля 1951 года сотрудница Новгородской экспедиции Н. Акулова, расчищая мостовую XIV века, между плахами настила заметила вдруг плотный и грязный свиток бересты и, слегка счистив грязь, увидела на нем процарапанные буквы. Не подозревая о важности находки, Н. Акулова спокойно передала свиток начальнику участка и хотела вновь приняться за работу. Но, взглянув на начальника экспедиции А. Арциховского, мгновенно забыла о своих обязанностях. Тот застыл как монумент.

— Я ждал этой находки двадцать лет! — сказал он тогда.

Еще в 1938 году А. Арциховский говорил сотрудникам экспедиции, чтобы они разворачивали бересту и смотрели, нет ли на ней букв. И лишь в 1951 году его мечты сбылись. Тогда нашли десять грамот, сейчас их около 530.

В чем же сенсационность находок?

До 1951 года считалось, что грамотность в Древней Руси была привилегией князей, бояр, церковников, а рядовые ремесленники и вообще большинство жителей писать и читать не умели. Берестяные грамоты новгород-

цев доказали, что искусством письма владели и простые люди.

На всех грамотах буквы процарапаны какими-то острыми предметами. Для этой цели пользовались различными костяными, металлическими и деревянными стержнями, заостренными на конце. На противоположном конце стержня — «писала» делали отверстия, чтоб подвешивать к поясу.

Пролежав сотни лет во влажной среде, на воздухе и солнце, берестяные грамоты быстро подсыхали и рассыпались в руках. Прежде чем читать, нужно было реставрировать находки.

Прочесть грамоты не иероглифы расшифровать. Хоть и древний язык, но русский. Трудней с обрывками. Попробуйте разобрать текст, если от него осталось несколько предложений, а в большинстве слов не хватает по нескольку букв. Тем не менее большую часть фрагментов удалось прочесть и интерпретировать. Блестяще провел эту работу Л. Черепнин.

Он прочел даже то, что, казалось, невозможно было разобрать. Предположив, что берестяные и сохранившиеся пергаментные тексты близки по смыслу, Л. Черепнин стал просматривать все письменные документы XI—XV веков. Проделав тщательное исследование и обнаружив много совпадений с текстами цельных грамот, ученый смог восстановить и многие тексты на обрывках берестяных писем древних жителей Великого Новгорода.

Оказалось, что почти все они написаны простыми жителями. Значит, не бесписьменный период был тогда на Руси, а время массовой грамотности. Правда, можно возразить, что грамотность в Новгороде — это еще не грамотность всей Руси. Однако не в одном Новгороде, а еще в четырех городах (Пскове, Смоленске, Витебске и Старой Руссе) археологам посчастливилось найти берестяные рулончики с процарапанными буквами.

«Поклон от Михаили к осподину своему Тимофию. Земля готова, надобе семяна. Пришли, осподине, человек спроста, а мы не смием имать ржи без твоего слова».

«Поклон от Потра к Марье. Покосил есмь пожню, и Озерици у мене сено отъяли. Спиши список с купнои

грамоте да пришли семо; куды грамота поведе, дать ми розумно».

Живой язык древних новгородцев вырвался из тисков времени и заговорил. О чем же?

Вот, например, самая первая грамота из найденных в Новгороде. Она относится к XIV веку. В ней тринадцать строк, длина каждой строки 38 сантиметров. Правда, почти все строки изуродованы. Но А. Арциховский уловил содержание документа: в нем перечислялись села, с которых шли повинности в пользу какого-то Фомы.

«Есть град межу нобом и землею, а к ному еде посол без пути, сам ним, везе грамоту непсану». Это уже грамота-загадка. Переводится она так: «Есть город между небом и землей, а к нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту неписаную».

Загадка зиждется на библейской легенде и расшифровывается так: город между небом и землей — ковчег Ноя, который спасался от потопа. Немой посол — голубь, которого Ной послал узнать, не видна ли земля вблизи. А грамота неписаная — оливковая ветвь, которую голубь принес Ною в клюве своем как знак того, что вблизи показалась земля.

Среди авторов берестяных грамот были простые люди, ремесленники и крестьяне. Некоторые составлены группами крестьян. В них — протест против разных форм феодальной эксплуатации.

Вот как переводит одну из грамот А. Арциховский. «Поклон к Юрию и к Максиму от всех сирот. Что ты дал нам за ключника, он за нас не стоит, нас продает, и мы им ограблены. Мы из-за него неподвижны, не разрешает выездов. Из-за него мы погибаем. Если он будет сидеть, нам силы нет сидеть. Дай нам смирного человека. А на том тебе челом».

Новгородские крестьяне — «сироты» жалуются своим господам на весьма ретивого ключника, который не разрешает даже выезжать из селения для хозяйственных нужд. Не только жалуются, но и угрожают уходом.

Интересна серия грамот с детскими рисунками. Ученые установили и их автора. Это мальчик Онфим. На одной из грамот он изобразил на бересте свой «героизированный портрет» — всадник, поражающий врага. Детская мечта понятна: Онфим родился в эпоху великих побед Александра Невского. Любопытна и грамо-

та, иа которой Онфим нарисовал своих друзей: семеро ребят дружно взялись за руки.

А вот и проказы иовгородских школьников: «Невежя писа, иедума каза, а хто се цита».

Есть грамоты, которые дышат историей, жаркими боевыми схватками иа далеких северных рубежах Новгорода, борьбой за честь и независимость своего государства.

«От Григория ко Дмитру. М[ы в Но]рове, а ты ходи, ие бойся. Мир взяле иа [с]тарой меже Юрия князя, [ныне] ця послале кареле иа Каяио море а [не п]омешай, не испакости каянецамо ни соби. Присловия возми, а[к]и поимало дани лоиескии. А уцюеши, а ие пойду к Но... и, ты тогодъ иди [без меия]. А дома здорово, а на меня вестей перечиня... о. Аже возможеше, пособляй мне цимо».

Огромеи труд учеиых, расшифровавших эту грамоту. Надо было потратить месяцы кропотливых исследований на изучение летописей, исторической литературы, чтобы прочесть первую фразу именно так: «М[ы в Н]орове», а не, например, «м[ы зд]орове». (Норова или Нарова — так называлась пограничная со шведами новгородская волость на реке Нарве.)

А кто такой Юрий, что когда-то установил важную межу где-то на границе земли Новгородской? Здесь ученым помогли строки Ореховецкого договора 1323 года: «Это я князь великий Юрий с посадником Варфоломеем и с тысяцким Авраамом, со всем Новгородом заключили мир с братом своим с князем шведским Магнусом сыиом Эрика». Следовательно, упоминаемый иа бересте Юрий — это внук Александра Невского, старший брат Иваиа Калиты, московский князь Юрий Данилович, который был и иовгородским князем. Он успешно воевал со шведами, заключил с ними Ореховецкий мирный договор и установил выгодные для Новгорода границы.

Изучая старинные договорные документы иовгородцев со шведами и иорвежцами, исследователи определили конечный пуикт «межи князя Юрия»: он находился на северо-восточном побережье моря «Каяня» — Ботнического залива. К юго-западу от этой «межи» — территория Швеции, к северо-востоку — иовгородская земля.

Спустя три года после заключения Ореховецкого ми-

ра Магнус — король Швеции и властелин Норвегии — заключил с Новгородом еще один мирный договор, подтвердивший правильность «межи Юрия». Но зимой 1337/38 года карелы подвели немцев (так летописец называет шведов) и вероломно убили много новгородцев, а также купцов из Ладоги и христиан, которые жили в Карельском городке. Новгородцы, собравшись с силой, уже летом ответили мощным ударом. «Молодцы новгородские» опустошили земли вокруг Немецкого городка, сожгли урожай и порезали скот.

Вскоре в Новгород из Выборга от воеводы Петрина пришли послы, заявившие, что «размирье» произошло без ведома короля Магнуса. Это удовлетворило новгородцев, и они послали «Кузму Твердиславица и Олександра Борисовица посольством, и привезоша мир, доконцавше по тому миру, что доконцали с великим князем Юрьем в Неве...».

Вот какие тончайшие перипетии дипломатической жизни Новгорода передает берестяная грамота, которую после длительных исследований можно датировать точно — 1339 год. Григорий писал послание после встречи новгородских послов с Магнусом и первым сообщил Дмитру о заключении мира. Ясно, что Григорий принадлежал к свите послов: он в числе тех «другов», о которых упоминает летописец. А Дмитр? Его характеризует строчка: «Присловия возми, а[к]и поимало дани лонескии», то есть «памятную записку возьми, как собрал прошлогодние дани».

Таким образом, и Григорий и Дмитр — сборщики дани. Только Григорий был еще и посланником. Видимо, им нужно было вместе идти собирать дань, но посольская миссия затягивалась, и Григорий приписывает: «Если станет ясным, что я не пойду к Но[...] и, ты тогда иди [без меня]». О хороших связях посольства с Новгородом свидетельствует и предпоследнее предложение: «[Я знаю], что дома все в порядке, меня об этом уже известили».

Кстати, первая грамота, найденная в Новгороде, оказалась одной из самых больших.

Из сообщений древних авторов было известно об употреблении бересты как писчего материала в таких странах, как Швеция, восточная Прибалтика, но находок не было. Наконец, при раскопках шведской торговой фактории, называемой «Готским двором», нашли бе-

рестяную грамоту, буквы которой сильно напоминали готическое письмо. Расшифровать ее взялся сотрудник Московского университета Д. Дрбоглав. Как выяснил исследователь, грамота написана готическим курсивом XIV—XV веков. В ней три различные надписи, прочтена пока лишь одна, правда, самая длинная: какой-то благочестивый «гость» написал начало 94-го псалма Давида.

Эта находка, конечно, не может свидетельствовать с абсолютной точностью о существовании на Западе берестяных писем. Автор этой грамоты мог просто перенять способ записи у смекалистых новгородцев. Тем не менее это открытие стимулирует дальнейшие поиски археологов Западной Европы.

«Сенсация», «Выдающиеся находки», «Крупнейшие научные достижения нашего времени» — так характеризовали зарубежные ученые находки берестяных грамот в Новгороде известным советским ученым А. Арциховским и его коллегами. Доклады советских исследователей слушали на международных конгрессах и симпозиумах в Риме, Париже, Лондоне и других городах.

Ничего удивительного. Ведь благодаря берестяным грамотам, как отметил член-корреспондент АН СССР В. Янин, впервые удалось получить доступ в такие уголки прошлого, которые ранее считались абсолютно недоступными.

■ Библиотека Ярослава

На древнерусском языке говорили и писали в Новгороде, в Киеве, загадочной Тмутаракани и других местах. Около 250 рукописных книг сохранилось до наших дней. Цифра небольшая, если учесть, с какой скоростью развивались в домонгольский период на Руси письменность и книжное дело.

Советский историк Б. Сапунов высчитал, что в XI—XIII веках на Руси были сотни тысяч книг, из них не менее 85 тысяч церковных.

Но вспомним: черной тучей пронеслись по Руси татаро-монголы, жгли города и деревни, уводили с собой мастеров. Впрочем, пылали книги не только во время нашествия. Горели монастыри, церкви, а вместе с ни-

ми и книги. А ведь это были основные книгохранилища. В Новгороде с середины XI по XIX век сгорело 816 церквей. 160 войн было в XIII—XV веках. В XVI веке (в 1571 году) в Москву ворвался крымский хан Девлет-Гирей, в XVII веке — поляки. Пожары 1812 года. Да разве перечислишь все трагические события, когда книги горели.

А вспомните реформу Никона. По требованию грозного патриарха церковные книги приводили в соответствие с древними византийскими образцами. Неугодные произведения уничтожали. Тысячи книг погибали, не выдержав действия времени.

Немного произведений дошло до нас. «Поучение Владимира Мономаха», «Изборник Святослава», «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Слово о полку Игореве» и другие памятники древнерусской литературы. И среди них особое место занимает знаменитая хроника «Повесть временных лет», которая может быть сравнима с энциклопедическим трудом. Здесь приводятся данные географические и этнографические, отрывки не дошедших до нашего времени былин, сказаний, легенд и песен.

Автор этой замечательной летописи — монах Печерского монастыря Нестор — стал фактически первым историком восточных славян. Это был образованнейший человек своего времени. Он знал много языков, хорошо изучил литературу, исторические материалы, труды летописцев-предшественников. Все эти источники были им умело переработаны.

Рассказывая о славе и величии Родины, о ее значении в жизни европейских государств, о мудрой политике русских князей, о единстве государства, летописец показывает себя истинным патриотом Земли Русской.

В наши дни возникла даже научная дисциплина, изучающая жизнь и деятельность великого летописца, «нестороведение».

Важное место в нашей жизни занимают библиотеки. Не могли обойтись без них и в Киевской Руси. Создавались библиотеки, как правило, при монастырях и способствовали продолжению и углублению образования. Следил за книгами один из монахов.

О такой библиотеке рассказал академик Б. Греков. Братия по распоряжению брата-библиотекаря «должна

была являться в определенные часы для чтения книг. Часть братии занималась списыванием книг. При Феодосии в Печерском монастыре был монах Иларион, «хитрый писать книги». Никон переплетал их. А в углу его стола обычно по вечерам пристраивался сам Феодосий и прял нити, необходимые для переплета. Некоторые из братии имели собственные библиотеки. Ученик Феодосия Григорий не имел ничего своего, но не мог удержаться от приобретения книг. У него их стали воровать. Чтобы не вводить воров в искушение, он часть своих книг подарил «властелину града», а другую продал; вырученные деньги роздал нищим. Но тяга к книге не прошла. Он снова стал собирать библиотеку.

Монах Никита, будучи в монастыре, наизусть выучил Ветхий завет. Дамиан не спал ночи и читал книги. Феодосий поощрял «почитанье книжное». Книги накоплялись и тщательно хранились. Для литературных работ, выходивших из этого монастыря, они, конечно, были необходимы».

В «Повести временных лет» рассказывается о битве с печенегами. На месте битв, в честь святой Софии, богини мудрости, в 1037 году был воздвигнут храм святой Софии.

В глубине собора до сих пор стоит мраморная гробница Ярослава Мудрого. Русские летописи, скандинавские саги, европейские хроники рассказывают о нем как о выдающемся государственном деятеле. Известна и его широкая образованность.

Лаврентьевская летопись рассказывает:

«Ярослав начал строить в Киеве большую городскую ограду, у которой есть Золотые ворота; основал и церковь Святой Софии, митрополичью, и после этого церковь Святого Благовещенья Богородицы, что на Золотых воротах, после этого монастыри Св. Георгия и Св. Ирины. При нем вера христианская начала широко распространяться, умножились монахи и начали основываться монастыри. Ярослав любил церковные уставы, очень любил священников, особенно монахов, прилежно читал книги ночью и днем. И собрал он многих писцов, приказывал переводить с греческого на славянское письмо, и списали они много книг; он и приобрел много книг, поучаясь которыми, верующие люди наслаждаются Божественным учением. И как бывает, что один распашет землю, другой насеет, а третьи пожи-

нают и едят нескудную пищу, так и он. Его отец Владимир распахал и размягчил, то есть просветил крещеньем, он засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, усваивая книжное учение... Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги, он много их приказал написать и положил в церкви Св. Софии, которую сам и построил...»

Итак, есть свидетельство об образовании библиотеки. Но такова уж наука, что одного свидетельства бывает маловато.

Когда основана библиотека, где хранились книги и где они переписывались? Какой состав библиотеки и вообще какова ее роль в культурном развитии Руси? Во всем этом много неясного.

Вспомните, как формируются современные библиотеки. Годами... В Киевской Руси, где одна книга могла переписываться несколько лет, все было сложнее.

В 1037 году постройка «Софии» завершилась. Это значит, что вместе с окончанием постройки в 1037 году могло начаться лишь основание библиотеки. Но книги исчезли. Возможно, огромный пожар, багровым языком слизнувший почти весь Киев в 1124 году, не обошел и библиотеки Ярослава Мудрого.

Или другое предположение. 6 декабря 1240 года, когда ничто уже не могло сдержать натиска татаро-монголов, Киев был взят. Последние защитники города делали отчаянные попытки спасти положение. Старики, женщины и дети укрылись от огня и врагов под защиту церковных стен. Все надеялись, что захватчики не решатся посягнуть на святыни... Раскопки Десятинной церкви археологом М. Каргером позволили представить картину взятия церкви татарами.

...Некоторые жители пытались спрятаться в тайнике, переждать. Все было сметено, все разрушено. Более ранние раскопки археолога В. Хвойко выявили к востоку от Десятинной церкви огромную братскую могилу. Здесь лежат защитники церкви и те, кто в ней укрывался. Никого не щадила татарская сабля: ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни младенцев. Рядом нашли еще одну братскую могилу, а сколько их было по всему Древнему Киеву! И уж, конечно, не лучше обошлись захватчики с теми, кто находился в Софийском соборе. Его разграбили, а книги в лучшем случае выбросили.

Что же могло храниться в этой библиотеке?

Многие исследователи считают, что при Ярославе книги в основном переводили с греческого языка на русский или переписывали ранее переведенные. Русский историк церкви Е. Голубинский считал, что Ярослав в первую очередь старался приобретать книги в Болгарии, где они были уже переведены на славянский язык. Исследователь полагает, что число томов в библиотеке доходило до 500, а трудились над ее созданием 20 мастеров в течение двенадцати с половиной лет. Но гипотеза эта не подтверждена доказательствами и не принимается большинством ученых.

В наше время установлено, что в библиотеке хранились книги в основном церковного содержания: евангелия, книги пророков, премудрости Соломона, апостол, жития святых. Это видно даже из похвалы учению книжному, приведенному в записи Лаврентьевской летописи в том же 1037 году: «Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаемъ и въздержанье от словесъ книжных. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходищя мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ похваляа глаголаше: «Азъ, премудрость, вселих светъ и разумъ и смыслъ, азъ призвах. Страхъ господень... Мои свети, моя мудрость, мое утвержденье, моя крепость. Мною цесареве царствують, а силнии пишютъ правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Азъ любящая мя люблю, ищющи мене обращють благодать». Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то беседуеть с богомь, или святыми мужи. Почитая пророческыя беседы, и еуанґельская ученья и апостолская, и житья святыхъ отець, въсприемлеть души велику ползу».

Во всяком случае, сколько бы книг и каких ни было собрано в этой библиотеке, они оставили значительный след и в развитии письменности, и в развитии библиотек на Руси.

Печерский монастырь был основан еще при Ярославе. Здесь составлялись летописи и писались книги. В дни, свободные от работы, монах-книгохранитель ударял в било — нечто вроде современного гонга, собиралась братия и каждый получал по книге для чтения.

Кроме того, монастырские правила обязывали во время приема пищи читать вслух книгу для всех.

Более семидесяти монастырей было на Руси в домонгольский период. В Киеве, Переяславле, Чернигове, Ростове, Турове, Полоцке, Нижнем Новгороде, Владимире, Ладоге, Новгороде и других городах. Многие из них имели и библиотеки. Иногда на обложках древних книг можно встретить надпись, свидетельствующую о пожертвовании этой книги монастырю или церкви.

Более половины уцелевших книг XI—XIV веков приходится на Новгород. В период деятельности Ярослава здесь была создана библиотека, сохранившая интереснейшие книги, в том числе и Остромирово Евангелие (1056—1057 годы).

Большая библиотека была в XI веке при Софийском соборе в Полоцке.

В 1101 году в Смоленске строится обширный Успенский собор. Основывается монастырь и библиотека.

Но обратимся вновь к библиотеке Ярослава. Неужели не сохранилось ни одной книги? Были смелые предположения, что некоторые книги можно отыскать в крупнейших современных библиотеках, например в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

В 1653 году путешественник из сирийского города Алеппо Павел Алеппский приехал в Киев. Посетил Печерский монастырь и, к своему удивлению, увидел великолепное хранилище. Книги были дорогие и древние. Возможно, что это была библиотека Ярослава Мудрого. Но пожар 1718 года безжалостно уничтожил эту сокровищницу. А может быть, библиотека Ярослава до сегодняшнего дня лежит в одном из подземелий, которых так много в Киеве? Это предположение не так уж невероятно.

В начале XX века рядом с Софийским собором провалилась земля. То, что это подземный ход, догадаться было нетрудно. Известия о нем быстро распространялись, обрастая все новыми, подчас совершенно фантастическими подробностями и предположениями.

И неудивительно. Несколько местных любителей истории обследовали подземный ход и обнаружили при этом кусок бересты с надписью, которая могла заинтриговать любого. «А ще кто найде сей ход, той найде велий клад Ярослав». «Велий» — означало «большой».

Увы, надпись оказалась поздней и относилась к рубежу XVII—XVIII веков...

«Книги имеют свою судьбу», — говорит древняя мудрость. У древнерусских книг, записанных кириллицей, завидная судьба: они намного пережили своих создателей. О высокоученых, по мерилам того времени, летописцах мы вспоминаем, читая старательно зафиксированные скупые исторические сведения. Они рассказывают нам, далеким потомкам, о своем суровом времени, о своих современниках. Авторы летописей не беспристрастные регистраторы событий, которые развертываются у них перед глазами. Они выступают с активной гражданской позиции: поддерживают и восхваляют тех князей, что радеют об интересах Отечества, и, напротив, порицают тех, которые руководствуются лишь корыстью и тщеславием. Главная их забота — единство и процветание родной земли, благоденствие своего народа. И эта традиция, заложенная еще древнерусскими летописцами, стала отличительной чертой лучших произведений русской и советской литературы.

ЧЕРЕЗ
ПРОШЛОЕ
К БУДУЩЕМУ

Настоящее вырастает из прошлого, а будущее — из настоящего. И чем глубже мы постигаем прошлое, тем лучше способны предвидеть и творить будущее.

Еще два столетия назад наша история начиналась от Гомера и преданий Ветхого завета. Знание древних языков ограничивалось латынью, греческим и древнееврейским. Колоссальная работа, проделанная за это время археологами и лингвистами, удлинила историю человечества по меньшей мере вдвое.

Много побед над беспощадным временем одержали ученые, возвратившие из небытия древние народы, имена и облик тех, кто незримо присутствует в нашей жизни. Талант и труд множества народов, в том числе и забытых, влился частицей в культурное достояние человечества. Это они изобрели водопровод и колесо, календарь и плуг.

Однако письмена хранят еще немало тайн.

Молчат письмена долины Инда. Здесь, на территории Пакистана, где в древности проходили пути из Центральной и Западной Азии в Индию, процветала одна из величайших цивилизаций прошлого. Возникла она одновременно с цивилизациями на берегах Нила и в Месопотамии, между Тигром и Евфратом. Каждая создала свою письменность. Две из них — древнеегипетские иероглифы и клинопись — уже дешифрованы. Третья ждет своего Шампольона.

Пока не удалось обнаружить ни одной длинной надписи, относящейся к цивилизации долины Инда. Найдены только короткие. Они выгравированы на печатях, клеймах, бронзовых табличках, керамических изделиях.

Загадкой остается этрусский язык, письмо острова Пасхи... Нуждается в дешифровке протобиблская письменность. Библ был одним из крупнейших портов Финикии на Средиземном море, центром финикийской культуры. Некоторые ученые считают эту письменность предтечей алфавита.

Не разгадана письменность Кавказской Албании. Это государство возникло во II веке нашей эры, занимало территорию Азербайджана и части Дагестана, заселено было многочисленными племенами. (Созвучие в названии с европейской Албанией наука считает случайным.) Ее алфавит составил ученый монах М. Маштоц, создатель армянского и грузинского алфавитов.

Перечень можно было бы продолжить: микенское,

протоэламское, хараппское письмо... Каждая письменность ждет своих билингв, своих Вентрисов и Грозных, убежденных в том, что все созданное человеком может быть человеком разгадано.

Огромная работа, проделанная учеными-дешифровщиками, принесла свои плоды не только историкам, но и лингвистам. Она предоставила им в руки богатейший материал. Новые знания дали возможность проследить, как формировалась письменность на протяжении тысячелетий, понять общие законы, по которым развивается письмо.

От робких, неумелых контуров предмета к уверенному рисунку, почти натуралистической картине-пиктограмме, своеобразному рассказу в картинках, о событии, взволновавшем художника. Понадобилось не одно тысячелетие, прежде чем древний человек осознал рисунок как знак.

Передача смысла через рисунок долгое время была господствующим принципом. Мысль записывалась набором рисунков-понятий, которые настолько упростились и схематизировались, превратившись в знак-идеограмму, что порой только при очень большом напряжении воображения можно узнать очертания первоначального образа.

Имена собственные стали для идеографического письма своего рода камнем преткновения и заставили искать иную форму, нежели знак-понятие. Выход был найден: имена начали записывать «ребусным» спосо-

бом — набором знаков, фиксирующих сходно звучащие слова. Знак-идеограмма выступал в этом случае в роли слога: не смысловой, а фонетической единицы. Иногда фонетическую запись применяли параллельно с идеографической и для других слов. Это помогло ученым при дешифровке письма установить произношение слов.

В дальнейшем более молодые письменности стали использовать слоговой принцип. Старым идеографическим письменностям, например египетской иероглифике или ассиро-вавилонской клинописи, было труднее переходить на слоговую систему — довлели традиции. И все же слоги активно внедрялись в практику письма. Причем одно и то же слово могло, кроме идеограммы, иметь несколько вариантов слоговой записи. Представьте себе, какой хаос царил и в без того громоздком письме!

Слоговое письмо отражало фонетический строй языка. То была «звучащая» запись. Слоговые письменности насчитывали от нескольких десятков (35—40 в письменности брахми и кхароштхи) до нескольких сот знаков (более двухсот — в эфиопском письме). Это зависело от особенностей звучания языка.

Следующей единицей при делении слова на более мелкие частицы был звук, графически выраженный в букве. Путь от пиктографии завершен был буквенным письмом.

Если внимательно присмотреться к переходам от одного типа письменности к другому, можно заметить, что движущим моментом развития, основным стимулом к поискам новых средств является точность в передаче содержания.

Точность! Как меняется содержание этого понятия от века к веку! Человек эпохи неолита не торопился в погоне за минутами. Ему достаточно было четырех зарубок на бирке-календаре, которыми он отмечал зиму, весну, лето и осень. Так же цельно, в согласии с тем, что видел перед глазами, он воспринимал и отражал мир, довольствуясь рисунком.

Размеренно текло время у древних египтян. Подобно пирамидам, их иероглифы воспринимаются как символы покоя и вечности.

Далека от нашего «счета на минуты» и римская точность. Римляне еще не учитывали дней как самостоя-

тельных хронологических единиц. Время они мерили декадами — десятидневками.

Потребность во все более возрастающей точности становится важнейшей чертой нашего времени.

Современное письмо пользуется преимуществами всех знаковых систем. Пиктография очень наглядна и потому часто применяется в рекламе, для различных предупредительных знаков. Идеограмма, не связанная со звучащей речью, сегодня, в век расширяющихся контактов между государствами, становится более универсальным средством, чем буква, связанная со звучащей речью, и употребляется в международных системах (единицы измерения, формулы, химические, математические и другие общепринятые символы).

Приглядимся к современному письму. Как богат его арсенал! Порой нам трудно бывает найти нужное слово, чтобы точнее выразить свою мысль, но при его написании мы не испытываем особых трудностей.

Воспроизвести интонацию речи, развитие мысли помогают нам особые значки — знаки препинания. Их всего десять: точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки, вопросительный и восклицательный знаки, кавычки и многоточие. Каждый из этих маленьких значков, всем хорошо знакомых и доставляющих некоторым из нас немало хлопот, имеет строго установленное назначение, и эта точность в распределении обязанностей между ними — результат высокой степени развития системы письма.

Знаки препинания появились сравнительно недавно. Первой из них была точка, которая получила свое современное значение лишь в XVII веке. Остальные и того моложе. Упорядочить пунктуацию помогло книгопечатание. Первые правила применения знаков препинания были составлены в конце XV века венецианским книгопечатником А. Мануцием.

В русской грамматике система пунктуации начинает закрепляться в XVIII веке. Современные же правила применения знаков препинания сформулированы лишь в конце XIX — начале XX века. Наше письмо, сколь бы удобным и совершенным оно ни казалось, продолжает развиваться. И возможно, глядя на строчки наших книг, человек будущего сочтет его столь же неудобным для передачи информации, как мы ныне церковный полуустав или клинопись.

Еще в конце прошлого столетия был создан международный искусственный язык эсперанто. Его изобрел польский дантист Л. Заменгоф. Эсперанто задуман как одно из легкодоступных средств общения. Естественные живые языки трудно учить, в них много специфического, связанного с историей и психологией народа. Складываясь на протяжении многих сотен лет, такой язык имеет множество правил и исключений.

Эсперанто же графически прост, в нем всего 16 правил и ни одного исключения. Словарь его содержит понятия, включаемые во все европейские языки. Поэтому им легко овладеть. Особенно «моден» эксперанто был в 20—30-х годах. На Западе и сейчас много энтузиастов, есть даже театр, в котором спектакли даются на языке эсперанто.

Эсперанто не единственная попытка создать международный язык. Предложено около 300 искусственных языков. Некоторые из них основываются на неалфавитных системах знаков, которыми можно было бы записать звучащее слово.

Основная сложность, возникающая при точной фиксации речи, заключается в том, что языки имеют различный фонетический строй и нужен навык, чтобы воспроизводить необычные звуки: например, у некоторых африканских племен есть непривычные для европейца «щелкающие» звуки, в китайском и бирманском языках особую роль играет высота тона.

Заметнее всего эта звуковая особенность отражается на именах собственных (снова имена собственные, которые тысячелетия назад помогли перейти от записи смысла к записи звука). Принятая сегодня запись произношения имени или названия (его транскрипция) приводит нередко к разным неурядицам. Библиотекари знают, как трудно порой бывает найти книгу иностранного автора лишь потому, что приводится разная транскрипция его фамилии.

Предложено много проектов фонетической записи языков.

«Международный фонетический алфавит» (МФА) — система знаков, с помощью которой можно точно передавать звуки любого языка. Однако запись знаками МФА очень сложна.

Своеобразна система «видимая речь», разработанная американцем М. Беллом. Знаки этой системы показы-

вают не сам звук, а положение, которое принимают органы речи при его воспроизведении.

Этот принцип был усовершенствован датчанином. О. Есперсеном. Его система знаков для записи звуков названа «Неалфавитная нотация». Каждый звук записывается как своеобразная формула, составляемая из арабских цифр, греческих и латинских букв. Греческие буквы в этой формуле указывают органы речи, принимающие участие в образовании звука, а латинские — их положение.

Можно продолжить перечень. Однако главным для нас является неуклонное стремление найти универсальный способ записи речи, пригодный для любого языка. Сейчас трудно сказать, какой метод окажется наиболее удобным и точным. Важно, что человечество ищет его и наверняка найдет.

Стремительный рост объема информации стал характерной чертой нашего времени. Ученые назвали его «информационным взрывом». Информационный поток так велик, что порой экономически целесообразнее провести исследование, чем тратить усилия на поиски сведений о результатах аналогичных работ. Чтобы этот поток как-то регулировать, ведутся усиленные поиски новых методов сбора, хранения и распространения информации. Главное место в решении этой проблемы отводится информационно-поисковым машинам. В их память закладываются поступающие сведения, которые затем будут выдаваться по первому требованию специалиста. Перед творцами таких систем на первый план выдвигается проблема машинного языка. Огромная армия лингвистов во многих странах мира работает сейчас над созданием этих формализованных языков.

Итак, мы живем в век, когда человечество усиленно ищет способы преодоления языковых барьеров. Одни ученые видят будущее языка в постепенном слиянии существующих. Международный лексикон уже обладает довольно большим количеством общих слов. Возникают общие морфологические модели и синтаксические конструкции. Этот интернациональный фонд будет увеличиваться и дальше.

Между тем существует и другая, противоположная тенденция. Во всем мире укрепляются и развиваются национальные языки. Они служат основой национальных культур. Создается богатая литература, отражаю-

щая историческое и психологическое своеобразие народа. И вряд ли, считают другие исследователи, в обозримом будущем произойдет полное слияние всех языков мира в один.

Видимо, оба процесса будут развиваться параллельно. Уже сейчас языки, на которых говорит значительная часть населения планеты, возводятся в ранг международных. Мировыми языками провозглашены английский, русский, китайский, испанский, французский.

И еще один важный момент, касающийся судеб письма. Он связан с появлением новых средств передачи информации: радио, телевидения, кинематографа.

Сегодня письменность существует в форме книги, журнала, газеты. Они вошли в наш дом как верные друзья и уживаются в нем вместе с телевизором и радиоприемником. Над книгой склоняемся мы, чтобы постичь азы знаний. К книге обращаемся за нужной справкой. Книга приносит радость встречи с великими литературными произведениями. У нас в стране книга в большом почете в каждой семье.

Некоторые футурологи предрекают книге смерть. Они провозглашают закат «Гуттенберговой галактики», вспоминая немецкого первопечатника, родоначальника европейского книгопечатания И. Гуттенберга. Телевидение, радио, кинематограф, по их мнению, должны вытеснить книгу из жизни человека будущего. Утилитарные знания он будет получать по телевидению или по другим каналам, нажимая соответствующие кнопки.

Не хочется верить, что книге суждено погибнуть. Прошедшая длинный путь от глиняных табличек и свитков папируса до современного тома, она одарит людей будущего счастливыми минутами общения с духовным богатством, накопленным веками. И среди тех сокровищ заблестят, как редкие, бесценные каменья, рассказы древних о себе, возвращенные к новой жизни усилиями многих ученых, которые заставили заговорить умолкнувшие письмена.

Автор считает своим долгом выразить сердечную благодарность О. Домбровскому, В. Жуку, М. Зелениной, М. Истриной, Л. Ковальчук, К. Куранцевой, С. Лопатенко, А. Мажуко, А. Нехаеву, С. и В. Плачиндам, Е. Подвысоцкой, Н. Сикорскому, В. Скворонскому, В. Смирновой, Н. Соловьевой, А. Хренковой, В. Эггерт, а также всем друзьям, коллегам, ученикам, оказавшим большую помощь в работе над книгой «Дорогами тысячелетий».

СОДЕРЖАНИЕ

Драчук В. С.

Д 72 Дорогами тысячелетий. О чем поведали письмена. Предисл. акад. Б. Рыбакова. М., «Молодая гвардия», 1976.

256 с. с ил. (Эврика.)

На скале Таш-Аир в Крыму археологи обнаружили загадочные изображения: фигурки людей, вооруженных и невооруженных, бегущих, лежащих; вздыбленная лошадь, разбитые повозки, собака, готовая к прыжку... Какую драму из жизни своего племени запечатлел древний художник? Удастся ли современному человеку разгадать истинный смысл событий многовековой давности? О развитии письма от рисунка к букве, о расшифровке древнейших письменностей разных народов увлекательно рассказывает автор. Особый раздел книги посвящен развитию письма на Руси.

Д $\frac{70300-241}{078(02)-76}$ 055—76 4

Виктор Семенович Драчук
ДОРОГАМИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Редактор **Л. Антонюк**
Художественный редактор **А. Косаргин**
Технические редакторы **Р. Сиголаева, Е. Брауде**
Корректоры **Г. Василёва, Г. Трибунская**

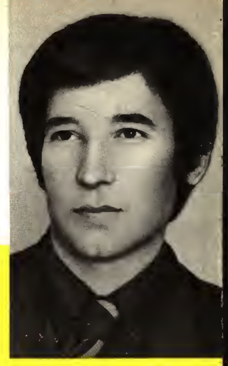
Сдано в набор 20/VIII 1976 г. Подписано к печати 22/XI 1976 г. А05215. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 8 (усл. 13,44). Уч.-изд. л. 13,4. Тираж 100 000 экз. Цена 62 коп. Т. П. 1976 г., № 55. Заказ 1407.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

62 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА. 1976

ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ ДРАЧУК

У этого человека удивительная судьба.

Еще его студенческие исследования заинтересовали советских и зарубежных ученых. Он все успевал: руководил научным обществом Киевского университета и комиссией по работе с молодыми учеными АН УССР, работал в Институте археологии, горкоме и обкоме комсомола, писал историю комсомола Киева и. Крыма, заведовал отделом науки «Киевского комсомольца» и школами юных археологов и журналистов.

И вдруг несчастье. Виктор остался жив, но лишился зрения, слуха, речи, возможности двигаться. Он преодолел смерть благодаря удивительной воле к жизни. За годы борьбы с болезнью он опубликовал более 50 научных работ в нашей стране и за рубежом, защитил диссертацию по дешифровке пиктограмм, стал старшим научным сотрудником Академии наук и членом Союза журналистов, продолжал комсомольскую работу.

Сейчас он один из ведущих специалистов по тамгообразным изображениям, работает на стыке истории, лингвистики и вспомогательных исторических дисциплин. Им написано девять научных и популярных книг, книга о героях-комсомольцах, а также публицистические очерки и рассказы.

Виктор Семенович еще не совсем здоров. Но его беспокойное сердце все так же заражает других своей энергией, неистовым комсомольским задором, вечным духом поиска...